Е.В. ПЧЕЛОВ

ГЕНЕАЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ

Е. В. Пчелов

ГЕНЕАЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ

IX-начала XI в.

Москва
2001

ББК 63.2
П 92

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор
О.М. Медушевская

Научные консультанты:
доктор исторических наук,
академик РАЕН М.В. Бибиков,
кандидат культурологии И.А. Протопопова

Рецензенты:
доктор исторических наук,
профессор Е.И. Каменцева,
доктор исторических наук,
академик РАЕН А.И. Комиссаренко

© Пчелов Е.В., 2001
© Российский государственный гуманитарный университет, 2001

ISBN 5-7281-0314-6

Оглавление

Введение 7

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИИ

Русские источники 19
Скандинавские источники 25
Европейские латиноязычные источники 32
Польские источники 34
Византийские источники 35
Еврейско-хазарская переписка 36
Восточные мусульманские источники 37
Историография 38

Глава 1
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ

Биография Рюрика и ее интерпретации 43
Версии о славянском происхождении Рюрика 60
Скандинавская вероятная генеалогия Рюрика 68

Глава 2
ДИНАСТИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ
В ДОХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД

Князья второй половины IX в. 99
Князь Олег 110
Княжеская династия в период 912 – 972 гг. 125

Глава 3
РЮРИКОВИЧИ В КОНЦЕ X – НАЧАЛЕ XI в.

Четвертое поколение Рюриковичей 151
Семья святого Владимира 160
Заключение 215

Введение

Традиционно в отечественной и зарубежной медиевистике вопросы, связанные с генеалогией, особенно генеалогией эпохи раннего Средневековья, рассматривались не как самоценное явление, а скорее как необходимый вспомогательный материал. Между тем проблемы политической истории любого средневекового государства невозможно ни изучить, ни понять без более или менее четкого представления о системе генеалогии в данный период, прежде всего генеалогии правящей династии. Генеалогия в данном случае может выступать неким системообразующим фактором, той основой, тем каркасом, на который уже "наслаиваются" другие вопросы и проблемы. Такое важное значение генеалогии применительно к истории Средневековья, в том числе и раннего, обусловливается целым рядом ее важнейших функций. Родственные отношения вообще играли выдающуюся роль в средневековом обществе: они лежали в основе многих политических процессов, регулировали систему наследования, на которой во многом зиждилась экономическая жизнь, на ранним этапе выполняли функцию ориентира во времени. Генеалогия как бы упорядочивала время и пространство, определяла в них место человеку, давала ему характеристику, фиксировала его социальный статус. Она также создавала ощущение целостности исторического развития в общественном сознании. Последнее было особенно важно в связи с представлениями об историческом процессе, сформировавшемся в эпоху Средневековья.

В отличие от античного мира, где история мыслилась как некая спираль, на каждом витке которой события

повторялись вновь и вновь (отсюда и своеобразие хронологической системы древних греков), в Средние века возобладал другой взгляд. Теперь уже история приобретала конечность, она становилась линейной, и исторический процесс представлялся не в виде цикла, а в виде развернутой линии между двумя точками: свершившимся актом Творения мира и предполагавшимся Вторым Пришествием и Страшным судом. Эти две парадигмы исторического сознания создали и две системы генеалогии. Значение генеалогии было велико в оба периода, но проявлялось оно по-разному. В античном мире родословные не имели четко выраженного хронологического смысла. Они служили, во-первых, связующим звеном между реальными людьми и богами, которые, обладая бессмертием, являлись современниками первых, а во-вторых, выполняли функцию легитимизации власти, точнее, конкретных ее носителей (династии государей в Древней Греции, а также определенный круг знатных родов Рима происходили напрямую от богов; впрочем, потомками богов считались и многие выдающиеся деятели античного мира, например Солон, Платон, Аристотель и др.). Такая ситуация во многом объясняется тем, что мифологическое сознание было постоянно живо в античном мире: людей окружали мифы, и люди жили в мире мифа. Эта укорененность в мифе рождала и генеалогию, воспринимавшуюся не как мифологическое явление, а как совершенно реальная система, во многом определявшая канву исторических событий. Иное значение приобрела генеалогия в эпоху Средневековья. Здесь линейное движение обусловило "развернутость" генеалогии в длинную цепь поколений, генеалогия приобрела четко выраженный "временной" характер, и это классическое для европейского Средневековья понимание генеалогии, вероятно, имело источником библейскую традицию. Достаточно вспомнить генеалогию Иисуса из Библии, чтобы увидеть источник средневековой европейской генеалогической системы, для которой характерны внимание к деталям, относительно точный просчет родства и т. д. Но время раннего Средневековья (примерно до XI в.) в этом

плане обладает значительным своеобразием. Тогда еще были сильны пережитки старого исторического мышления, одновременно сосуществовали и христианское общество, и языческая цивилизация Северной Европы. Во взаимодействии разных сил, разных систем рождалась средневековая Европа. Генеалогия оставалась связанной с мифом, но эта связь осуществлялась не на уровне сказки (как было много позже, в XVII–XVIII вв.), а на уровне веры в возможность реальности таких родственных отношений. Связь разных культур как бы прослеживалась через генеалогию. Как еще лучше можно было связать старое и новое, древнее и современное, свое и чужое? Этот момент перехода от античности к цивилизации средневекового христианского Запада, которая в полной мере сложилась к XI–XII вв., очень интересен с различных точек зрения, в том числе и с точки зрения анализа генеалогии. Ее изучение может помочь не только попытаться прояснить конкретные, реальные исторические события, но и показать связи этносов и культур, выявить особенности исторического мышления, общественного сознания, возможно, обратить внимание на какие-то черты менталитета человека раннесредневековой эпохи. Важно подчеркнуть, что для ранних генеалогий характерна многовариантность. Одновременно могли существовать и фиксироваться совершенно разные версии генеалогии той или иной династии. Это в какой-то степени объясняется особенностью средневекового сознания, в котором присутствовало представление об одновременном и параллельном существовании нескольких центров мира, страны и т. д.[1].

В понимании процессов, происходивших в средневековом обществе, генеалогия может сыграть значительную роль, а некоторые периоды его истории невозможно изучать, не опираясь на генеалогический материал (например, так называемую феодальную раздробленность на Руси или, как писали дореволюционные историки, "удельный период", примерно с начала XII в. до конца XV в.). Это в полной мере относится и к русской истории в целом, и к начальному ее этапу в частности. К сожалению,

применительно к русской истории начального периода изучение генеалогических проблем в исторической науке было долгое время непопулярным. Конечно, глубокое понимание значения генеалогии для средневековой русской истории присутствовало в трудах отечественных исследователей-русистов дореволюционного периода, большинство из которых попутно, а некоторые и специально занимались вопросами генеалогии и изучением биографий князей. Но впоследствии отношение к генеалогии княжеской династии, подобно отношению к генеалогии как к научной дисциплине вообще, было крайне нигилистическим. Не только отрицалась ее очевидная роль в истории Средневековья, но и считалась сфальсифицированной генеалогия первых поколений Рюриковичей, даже под сомнение ставилось само существование некоторых лиц включая и основателя династии. Наиболее ярко эта позиция была высказана археологом С.П. Толстовым: "Тень Рюрика... как и всякая нежить, только мешает живой работе"[2]. Такое направление, конечно, явилось следствием огромного перекоса в сторону социально-экономической истории и истории классовой борьбы, который наблюдался в отечественной историографии советского периода. На современном этапе значение генеалогических исследований возрастает, но бо́льшая часть работ относится к изучению в основном поздних периодов истории, а раннее Средневековье еще остается во многом terra incognita. Это не означает, будто нет работ, конкретно посвященных генеалогии Рюриковичей домонгольского периода включая и древнейшую часть, но они имеют определенный недостаток. Авторы таких трудов (многие из них не являются профессиональными историками) создали работы исключительно генеалогического характера. Они, думается, не в полной мере учитывали специфику изучаемого материала. Зачастую такие исследования даже не были историческими в обычном понимании этого слова, генеалогия была как бы оторвана от общего исторического процесса, анализировалась отдельно. Каким же должен быть подход в исследованиях подобного рода? Определим его как комплексный, междисциплинарный, с учетом

всех возможных сторон проблемы, подход не чисто генеалогический и не историко-генеалогический (где история на первом месте), а скорее генеалого-исторический, когда генеалогия, являясь главным объектом изучения, рассматривается в единстве со всеми остальными дисциплинами, обращенными к проблематике раннего Средневековья. Возможность применения подобной методики оправдана и тем фактом, что в объеме всей средневековой истории (по крайней мере за ранний период) исследовать и решить практически любой вопрос нельзя без изучения того широкого контекста, в который эта проблема вписана. В данном случае комплексный подход становится необходимой основой исследования. Проблематика каких исторических дисциплин должна быть принята во внимание при проведении генеалогического исследования?

Прежде всего необходимо отметить тесную связь генеалогии с биографикой, занимающейся реконструкцией биографий конкретных лиц; в сущности, обе дисциплины составляют единое целое. Естественно, их развитие недопустимо без хронологических изысканий, устанавливающих и уточняющих датировки событий. Данные собственно политической истории, в некоторой степени определяемые генеалогией, проясняют в свою очередь генеалогические построения. Историческая география и топонимика имеют существенное значение при реконструкции системы наследования и перенесения имен и действий лиц на конкретные географические объекты.

Особенно это относится к процессу изучения иностранных источников, содержащих генеалогическую информацию зачастую в совокупности с географической локализацией сферы деятельности героев, вписывающихся в генеалогическую систему. Антропонимика, изучающая происхождение имен, показывает процессы заимствования каких-то форм, а следовательно, и взаимосвязи разных народов и культур. Этнография, фольклористика определяют генезис и развитие легенд и преданий, которыми буквально "окутаны" образы древнерусской истории. Археология реконструирует "вещественное" окружение событий, помогает уточнить их ход. Наконец, все

возможные построения могут базироваться только на сведениях источников, имеющих для рассматриваемого периода свои особенности, поэтому значение источниковедения при изучении раннего Средневековья чрезвычайно велико. Итак, исследование генеалогии применительно к эпохе раннего Средневековья не только Руси, но и других стран может и должно быть междисциплинарным. Тогда откроется выход на проблемы общего порядка, появится возможность делать обобщающие выводы, связанные с вопросами общественного сознания, менталитета средневекового человека, его жизненных установок и представлений.

Во многом трудности, возникающие при изучении подобных проблем, вызваны крайней лапидарностью источников, которые в результате даже самого тщательного анализа и синтеза их данных позволяют выстраивать лишь весьма гипотетические конструкции. Поэтому скудость источников заставляет решать проблему расширения источниковой базы. Таковое возможно двумя путями. Во-первых, необходимо обращаться к новым, не всегда традиционным, их видам. Во-вторых, требуется изучение всего комплекса источников, не только отечественных, но и иностранных. Последнее осуществимо благодаря тому, что Русь в рассматриваемый период находилась как бы на стыке различных цивилизаций, на "перекрестке" этнических и культурных взаимовлияний. Таким образом, происходит формирование источниковой базы, включающей разнообразные по характеру, происхождению и времени их фиксации источники.

По определению А.С. Лаппо-Данилевского, исторический источник представляет собой "реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением"[3]. Следовательно, источниковая информация неизбежно содержит некое субъективное начало, привнесенное создателем источника: конкретным автором, социальной группой, а в отдельных случаях и социальным слоем. Соответственно на характер информации накладывают отпечаток историче-

ские и общественные представления людей той эпохи, когда источник создавался. С помощью источниковедческого анализа можно выявить эти элементы, подспудно присутствующие в источнике.

С другой стороны, источниковая информация в силу ее лапидарности и неоднозначности допускает множественность толкований в историографии. В этом случае исследователь выступает в активной роли интерпретатора источника. Источниковедческий анализ и полученные в его ходе результаты снова оказываются подвержены субъективному "наслоению", но уже со стороны не создателя источника, а его исследователя. Характер источников раннего Средневековья как раз и позволяет рассмотреть источник в этом качестве (своеобразного связующего звена, через которое осуществляется диалог автора и интерпретатора) и увидеть, как он проявляет себя в нем. Поэтому очень важно помнить о множестве историографических концепций, гипотез, мнений, многие из которых в настоящее время забыты. Сбор, классификация и анализ историографических интерпретаций также являются предметом исследования автора.

Тем не менее, не абсолютизируя "интеллектуальную активность исследователя" подобно некоторым представителям Школы "Анналов"[4], следует признать наличие объективной источниковой информации, адекватно отражающей происшедшие события. Как писал Ж. Дюби, "единственная доступная им (т. е. историкам) реальность заключается в документе, в этом следе, который оставили после себя события прошлого". Получить объективную информацию, вероятно, можно, выявляя устойчивые структурные модели, которые прослеживаются в том числе и в организации культурных общностей[5]. В данном случае такой структурой может быть система родства, или шире – система генеалогии. Выделение объективной информации возможно, по мнению автора, с помощью компаративного и полидисциплинарного методов. Использование первого необходимо в силу привлечения разнообразных источников в работе. Междисциплинарный же синтез вытекает из самой природы ис-

торического источника, являющегося единственной реальной основой исторического познания.

В конечном итоге все эти процессы служат главной цели: реконструкции максимально исторически объективной генеалогии первых русских князей (которая, разумеется, неразрывно связана с элементами их биографий). Исследование ведется поэтапно: анализируются источники, выделяются возникающие при этом проблемы и рассматриваются историографические интерпретации. Их анализ позволяет показать, какая интерпретация может быть наиболее близкой к исторической действительности. В ряде случаев автор предлагает свою трактовку: или аргументированно поддерживает уже имеющуюся, или доказывает, что однозначно решить проблему на современном уровне источниковой базы невозможно. Кроме того, возникает проблема допустимости извлечения объективной информации из текстов тех или иных источников. Автор стремился определить, возможно ли детально уточнить и проверить генеалогическую информацию для древнейшего периода, отделить мифологический пласт от реально-исторического и установить, на какой основе сформировался первый, понять, можно ли вообще с максимальной точностью построить родословную или же многое в силу определенных причин остается и, быть может, останется непроясненным.

Таким образом, задачи настоящего исследования определяются как: характеристика и анализ максимального количества источников, так или иначе связанных с темой; выделение проблем, возникающих в ходе источниковедческого анализа; историографический обзор максимального числа версий и гипотез по выделенным проблемам и сопоставление историографических интерпретаций; определение наиболее близкой, на взгляд автора, к исторической реальности интерпретации и ее аргументация или предложение своей трактовки. Главная цель монографии — создание полноценной и всесторонней картины княжеской генеалогии за первые полтора века существования династии Рюриковичей на Руси. Автор отдает себе отчет в условности многих построений и

осознает, что абсолютно объективного знания о прошлом не существует в силу самой природы исторических источников.

Помимо стремления выявить объективные генеалогические сведения из источников, в работе значительное внимание уделяется интерпретации самой генеалогической информации о первых поколениях Рюриковичей. Генеалогические представления анализируются в их развитии, поскольку многие из них отдалены от реальных событий значительными временными промежутками и содержатся в источниках позднего Средневековья и раннего Нового времени. В этом отношении интересна интерпретация генеалогических представлений не только в источниках, имеющих определенный политизированный оттенок (например, "История" Я. Длугоша или "Сказание о князьях Владимирских"), но и в источниках спорных, таких, например, как Иоакимовская летопись. Проблема интерпретации, разумеется, становится особенно актуальной при анализе историографии, который показывает, как и когда входят те или иные данные источников в историографическую систему, как они интерпретируются историками различных школ и направлений. Таким образом, вырисовывается картина развития исторических представлений о генеалогии древнерусских князей на протяжении столетий, отделяющих нас от этих исторических личностей, реальных людей IX–XI вв.

Примерные хронологические рамки работы — 862–1019 гг. — очень условны и лишь в слабой степени обозначают тот отрезок времени, на который приходилась деятельность пяти первых поколений династии. Первая дата — чисто традиционная. Это летописная датировка появления Рюрика на Руси. Поскольку в работе первостепенное место отводится генеалогии, какой-то начальной даты не может в принципе быть, так как рассматриваемая генеалогическая система уходит далеко в глубь веков, сливаясь с легендарными и мифологическими представлениями. Конечная дата — окончательное вокняжение в Киеве Ярослава Мудрого. Рассмотрение генеалогии доходит до Ярославичей, но не затрагивает их.

Это связано с тем, что начиная с поколения сыновей Ярослава княжеская генеалогия разветвляется, появляются новые ветви, династии, которые играли большую роль в период удельной Руси, да и сама история Древнерусского государства вступает в новый этап, ставший как бы прелюдией к раздроблению Киевской Руси. В 1020 г. уже родился Владимир Ярославич, и хотя биографии детей Святого Владимира прослежены до конца, полноценный генеалогический анализ династии по хронологической сетке заканчивается в 1019 г. Генеалогический характер работы обусловил структуру подачи материала по поколениям династии. Историографические версии по тому или иному вопросу подробно рассматриваются в соответствующих разделах работы.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИИ

Источниковая база исследования в силу поставленных задач и специфики рассматриваемого материала является достаточно широкой. Привлечены источники разных стран и народов, как европейские, так и азиатские, что обусловлено уникальным географическим расположением нашего Отечества на стыке разных цивилизаций. Обращение же к генеалогии позволяет раздвинуть границы источниковой базы не только "вширь" (т. е. затрагивая источники иностранные), но и "вглубь", затрагивая источники по более ранним историческим периодам и вторгаясь в сферу легенд, преданий и мифов. Такое положение, с одной стороны, дает возможность рассмотреть значительный временной отрезок, а с другой — придает исследованию необходимую междисциплинарность. Анализ источников, находящихся на стыке мифа и истории, помогает не столько выявить реальную историческую информацию, т. е. разделить миф и историю, сколько показать значение этой связи в представлениях человека прошлого. Выявив мифологическую генеалогию, можно проследить генезис и развитие генеалогических представлений в раннесредневековом обществе.

Русские источники

Основой для исследования послужили русские источники, прежде всего летописи. Генеалогическая информация, содержащаяся в них, имеет свои особенности. За ранний период истории летописи содержат слишком мало известий, поскольку в нашем распоряжении лишь поздние списки, утратившие некоторые звенья исторического повествования в результате редакции, а также вследствие недостаточной сохранности исторического материала в силу объективных причин. Ге-

неалогическая информация в летописях фрагментарна, что объясняется общей краткостью известий, а потому восстановить целостную картину русской генеалогии того периода на одном лишь летописном материале практически невозможно. Лапидарность информации, обрывочность рождали нередко недоверие к ее истинности, что выразилось, например, в словах С.П. Толстова: "Выводы сравнительно-этнографического изучения генеалогии позволяют сделать заключение, что перед нами, бесспорно, сознательно фальсифицированная родословная", и далее: "...генеалогия Рюриковичей до Святослава шита белыми нитками"[1]. Недоверие к ранней генеалогии, сохраненной летописями, продолжало и продолжает оставаться повсеместным в историографии. При этом особенности подачи генеалогического материала объясняются политическими и историософскими представлениями летописца. Так, многие исследователи отмечают, что, поскольку летописи создавались в удельный период, период постоянных усобных войн, летописцы призывали князей к объединению, подчеркивая единство их рода и единство русского государства в древнейший период. Таким образом создавалась парадигма идеального государства, которая подкреплялась единой генеалогией (в результате которой Игорь стал сыном Рюрика, самостоятельные князья Аскольд и Дир — его дружинниками, а Олег — воеводой) и переходом власти от отца к сыну по прямой линии (в итоге исчезли все боковые ответвления, и сведения о них сохранились лишь случайно, как в договоре 944 г.). Первые князья представлялись собирателями государства, хранителями его единства[2]. Однако, несмотря на отсутствие четкой генеалогической традиции, общая генеалогия Рюриковичей в летописях сохранена. Выпадение вероятных боковых линий можно объяснить или их малой значимостью в политической истории, или редакторской правкой летописца. В данном случае мы имеем дело не с современной событиям генеалогией, а с родословной, сформировавшейся в значительно более поздний период, когда многие моменты были естественно или сознательно опущены. Иными словами, у нас нет четко выделенной первоначальной генеалогической традиции, современной IX—X вв. Ко времени составления дошедших до нас ле-

тописей (начало XII в.) генеалогия потеряла свой хронологический смысл и перестала быть важнейшим системообразующим компонентом. Уже была разработана хронологическая сетка, и за генеалогией осталась лишь некая родственно-правовая функция. В результате генеалогические подробности раннего периода оказались не столь важны. Гораздо большее значение приобретала фиксация основной линии – происхождение династии от "призванного" князя, показывающее наследственную преемственность потомков Рюрика на владение Русской землей. Следовательно, характер генеалогической информации во время составления летописей был иным, нежели в период IX–X вв. С конца XI в., однако, в летописях встречается все больше и больше генеалогической информации, что обусловлено активным разветвлением династии и раздроблением Руси, а также приближением описываемых событий ко времени составления летописи. Генеалогическая информация этого периода служит задаче четкой фиксации земельных владений представителей разных ветвей Рюриковичей, что подтверждается определенным безразличием летописей к конкретным фактам княжеских биографий, не связанным с земельными "передвижениями" (например, Давыд Игоревич, став князем Божским и Дорогобужским, исчез из поля зрения летописца на 12 лет, вплоть до своей смерти в 1112 г. Ранее, когда он с чрезвычайной быстротой менял уделы, его биография подробно рассматривалась в летописи). До разветвления Рюриковичей на земельные династии, т. е. до середины XI в., летописцу было достаточно констатировать лишь общую владетельно-генеалогическую преемственность. Подобным образом можно рассматривать и крайне сжатые, скупые сведения о сыновьях Святого Владимира: большая семья князя и раздел земель остались в памяти, а дальнейшая судьба большинства была уже не столь интересна. В конечном итоге все земли вновь оказались в руках Ярослава.

В силу краткости генеалогической информации в летописях их данные могут составить лишь фундамент дальнейших разысканий. Главным летописным источником послужила "Повесть временных лет" (далее – ПВЛ), дошедшая до нас в списках, находящихся в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Помимо изданий

русских летописей в составе их "Полного собрания..." (далее – ПСРЛ), подготовленных на очень высоком археографическом уровне, отдельное издание "Повести временных лет" в 1950 г. подготовили Д.С. Лихачев и Б.А. Романов (второе, исправленное и дополненное издание, увидевшее свет в 1996 г., подготовил М.Б. Свердлов; существуют и другие переводы ПВЛ, в частности перевод О.В. Творогова). Большое значение имеет новгородская летописная традиция, особенно Новгородская I летопись (два извода) (далее – НПЛ), содержащая ряд уникальных известий, не отразившихся в ПВЛ. По мнению А.А. Шахматова, в ранних известиях НПЛ отразился так называемый "Начальный свод конца XI в.", предшествовавший ПВЛ. К новгородской традиции относятся и другие летописи, в том числе Новгородская IV и Софийская I. Первая, созданная в XV в., дошла до нас в двух редакциях, вторая лежит в основе общерусских летописей конца XV–XVI в. и также включает две редакции. Сопоставление текстов этих двух источников дало возможность предположить существование общего протографа, происхождение которого, однако, до конца не определено. А.А. Шахматов полагал, что им являлся некий Новгородско-Софийский свод 1448 г.[3] М.Д. Присёлков считал, что таковым был свод не новгородский, а общерусский (митрополичий)[4]. Новгородская IV летопись оказала сильное влияние на ранние известия Летописи Авраамки (Смоленск, 1495) и известия Рогожского летописца (середина XV в., единственный список этого времени определяет большую ценность летописца как исторического источника), в которых также содержится ряд интересных известий. Из летописей XV в. следует отметить и краткий летописный свод, именуемый "Летописцем Переяславля-Суздальского", в котором нашли отражение известия Владимирского летописного свода середины XIII в., восходящего к ПВЛ.

Из западнорусских летописей XV – XVI вв., представленных тремя летописными сводами, важно обратить внимание на первый, составленный в 1446 г. и дошедший до нас в нескольких редакциях (Супрасльской, Никифоровской и др.). Этот свод именуют в историографии Белорусской I летописью. В начальной части его известия близки сообщениям Новгородской IV летописи.

Из летописных сводов XV в. следует указать также свод 1472 г., по мнению А.А. Шахматова, отразившийся в первой редакции Вологодско-Пермской летописи (конец XV – первая половина XVI в.), и Московский Великокняжеский летописный свод конца XV в. (первая половина 1490-х гг.). Важны также данные летописей XVI в., а именно: Тверской (дошла в трех списках XVII в.), первая часть которой представляет собой ростовский летописный свод, в известиях которой обнаруживаются заимствования из НПЛ; Устюжского летописного свода (далее – УЛС), некоторые начальные данные которого уникальны; Никоновской летописи (конец 1520-х гг.); Воскресенской летописи (между 1542 и 1544 гг.); уже к XVII в. относится составление Мазуринского летописца. Поздние летописи несут в себе черты творчества их составителей, следы публицистического влияния. Тем не менее они содержат ряд уникальных известий по русской истории IX–XI вв. Однако их отделяет от описываемых событий громадный временной отрезок. Ряд известий носит исключительно легендарный характер, другие, вероятно, являются результатом домысливаний летописца[5]. Появление некоторых сведений объяснить вымыслом составителя сложно. Отдельные из них получают косвенные подтверждения в других источниках, более достоверных. Поэтому говорить однозначно о них как о результате литературного творчества XV–XVI вв. не представляется возможным. Здесь важен взвешенный подход, в каждом случае особый анализ конкретного известия. Подобные сведения использовались с максимальной осторожностью, привлекались лишь в качестве дополнительного материала, носящего вспомогательный характер и с помощью которого можно выявить генезис тех или иных историографических концепций (например, легенда о "римском" происхождении Рюрика).

В еще большей степени вышесказанное относится и к так называемой "Иоакимовской летописи", несохранившемуся памятнику позднего летописания, вероятно, имевшемуся в распоряжении В.Н. Татищева. Спор о происхождении известий Татищева имеет давнюю историю. В трудах С.К. Шамбинаго[6], М.Н. Тихомирова[7] и других исследователей установлена возможность при-

надлежности летописи к новгородскому летописанию XVII в. Поэтому использование ее известий может быть только при самом тщательном критическом анализе. К сожалению, в последнее время в околонаучной литературе все чаще и чаще доминирует абсолютно неисточниковедческое, некритическое отношение к этому памятнику.

Помимо летописных источников учтена также агиографическая литература. Она, безусловно, несет черты публицистичности и в качестве источника по конкретной, событийной истории начала XI в. может выступать лишь с большой долей условности. То же самое относится и к так называемому "Сказанию о князьях Владимирских" (начало XVI в.), зафиксировавшему определенные умонастроения правящих слоев той эпохи в генеалогической легенде.

К XI в. восходят "Память и похвала князю Владимиру", приписываемая Иакову Мниху, и "Слово о законе и благодати" митрополита Илариона. "Память и похвала..." – источник, неоднородный по своему составу; скорее он представляет собой компиляцию разных произведений, собранных воедино примерно в середине XIII в.[8] Возможная близость, по крайней мере его отдельных частей, к описываемому периоду повышает достоверность в части фактического материала. Однако хронология, зафиксированная в памятнике, плохо согласуется с летописной. Ее анализ показывает, что, вероятно, Иаков Мних (или иное лицо, бывшее автором произведения) использовал сентябрьский стиль, но его хронологические выкладки позволяют считать "Память и похвалу..." "не самым достоверным источником сведений по истории Древней Руси"[9]. В "Слове..." Илариона содержится лишь одна генеалогическая выкладка: перечисление предков Владимира до Игоря включительно. Отсутствие Рюрика дало основание отдельным историкам говорить о сомнительности чуть ли не самого существования первого русского князя. Но, судя по всему, Иларион перечислял лишь великих киевских князей (ср. употребление титула "каган" применительно к русским князьям в обоих источниках).

Наконец, собственно генеалогическая традиция в корпусе отечественных источников, четко прослеживающаяся с началом составления родословных книг, относится

к значительно более позднему периоду. Родословные книги привлекали внимание историков, исследовавших генеалогию позднего Средневековья, а период до XIII в. выпадал из их поля зрения. Генеалогия этого времени в родословных книгах представлена достаточно бегло и в целом идентична генеалогии, восстанавливаемой по летописям.

Скандинавские источники

Основной корпус привлеченных к работе скандинавских источников[10] представляет собой комплекс литературных произведений, лишь отчасти близких исторической действительности. Эти памятники находятся как бы на стыке истории и эпоса, мифологии и литературы, а их видовое разнообразие определяет конкретное соотношение разнородных напластований. Речь идет о скандинавских сагах, прошедших довольно длительный путь изучения с источниковедческой точки зрения. Наряду со сведениями сомнительной исторической достоверности, что обусловлено продолжительным бытованием памятников в устной среде и самим характером сагического рассказа, саги содержат большой комплекс генеалогической информации, имеющей свои характерные для этого вида источников особенности. В отличие от русских летописей скандинавские саги донесли до нас тот древнейший генеалогический пласт, который был создан и имел большое значение в процессе перехода от родового строя к более высокоорганизованному обществу. Генеалогия в сагах имеет принципиальное значение по нескольким причинам. С одной стороны, она является необходимым компонентом в процессе описания событий, так как основу сагического повествования составляют действия конкретных людей, связанных между собой какими-то родственными или свойственными узами. Чтобы уяснить причины и ход развития событий, совершенно необходимо представлять генеалогию героев саг. С другой стороны, родовое начало и родовые отношения вообще имеют первостепенное значение, поскольку человек действует не обособленно,

а является и мыслится только частью целого, частью своего рода, включается в систему наследования. Рассказ саги не имеет четко выраженной хронологической сетки даже в рамках деятельности какого-либо одного персонажа, поэтому генеалогия выполняет некую хронологическую функцию. Наконец, генеалогия служит в какой-то степени и для оценочной характеристики. Последнее особенно характерно для исландских родовых саг. Длительное перечисление предков героя, кажущееся на первый взгляд бессмысленным и ненужным, создавало у слушателей уже первоначальное представление о самом действующем лице. От того, какими были предки у человека (а известных людей скандинавы знали, им посвящались отдельные саги), зависело и его поведение. А поведение, т. е. внешнее выражение характера, составляло основу развития сюжета. По ходу повествования первоначальный образ мог уточняться и изменяться: какие-то черты подтверждались, некоторые появлялись. Но важно было именно первоначальное "конструирование" облика героя исходя из его генеалогии. Такое отношение к генеалогическому материалу делало его весьма достоверным, поэтому в целом скандинавские саги могут быть использованы в качестве источника генеалогической информации, отличавшейся довольно высокой точностью. Это, впрочем, относится к родословным преимущественно скандинавским; с русской генеалогией ситуация в сагах несколько иная.

Саги сохранили лишь весьма поздний генеалогический материал о Руси. Для династии Рюриковичей выше Святого Владимира — Вальдамара генеалогические сведения не доходят (есть, вероятно, лишь отдельные "припоминания" о конунге Игоре — Ингваре). Выпадение периода до конца X в. из поля зрения саг может быть объяснено перенесением центра Древнерусского государства из Новгорода в Киев, с севера на юг, который был связан со Скандинавией менее насыщенными контактами. При Владимире и Ярославе значение северорусских областей вновь возрастает (оба были князьями в Новгороде), и саги активно рассказывают о Гардах. Древнейший легендарный пласт "русских известий" сохранился в так называемых сагах о древних временах. В целом генеалогические сведения саг о Руси отличаются достоверно-

стью, но имеются и неточности, прямые ошибки, которые объясняют или характером рассказа (саги о древних временах), или поздней фиксацией памятника. Тем не менее саги позволяют уточнить отдельные события, матримониальные связи, расширяют наши представления о русско-скандинавских контактах. Особенно четко в сагах показана генеалогия семьи конунга Харальда Вальдамарсона (Мстислава Великого), который был теснейшим образом связан со Скандинавией[11]. Само упоминание в сагах, направленных в основном на восхваление деяний скандинавов, русских князей показывает, по справедливому замечанию Т.Н. Джаксон, могущество Древней Руси, известность и влияние ее правителей в Северной Европе. С другой стороны, это совершенно естественно, поскольку сама династия была скандинавской и конунги считали Рюриковичей ровней себе, что особенно ярко проявилось в произведениях чисто легендарного, мифологического характера, где Русь с древнейших времен показана включенной в систему древнескандинавской истории. Из Рюриковичей первых пяти поколений в сагах упомянуты: Ингвар (Игорь?), Вальдамар (Святой Владимир), Аллогия (Ольга?), Виссавальд (Всеволод), Ярицлейв (Ярослав Мудрый), Вартилав (Брячислав Изяславич), Бурицлав (Святополк или Борис) (см. соответствующие разделы работы).

Изучение скандинавских генеалогий неизбежно повлекло за собой обращение к мифической родословной скандинавского пантеона. Следует заметить, что генеалогическая система скандинавской мифологии коренным образом отличается от мифологической системы другой великой языческой цивилизации Европы — античной. Античная мифологическая генеалогия — это огромное, разветвленное древо, множество родов, непосредственно связанных с богами-олимпийцами, в котором увязываются и персонажи древнегреческих мифов и античной истории (Солон, Платон, Аристотель, Александр, Цезарь и др.). Это пестрящее многообразие, множественность пересечений и переплетений, охват чуть ли не всей тогдашней ойкумены. Это впечатляющая сложная "мозаичная" система, огромный "узор" Средиземноморья. Мифология Севера Европы иная, построение "королевской" генеалогии в ней линейное. Династии происходят от

Одина, они почти не разветвлены, некоторое расширение наблюдается лишь с X в., а до этого, в эпический, легендарный период, все весьма схематично и линейно.

Подходя к конкретной характеристике саг, следует отметить устоявшуюся в историографии традицию классифицировать эти источники на несколько групп: "королевские саги" (наиболее "историчные" из всех), "родовые саги", или "саги об исландцах", "саги о древних временах" (иногда именуемые "лживыми сагами"), "саги о епископах" и др.[12] Саги могут представлять собой отдельные произведения, а могут быть составлены и в большие своды. Сага небольшого объема именуется "прядью". Королевские саги в основном повествуют о норвежских правителях, но к ним относят и саги о других династиях, например датских ("Сага о Скьёльдунгах" и др.; саг о шведских конунгах не существует вовсе), и саги об освоении новых земель: "Сага о фарёрцах" и "Сага об оркнейцах".

К отдельным сагам можно причислить разные варианты "Саги об Олаве Трюггвасоне", "Саги об Олаве Святом" и других произведений, сохранившихся в том числе и вне сводов. Больших сводов саг известно четыре: "Обзор саг о норвежских конунгах" (составлен ок. 1190 г., рукопись ок. 1225 г.), "Гнилая кожа" (составлен ок. 1220 г., рукопись второй половины XIII в.), "Красивая кожа" (первая половина – середина XIII в.), "Круг Земной" ("Хеймскрингла") знаменитого исландского писателя и историка Снорри Стурлусона (создан ок. 1230 г.). К королевским сагам относятся и так называемые краткие норвежские обзоры: анонимная "История Норвегии" и "История о древних норвежских королях" монаха Теодорика, написанные на латыни.

Третьей подгруппой королевских саг являются "компиляции", рукописи XIV–XV вв., списки уже существовавших саг, сохранившие, однако, многие ранние саги, не дошедшие до нас в другом виде ("Королевский пергамен", "Пергамен (или Книга) с Плоского острова" и др.). Королевские саги среди прочих саг для нас наиболее ценный источник. Именно они содержат большой комплекс исторических сведений о Руси. В зарубежной историографии свод этих данных был издан в 1851–1852 гг. в Копенгагене и назывался "Русские древности

в исторических памятниках исландцев и древних скандинавов" ("Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves"). Публикация увидела свет под редакцией известного исследователя К. Равна и представляла собой двухтомник выдержек из саг разного характера. К сожалению, издание было небезупречным, фрагменты саг, касавшиеся Руси, оказались вырванными из общего контекста, что вызвало критику со стороны многих историков. Однако долгое время это издание было единственным собранием русских сведений из скандинавских памятников. В послереволюционный период в России попытка подобного обобщения была предпринята Е.А. Рыдзевской, но исследовательнице не удалось ее завершить. Этот свод под названием "Россика в исландских сагах" был издан лишь в 1978 г., через 37 лет после смерти автора. Новая публикация "Исландские королевские саги о Восточной Европе" в трех томах была подготовлена Т.Н. Джаксон. В ней представлены тексты и переводы саг, сопровождаемые всесторонним источниковедческим анализом и комментариями.

Из крупных сводов саг на русском языке издан "Круг Земной" Снорри Стурлусона (М., 1980 и 1995), это издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский.

Следующей категорией саг являются исландские родовые саги. Это довольно большой комплекс произведений, многие из которых были переведены и изданы на русском языке. Из них важно отметить "Сагу о Ньяле", "Сагу о Гисли", "Сагу об Эгиле" Снорри Стурлусона. Генеалогический материал, содержащийся в родовых сагах, наиболее полно отражает скандинавскую генеалогическую традицию и служит основой реконструкции "некоролевской" северной генеалогии. Окончательное оформление этих саг, повествующих преимущественно о событиях IX–X вв., состоялось в XII–XIV вв., но несмотря на это, генеалогический пласт здесь достаточно достоверен.

Большой вклад в изучение скандинавских саг, как и вообще древнеканадской литературы, внес выдающийся ученый-филолог М.И. Стеблин-Каменский. Родовые саги неоднократно издавались в русских переводах. Можно

назвать сборник "Исследование саги", посвященный исландским сагам и ирландскому эпосу (Т. 8. М., 1973), а совсем недавно опубликованы еще два фундаментальных издания: "Исландские саги" в двух томах (под редакцией О.А. Смирницкой. СПб, 1999) и "Исследование саги" (в переводе и с комментариями А.В. Циммерлинга. М., 2000). В последнем издании опубликованы саги, впервые переведенные на русский язык, а также более 70 скальдических стихотворений, содержащихся в их текстах.

Очень интересна следующая и последняя интересующая нас категория саг — "Саги о древних временах". В отличие от прочих саг они издавна считались только баснословными и с источниковедческой точки зрения изучены слабо. В отечественной историографии изучались лишь отдельные саги ("Сага о Хервёр", "Сага о Тидреке Бернском", "Сага об Одде Стреле", на русский язык переводились только их фрагменты). Методика исследования и анализа этих саг детально не разработана, в настоящее время в отечественной историографии специально посвящены данному вопросу работы Г.В. Глазыриной (исследовательница готовит переводы саг и их комментарий, например "Исландские викингские саги о Северной Руси"). Тем не менее известия саг о древних временах, несмотря на всю их легендарность, несут в себе зерна исторических событий и, что особенно важно, могут служить источником представлений скандинавского общества о Руси. Например, в "Саге о Хервёр" "русские конунги" — династия столь же древняя, как и остальные скандинавские, что свидетельствует о большой значимости русско-скандинавских отношений для самой Скандинавии. В ней упоминается древняя династия конунгов Хольмгарда-Новгорода и ярлов Альдейгьюборга-Ладоги, т. е. правителей русских областей. Уже сын Одина является владетелем Руси, подобно тому как остальные сыновья его получают в управление другие страны. Таким образом, на конкретном примере можно проследить развитие представлений о единстве всего Североевропейского региона. Для изучения генеалогии саги о древних временах могут предоставить тот слой, который, хотя и имеет позднее происхождение, позволяет уточнить некоторые закономерности взаимосвязей отдельных

компонентов генеалогического сознания. Не исключена возможность и реального зерна в баснословных известиях этих саг: некие отголоски очень древних контактов территорий Северной Руси и соседней Скандинавии, может быть, какие-то "припоминания" о древнейших правителях. Интересно, что география саг о древних временах весьма широка: это почти вся Европа, иногда даже южная. В повествования могут быть включены образы древних героев, например Аттилы, возможно, эпические мотивы о реальных событиях V–VI вв. и т. д. Но как выделить проблески истории из мифа, да и возможно ли это сделать вообще? В данной ситуации наиболее приемлемым кажется принцип сопоставления отдельных мотивов с реальными историческими данными.

В целом, можно сказать, материал саг неоднороден, и их использование в качестве исторического источника зависит от их видовой принадлежности и других особенностей.

Использование других скандинавских источников носило скорее вспомогательный характер. Большой мифологический пласт затронут в памятниках героико-эпической поэзии: знаменитой "Старшей Эдде" (запись XIII в.), "Младшей Эдде", составленной Снорри Стурлусоном в XIII в. Их сведения были привлечены для уточнения эпического и мифического пластов генеалогии, отразившихся в отдельных песнях и стихах. "Младшая Эдда" важна и тем, что в ней приводятся иногда разные варианты той или иной родословной. Характерно, что именно здесь была зафиксирована составленная, вероятно, Снорри генеалогия скандинавских божеств, возводившая их к правителю Трои Приаму. Таким образом, обеспечивалась преемственность античной и скандинавской мифологических традиций. Эта генеалогия отражает тот период древнескандинавской историографии, когда настала потребность представить историю этого региона не в отрыве, а как бы частью общемировой. Так, Один стал потомком Приама, причем была использована и британская генеалогическая традиция, близкая к скандинавской. Вообще отдельные мотивы троянского цикла, по-видимому, достигли Севера Европы очень давно. Вспомним, что многие европейские народы претендовали на происхождение от античных героев и племен. В

этот ряд можно поставить и британские легенды Гальфрида Монмутского и Ненния.

Исландские королевские анналы важны тем, что имеют хронологическую сетку и позволяют определить датировки тех или иных событий, например брака Ярослава Мудрого и Ингигерд. Однако хронология анналов основывается большей частью на хронологии королевских саг и потому эти даты следует воспринимать с определенной долей условности. Выдержки из анналов, касающиеся Руси, опубликованы в работе Е.А. Рыдзевской и недавно Т.Н. Джаксон.

К скандинавским источникам примыкают и британские. Это древний англо-саксонский эпос "Беовульф", сохранивший народные сказания VI в. (список X в.), "История бриттов" Гальфрида Монмутского (написана в первой половине XII в.), "История" Ненния (IX–XI вв.). В "Беовульфе" содержится генеалогическая информация по скандинавским и гаутским (готским) династиям. Для нас наиболее значима генеалогия династии Скьёльдунгов, зафиксированная, однако, лишь за ранний период. Важно подчеркнуть, что происхождение самого основателя династии Скильда показано по-иному, чем в скандинавской традиции, возводившей все правящие династии к Одину. В "Беовульфе" она не прослеживается, вероятно, перед нами древнейший пласт мифологии Северной Европы. В "Историях" Гальфрида и Ненния прослеживается связь британской истории с античным наследием и скандинавской традицией, как бы персонифицированная в родословиях. Эти генеалогии опять-таки выполняют функцию "каркаса" повествования и, хотя являются легендарными, возможно, несут крупицы не только исторического сознания составителей, но и исторической действительности раннего Средневековья.

Европейские латиноязычные источники

Использованные латиноязычные источники преимущественно относятся к разряду хроник и анналистики. Их большое источниковедческое значение определяется близостью к описываемым событиям.

С помощью известий ряда памятников можно уточнить отдельные генеалогические связи русской династии с немецкими родами. За более ранний период латинские анналы помогают восстановить биографические данные о конунге Рорике (возможно, тождественном русскому Рюрику), определить элементы генеалогии скандинавских правителей. В последнем случае известия анналов могут быть весьма разноречивы, а указанные в них родственные связи условны. Большая часть памятников опубликована в грандиозном своде "Monumenta Germaniae Historica", источники венгерского происхождения также в соответствующем своде (их сравнительно немного, и сведения о Руси в них достаточно скупы). Из латинских хроник следует упомянуть "Историю Гамбургских епископов" Адама Бременского (ок. 1075 г.), хронику Продолжателя Регинона, в которой приводятся сведения о связях Руси с христианским миром при княгине Ольге, и особенно хронику мерзебургского епископа Титмара, написанную в 1012–1018 гг. Последняя повествует о событиях, современных автору: здесь содержатся известия о Руси в начале XI в., в том числе и об усобице Владимировичей. Однако известия Титмара не всегда точны, что объясняется зачастую неточностью его информаторов, непосредственно участвовавших в описываемых событиях. Ценность известий Титмара в науке оценивалась по-разному: от жесткого скепсиса до полного доверия. Следует очень внимательно относиться к русским известиям латинских хронистов, помня, что их информация не всегда может быть адекватна действительности, и поэтому по возможности сопоставлять их данные со сведениями других источников. Интересен ряд эпистолярных памятников, в частности письмо епископа кверфуртского Брунона (убит ок. 1009 г.) к императору Генриху II о своей миссии к печенегам через Русь.

Немецкие латиноязычные источники применительно к русской истории издавались в русском переводе в двух сводах. Первый был подготовлен М.Б. Свердловым (из него для нас интересен первый том), второй – А.В. Назаренко (вышел только первый том предполагающегося трехтомника).

К латинским памятникам примыкают и польские средневековые источники, но поскольку Польша и Русь на-

ходились в очень тесных взаимоотношениях в X–XI вв., то их можно выделить в особую группу.

Польские источники

Большая часть польских источников опубликована в своде "Monumenta Poloniae Historica"; на русском языке имеется свод, подготовленный Н.И. Щавелевой. Из польских памятников следует отметить Хронику Галла Анонима, написанную в начале XII в. неизвестным каноником польского князя Болеслава Кривоустого. Здесь содержится ряд известий о Руси за первую половину XI в., во многом отличных от данных русских летописей. Хроника основана в первую очередь на устных преданиях, которые даны в несколько преувеличенном, тенденциозном духе. Как исторический источник она может быть использована лишь с большой осторожностью. Следует при этом учитывать и отсутствие четкой хронологии, зачастую обрывочность известий и непоследовательность повествования. Такое расположение материала возникло, вероятно, из старого представления об истории как некоей части литературного творчества. Генеалогия Пястов, например, восстанавливаемая по Галлу Аноним, получается довольно краткой и бедной. Подобным же памятником, ознаменовавшим, впрочем, новый шаг в польской историографии, является Великопольская хроника, составленная познаньским епископом Богухвалом в 1245–1253 гг. Она значительно полнее, генеалогические данные здесь шире, но не всегда, к сожалению, точны. Существуют отдельные полные переводы обоих источников на русском языке.

Новый этап развития историографии в Польше ознаменовался появлением большого труда Яна Длугоша, львовского архиепископа, видного польского ученого и дипломата эпохи Возрождения. Его "История Польши" состоит из 12 книг и охватывает период с древнейших, библейских времен до 1480 г. Автор работал над своим произведением в течение 25 лет (1455–1480 гг.). Несмотря на то что Длугош пользовался русскими летописями, а также предшествовавшими его труду польски-

ми хрониками, его известия в целом малодостоверны и часто носят откровенно тенденциозный характер. Это относится и к ранней истории славян, и к более поздним временам, например к изложению событий начала XI в., где автор путается в хронологии, приводит всевозможные легенды, малосопоставимые с исторической действительностью, и т. д.

Другой историк, Мачей Стрыйковский (1547 – ок. 1590), также создал компилятивное сочинение под названием "Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси". Подробный анализ памятника в отечественной историографии был дан А.И. Роговым[13]. Некоторые известия Стрыйковского носят уникальный характер, но некоторые сведения малодостоверны ввиду плохой осведомленности автора о ряде русских событий. Оба произведения являются памятниками достаточно поздней историографии и потому несут черты публицистичности, иногда смешения известий, почерпнутых из более ранних источников, с домыслами и слухами. Соответственно и их использование как источника по ранней истории должно быть крайне взвешенным, с учетом особенностей памятников. Полных русских переводов обеих "историй" нет.

Представляет интерес и ряд польских анналов-рочников (рочник Краковского капитула, рочник Красиньских). По наблюдению Н.И. Щавелевой, "сведения поздних рочников, в частности рочника Краковских пансионариев о Древней Руси, скудны и подчас ошибочны"[14].

Византийские источники

Византийские памятники содержат известия о христианских связях Руси (крещение русов в IX в., крещение Ольги, Владимира), походах Руси на Византию, немногочисленные сведения о русских князьях – Рюриковичах. Анализ известий помогает уточнить хронологию, некоторые биографические данные князей, восстановить ход тех или иных событий. Собственно генеалогической информации для

Руси в византийских источниках немного. Но их часто минимальный разрыв с описываемыми событиями резко повышает источниковедческую ценность. Из византийских памятников необходимо выделить следующие[15]. Произведения византийского императора Константина VII Багрянородного: "Об управлении Империей" (написано в 948–952 гг.), содержит сведения о "варварских" народах, с которыми поддерживала отношения Византия, в том числе и о Руси, здесь упоминаются Игорь и Святослав (есть русское издание); "О церемониях византийского двора" (написано в конце 950-х гг.), где говорится о двух приемах, данных Константином Ольге (в связи с чем возникает возможность уточнить датировку поездки княгини в Константинополь); "История" Льва Диакона (создана после 992 г.), содержит известия об Игоре и Святославе (имеется русское издание); "Обозрение историй" Иоанна Скилицы, охватывает события с 811 по 1057 г., текст за этот период почти дословно повторен и в "Обозрении историй" Георгия Кедрина, написанном на рубеже XI–XII вв. В обоих памятниках есть ряд интересных известий о Руси, в том числе упоминаются Ольга, Ярослав и другие князья (точная идентификация некоторых из них пока не представляется однозначной). Сведения византийских источников позволяют внести ряд существенных уточнений в комплекс информации о деятельности Рюриковичей в X–XI вв.

Еврейско-хазарская переписка

Еврейско-хазарская переписка, включая и знаменитый "Кембриджский документ", в русской историографии была впервые рассмотрена видным гебраистом П.К. Коковцовым. Затем ее изучение продолжалось уже в эмиграции Ю.Д. Бруцкусом, а в последнее время О. Прицаком и Н. Голбом. В результате исследований выяснилось, что в целом к этой документации следует относиться с доверием, хотя она и несет следы определенной публицистичности. Сквозь тенденциозность просвечивают достоверные факты, имевшие

место в первой половине X в. Данные "Кембриджского документа" уникальны и касаются неизвестной страницы русско-хазарских отношений примерно 940-х гг.

Восточные мусульманские источники

Данные мусульманских источников важны прежде всего не как источник по конкретной генеалогии, а как комплекс дополнительных известий о русских событиях на Востоке (в связи с походами на Каспий), характере княжеской власти на Руси, взаимоотношениях с соседями и других дополнительных моментах. Решение этих проблем на основе арабских источников затруднено, так как в ряде случае их сведения не имеют даже относительной хронологической привязки и, следовательно, допускают множество толкований. Тем не менее близость авторов описываемым событиям повышает значимость арабских источников в целом. Обращение к вопросам внешней политики Руси на Востоке зачастую помогает уточнить датировки событий биографического характера, восстановить наиболее полную картину событийного ряда. Разумеется, здесь, как и во всех остальных случаях изучения иностранных памятников, необходим компаративный подход. Из арабских авторов следует назвать: ал-Мас'уди — "Промывальни золота" (середина X в.), Ибн ал-Факих — "Книга стран" (начало X в.), Ахмед ибн Фаддан — "Записка о путешествии на Волгу" (921—922 гг.), Ибн Хаукаль — "Книга путей и государств" (967—977 гг.), Ибн Мискавейх — "Хроника" (конец X — начало XI в.). Поздние памятники, сохранившие, однако, известия за более ранний период: "История Табаристана" Ибн Исфендийара (XIII в.), "Полный свод истории" Ибн ал-Асира (1160—1233 гг.), — рассказывают о русских походах на Каспий. Восточные известия о Руси переводились и изучались в отечественной историографии А.Я. Гаркави, А.А. Куником и бар. В.Р. Розеном, В.В. Бартольдом, А.П. Ковалевским, Б.Н. Заходером, А.П. Новосельцевым, В.М. Бейлисом, Т.М. Калининой, И.Г. Коноваловой. Некоторые из них создали своды арабских известий о Руси.

Кроме вышеперечисленных источников, следует отметить и записки о России иностранцев, сохранившие некоторые предания о происхождении династии Рюриковичей, бытовавшие в общественном сознании: "Записки о Московии" бар. С. Герберштейна, "О государстве Русском..." Джайлса Флэтчера, относящиеся к первой половине и к концу XVI в. соответственно. Сведения в них могут использоваться и как источник для изучения исторических, "генеалогических" представлений того времени, бытовавших на Руси по отношению к династии.

Историография

Историография рассматриваемой проблемы как таковой имеет две особенности. Во-первых, генеалогический материал излагался в работах по истории Древней Руси лишь по ходу и носил чисто вспомогательный характер. Примером тому могут быть фундаментальные труды по истории России, например В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина и других авторов, где генеалогии Рюриковичей хотя и уделено определенное внимание, но она не имеет самостоятельного значения. Генеалогические разработки, разумеется, присутствуют в исследованиях о международных связях Руси, по истории отдельных княжеств и земель (цикл работ дореволюционного периода, выполненных в Киевском университете В.Е. Данилевичем, П.В. Голубовским и др.), в источниковедческих штудиях и т. д., но во всех этих случаях генеалогия не является самоценной, а служит лишь материалом для дальнейших исследований по определенным темам. Во-вторых, в историографии уже с конца XVIII в. появляются работы, специально посвященные генеалогии Рюриковичей. В них рассматриваются большие исторические периоды, они носят чисто генеалогический, а не исследовательский характер — например, книга Н. Головина "Потомство Рюрика", представляющая собой компиляцию, основанную на собрании сведений из русских источников, соединенных несколько механически, без исследовательского комментария.

В отечественной историографии в начале XX в. генеалогией Рюриковичей плодотворно занимался историк-любитель Н.А. фон Баумгартен. Он изучал отдельные вопросы княжеской генеалогии, выделяя их самостоятельную научную ценность. Причем Баумгартен активно привлекал сведения иностранных источников, что позволило ему предложить ряд интересных оригинальных гипотез (большинство из которых, впрочем, не выдержали критику временем). Результаты своих изысканий Баумгартен представил уже в эмиграции в виде специальной работы по генеалогии Рюриковичей в двух частях (первая касалась домонгольского периода). Генеалогия первых пяти поколений Рюриковичей была, разумеется, лишь небольшой частью этого труда и не содержала подробного источниковедческого и историографического комментария. Такая же ситуация наблюдалась и в дальнейшем, когда сам жанр генеалогического свода оставлял за рамками собственно исследовательскую часть. Справочник Баумгартена был первым научным обобщающим трудом по генеалогии Рюриковичей.

Вторым обобщением стала работа О.М. Рапова о княжеских владениях на Руси в домонгольский период. Хотя основное внимание историк уделил вопросам земельных владений и их наследования, работа одновременно носила и генеалогический характер, поскольку рассматриваемая проблема напрямую зависела от генеалогического фактора. Изложение ранней генеалогии у Рапова крайне конспективно.

В начале 1990-х гг. в Киеве был двумя изданиями опубликован справочник по генеалогии Рюриковичей, составленный Л.В. Войтовичем. Справочник краткий, правда, в ряде случаев автор давал некоторые историографические гипотезы. Наконец, последним по времени обобщением является справочник по генеалогии домонгольских Рюриковичей Д.В. Донского. В нем отсутствует исследовательская часть: просто со ссылками на источники приводятся биографические и генеалогические данные для каждого из представителей династии, т. е. это по сути свод сведений, предварительный материал для дальнейшего исследования.

Историография отдельных вопросов, которые затрагиваются в монографии, весьма обширна. Кроме того, су-

ществует ряд исследований, в которых освещаются частные проблемы княжеской генеалогии за рассматриваемый период, но их не так много (Н.А. Баумгартен, Б.И. Яценко, Н.И. Щавелева, А.А. Молчанов, С.В. Белецкий, А.В. Назаренко и др.). В силу междисциплинарности рассматривались труды по общей политической истории Древней Руси, источниковедению древнерусской истории, летописанию, международным связям Древнерусского государства, этническим проблемам, антропонимике, нумизматике, исторической географии, истории церкви, археологии и другим проблемам.

Глава 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ

Биография Рюрика и ее интерпретации

Основателем династии, правившей в России на протяжении 740 лет, согласно древнейшим русским источникам был князь Рюрик. "Повесть временных лет" сообщает широко известное сказание об изгнании в 859 г. варягов из земель северных славян, последующем призвании в 862 г. трех братьев-варягов, первом распределении уделов (в результате которого Рюрик стал князем Новгорода), смерти двух братьев Рюрика, его единоличном правлении, передаче им власти своему родственнику Олегу в качестве опекуна малолетнего сына Рюрика — Игоря и смерти в 879 г.[1] Другие русские летописи передают в целом эти сведения без существенных изменений. Лишь в ряде летописей (Ипатьевская, летописец Переяславля-Суздальского и др.) говорится, что первоначально Рюрик укрепился в Ладоге и лишь затем стал княжить в Новгороде[2]. Поздняя Никоновская летопись расцвечивает время Рюрика другими событиями: убийством Вадима Храброго и избиением недовольных новгородцев, бегством части новгородской знати от Рюрика в Киев[3].

Перед нами этиологический рассказ об основателе правящей династии, в котором, очевидно, присутствуют черты исторической реальности. В историографии сложились разные точки зрения на летописные известия о Рюрике и на "легенду о призвании варягов", что, разумеется, не в последнюю очередь было связано с дискуссией по так называемому норманнскому вопросу[4].

Большинство видных русских историков XVIII — первой половины XIX в. признавали летописный рассказ о Рюрике достоверным и не выражали сомнений относи-

тельно его иноземного — скандинавского, финского или прусского — происхождения[5]. Причем некоторые историки — В.Н. Татищев[6], М.В. Ломоносов[7], Т.С. Мальгин[8], Н.С. Арцыбашев[9] — писали о прибытии Рюрика сначала в Ладогу и лишь потом в Новгород. Однако уже в первой половине XIX в. исследователи отмечали некоторую искусственность летописного рассказа. Так, Н.А. Полевой[10], не отвергая "существования Рурика и двух братьев его, хотя оно весьма подозрительно", считал чистым мифом "тройство" братьев-князей и приводил возможные аналогии в легендах подобного рода у других народов. Н.М. Карамзин, рассказывая о призвании князей, писал, что "начало Российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай"[11].

Со второй половины XIX в. "нигилистическая" позиция в историографии по данному вопросу усилилась. Н.И. Костомаров открыто назвал рассказ о призвании князей басней и даже не включил в свою популярную "Историю в жизнеописаниях" ни одного деятеля языческого периода древнерусской истории, начав изложение с Владимира. Д.И. Иловайский, также подчеркнув невероятность призвания и отстаивая славянское происхождение "Руси", вовсе исключил Рюрика из своей "Истории России", ни разу даже не упомянув его имя[12]. С.А. Гедеонов, хотя и не дошел до отрицания существования Рюрика с братьями, сделал попытку проследить славянскую этимологию их имен[13]. Гипотеза о славянском происхождении варягов-руси вызвала бурную полемику[14]. Так, противником подобного подхода выступил К.Н. Бестужев-Рюмин. "Но едва ли можно уничтожить из русской истории Рюрика", — писал он, ссылаясь на летописные данные, которые невозможно было просто отбросить, не проведя предварительно серьезного анализа[15]. Славянская этимология имени Рюрика тоже подверглась им решительной критике за отсутствие системы доказательств. С.М. Соловьёв полностью признал достоверность призвания варягов. Более того, в противовес М.П. Погодину, который считал, что это событие принадлежит истории лишь Новгорода, С.М. Соловьёв охарактеризовал его как имевшее всероссийское значение. Критикуя концепцию Гедеонова о славянском проис-

хождении Руси, Соловьёв отметил первоначальное прибытие Рюрика в Ладогу и вслед за некоторыми летописцами высказал мысль, что Новгород был основан Рюриком чуть позже[16]. "Норманистская концепция" нашла свое законченное воплощение в дореволюционной историографии в работе Вильгельма Томсена, обобщившего накопившиеся к тому времени в исторической науке данные по этой проблеме. Легенду о призвании Томсен назвал "младенчески простодушным повествованием Нестора о начале Русского государства". Однако, не отвергая ее, он высказал сомнение в том, что все события, связанные с изгнанием варягов, смутами и последующим их призванием, можно отнести к одному году. По его мнению, 862 год — это год последнего из событий, а именно похода Аскольда и Дира на Киев, а все предыдущие события нужно отнести к более раннему времени[17].

А.А. Шахматов полагал, что в основе легенды о призвании лежат более чем шаткие предания, главным образом местного происхождения. Историк пришел к мысли об условности всей системы летописных датировок для X, а тем более и для IX в. Проведенная им реконструкция начального летописного свода дала возможность по-новому взглянуть на многие события политической истории того периода. Он же отметил распространенность легенд подобного рода в других странах[18].

Еще в 1864 г. А.А. Куник обратил внимание на параллели русской легенде о призвании в эпической истории других народов. Исследователь указал на предание о призвании бриттами братьев-саксов Хенгиста и Хорсу (Видукинд Корвейский) как на возможный источник русской легенды. Причем, по мнению Куника, наличие саксонского аналога как раз и подтверждало исторический факт призвания Рюрика, так как если бы такого факта не было в действительности, то и соответствующие легендарные мотивы не могли бы возникнуть. Куник начал изучать и другие подобные легенды. Определенный итог дореволюционным исследованиям в этой области подвел К.Ф. Тиандер[19]. Он отметил фольклорные истоки легенды, отнеся ее к "переселенческим сказаниям" о братьях, пришедших со своим племенем на новую землю и разделивших ее на три части. Тиандер выявил более десяти параллелей в исторических преданиях многих ев-

ропейских народов, возведя их к одиому корню. На Руси, по мнению ученого, это "переселенческое сказание" отразилось в четырех легендах: о призвании Рюрика с братьями, об основателях Киева, об Аскольде и Дире и о некоем вожде русов Русе (Россе). Причем в первом и третьем случаях за легендами стояли реальные исторические события, второй же и четвертый были чисто мифическими. Тиандер считал некоторые ранние свидетельства ПВЛ недостоверными, так как они появились в результате трансформации "переселенческого сказания" на русской почве. Так, родственные связи Рюрика с Синеусом и Трувором и Рюрика с Игорем, одновременность правлений Аскольда и Дира он считал вымышленными, а роль Новгорода в результате появления легенды несколько выпяченной.

Дореволюционные традиции русской историографии получили свое продолжение и в эмиграции. Г.В. Вернадский не только признавал реальное существование Рюрика, но и отождествлял его с Рориком Фрисландским (об этом речь пойдет позже). В связи с последним допущением он несколько изменил хронологию событий, отметив, например, появление Рюрика в славянских новгородских землях под 858 г., но в целом придавал большое значение фигуре этого князя и его роли в историческом процессе[20]. Совсем по-иному отнеслись к интерпретации летописных известий советские историки. Б.Д. Греков счел эпизод с призванием чистейшей легендой. Одним из аргументов в пользу этого послужил факт отсутствия в двух памятниках древнерусской литературы ("Память и похвала князю Владимиру" Иакова Мниха и "Слово о законе и благодати" митрополита Илариона) среди предков Владимира и Ярослава имени Рюрика (начинал родословие Игорь "старый")[21]. Эта мысль впоследствии стала идеей фикс всей советской историографии. Она была поддержана Д.С. Лихачёвым и Б.А. Романовым в комментариях к изданию ПВЛ. Лихачёв высказал мнение, что легенда утверждала родовое единство русских князей, нарушенное в период усобных раздоров. Л.В. Черепнин предположил, что легенда имела новгородские истоки, поскольку именно здесь сложилась традиция приглашать к себе князей "на стол"[22]. Б.А. Рыбаков, отмечавший распространенность подобных легенд в Северной Европе в Средневеко-

вье, пришел к выводу, что летописный рассказ является поздней вставкой, сделанной новгородцем или ладожанином при определенном влиянии двора Мстислава Великого. При этом, во-первых, указание на иноземное происхождение должно было усилить авторитет княжеской династии в среде местной знати, во-вторых, легенда подчеркивала независимость Руси от Византии, в-третьих (вслед за мнением Б.Д. Грекова), была возможна перекличка с событиями 1113 г., т. е. приглашением Владимира Мономаха на киевский стол[23]. Однако Рыбаков допускает, что в легенде могли отразиться реальные черты некоего исторического события, например набега на новгородские земли одного из скандинавских отрядов или же приглашения населением чужестранца для защиты от других нападений. В ряде поздних работ историк склонен считать Рюрика исторической личностью и даже предполагать его тождество с Рориком Ютландским (об этом ниже). Ряд историков обратились к мысли о славянском происхождении Рюрика, возродив старую гипотезу о тождестве варягов и балтийских славян (высказанную еще М.В. Ломоносовым, М.А. Максимовичем, С.А. Гедеоновым и др.). Так, П.П. Толочко отметил возможное происхождение Рюрика именно из западнославянских, точнее, ободритских земель[24].

Параллельно в эмиграции продолжал развиваться и традиционный взгляд на легенду 862 г. (Ф.А. Браун, В.А. Мошин и др.)[25]. В своеобразной теории происхождения Руси О. Прицака личность Рюрика занимает не последнее место[26]. Критический подход к легенде о призвании в зарубежной историографии рассмотрен в трудах А. Стендер-Петерсена, Х. Ловмяньского. Исследователи вновь отметили, что эта легенда является распространенным мотивом, который необходимо отделить от версии собственно передачи власти князьям-находникам. Ловмяньский, ссылаясь на "Слово..." Илариона, еще раз подчеркнул, что в Киеве не знали Рюрика, а достоверных данных о нем слишком мало, чтобы строить какие-либо гипотезы[27].

Д.С. Лихачёв в работах более позднего периода указывал на главное противоречие, которое, по его мнению, показывает компилятивный характер текста легенды: варяги, собиравшие дань, были сначала изгнаны, а потом вдруг снова приглашены в качестве правителей. Мотив

добровольного призвания он счел вымыслом летописца, стремившегося обосновать легитимность правящей династии[28]. Некоторые отечественные историки проводили поиски исторической основы легенды. Е.А. Рыдзевская соглашалась с В.О. Ключевским, полагавшим, что захват скандинавами новгородских земель или наем скандинавской дружины летописец сознательно заменил призванием и мирным договором. Исследовательница видела в летописном рассказе соединение преданий исторического характера и тенденциозного сочинительства летописца[29]. В.Т. Пашуто считал основу летописного повествования исторически достоверной и обратил внимание на то, что варяжские князья были призваны по "ряду", т. е. договору, определявшему условия приглашения князя на престол[30]. Реальность существования Рюрика и возможность его приглашения на княжение отмечал А.П. Новосельцев[31]. В.Л. Янин полагает, что призвание князей объяснялось древнейшей вечевой новгородской традицией, восходящей к нормам родового права. По мнению В.Л. Янина и М.Х. Алешковского, Новгород являлся тем центром, откуда представители славянских и финно-угорских племен "искали" себе князя[32]. Г.С. Лебедев специально разработал вопрос о Ладоге как первом месте княжения Рюрика. Учитывая систему славяно-скандинавских отношений того времени и связей Севера Руси с Фрисландией, он отметил, что племена, пригласившие Рюрика, прекрасно ориентировались в общей обстановке Балтийского региона. Историческая "канва" призвания восстанавливается в свете новых археологических и нумизматических данных благодаря исследованиям А.Н. Кирпичникова, В.М. Потина, И.В. Дубова, В.А. Булкина. Лебедев обратил внимание на новые археологические подтверждения событий 862 г., детально исследовав находки Ладоги[33]. Л.Н. Гумилёв, ссылаясь на работы Лебедева, также отметил подтверждения легенды, хотя и имел свою точку зрения на происхождение русов. Он наиболее оригинально выступил "в защиту" Рюрика. "Жаль расставаться с воззрениями, воспринятыми с детства", — писал ученый[34].

Попытку увидеть в легенде 862 г. влияние исторических реалий конца XI — начала XII в. предпринял и И.Я. Фроянов. Историк склонен считать сказание о при-

звании варягов даже "своеобразным манифестом политической вольности Новгорода", признавая в нем достоверным лишь приглашение новгородскими словенами для военной помощи одного варяжского конунга с дружиной, который впоследствии совершил военный переворот и убил местного словенского князя Вадима, упомянутого в Никоновской летописи (в этой части Фроянов развил мысли В.В. Мавродина)[35].

Вслед за В.Т. Пашуто к изучению "ряда" легенды как определенного договора, устанавливавшего обязанности и права князя, обратились Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин. "Ряд" был заключен представителями различных племен новгородского региона (в историографии это явление иногда называют "северной федерацией" или "конфедерацией" племен (В.Т. Пашуто, В.В. Седов), хотя такое название вряд ли оправданно, так как искусственно переносит понятия политической жизни позднего периода на эпоху раннего Средневековья). По мнению исследователей, эти племена нуждались в урегулировании отношений с варягами и в защите от их вторжений на свои земли. Князь имел, вероятно, некоторые судебные функции, должен был руководствоваться местными правовыми нормами, что ставило его в некоторую зависимость от местного общества. Перечни городов, где "сидели" "мужи" Рюрика, могут свидетельствовать об элементах института кормления (В.Т. Пашуто считал раздачу городов Рюриком раздачей ленов, т. е. прав на сбор дани). На основе анализа летописного текста исследователи пришли к выводу, что отдельные элементы легенды приближены к реалиям второй половины IX в. Отмечая, что такой практики во внутрискандинавских отношениях не наблюдается, они привели примеры заключения подобных соглашений между предводителями викингских отрядов и представителями нескандинавских стран. Таким образом, в целом была установлена возможная историческая достоверность "ряда" как соглашения местной власти с группой скандинавов, поставленной этим соглашением в зависимость от объединения племен. В то же время это соглашение обеспечивало в представлении летописца легитимизацию власти Рюрика и таким образом законность правления всей княжеской династии[36]. Е.А. Мельникова изучила особен-

ности легенд о происхождении династий и определила два варианта подобных сказаний: переселение и призвание. По ее мнению, в таких легендах отразились реальные межэтнические контакты периода образования варварских государств. В этом же ключе следует рассматривать и древнерусскую легенду о призвании, являющуюся этиологическим преданием. Рюрик выступает в качестве героя мифоэпической традиции, основателя современной летописцу династии, хотя на самом деле его фигура носит полулегендарный характер. Поиски прямых соответствий летописным данным в конкретном археологическом материале Ладоги, "Рюрикова" Городища и т. д. Мельникова и Петрухин считают необоснованными[37].

По мнению Н.Н. Гринева, составитель летописного рассказа о призвании Рюрика использовал договор между пришлым князем и жителями Новгорода, представлявшего собой в то время три, вероятно, разноэтничных поселка. Этот документ якобы был написан старшеруническим письмом, и впоследствии редактор первоначального летописного сообщения, не поняв специфики ранней структуры Новгорода и особенностей самого древнешведского текста, представил призвание Рюрика делом трех самостоятельных земель, а из древнешведских словосочетаний образовал имена братьев князя (о самих Синеусе и Труворе см. следующую главу)[38].

М.Б. Свердлов, выявляя историческую основу летописного известия и признавая тождественность Рюрика и Рорика Фрисландского (о самой проблеме см. далее), обратил внимание на естественность обращения местных племен именно к фрисландско-ютландскому, а не к шведскому конунгу. «Социально-политическим содержанием "призвания" Рюрика стала древняя племенная (славянская и германская) традиция избрания князя (короля). Ранее она проявилась в избрании славянами королем франка Само, причем его неславянская этническая принадлежность не имела никакого значения», — пишет исследователь. Исторические основы предания он усматривает также и в "реальном содержании древнейшего сохранившегося в письменности скандинавского названия Руси — Gardar"[39].

К сожалению, идеологические мотивы долгое время затрудняли научное источниковедческое изучение лето-

писного рассказа о Рюрике, что приводило к крайностям в интерпретациях вплоть до отрицания реальности описанных в нем событий вообще. Исследование летописного известия зачастую помещалось в контекст так называемой норманнской проблемы, что было оправдано лишь в тот период развития историографии, когда происхождение династии напрямую соотносилось с формированием государства. Следует заметить, что оба эти явления, хотя и оставались тесно связанными в средневековом историографическом сознании, уже у автора ПВЛ достаточно ясно разделялись. Рассказ о призвании варягов был одним из ответов на второй вопрос, поставленный в заглавии летописи: "Кто в Киеве нача первее княжити" (несмотря на то что Рюрик в Киеве не княжил, там впоследствии правили его потомки), тогда как описание процесса образования государства отвечало на третий вопрос: "И откуду руская земля стала есть", т. е. "как создавалась". Первый вопрос касался этногенетического аспекта: "откуду есть пошла...". Второй — династического: кто стал первым княжить в Киеве и как возникла династия, распространившая из этого центра свою власть на другие племена. А третий вопрос касался уже государственного аспекта, объединившего и первый, "базисный" вопрос, и второй, "наложенный" на первый. Только после этого появился синтез: было создано государство в территориальном и политическом смысле. Ответу на третий вопрос посвящены рассказы о деятельности Олега и его преемников[40]. На современном уровне развития историографии ясно, что от этнической принадлежности правящего рода сам процесс возникновения государства не зависит. С этих позиций, как отмечал еще Д.С. Лихачёв, возможно более объективное изучение летописного рассказа о призвании князей. К настоящему времени в результате исследований выявлены элементы, которые сводятся по сути к трем комплексам информации в самом летописном известии о Рюрике — реально-историческому, легендарному и историографическому. К числу исторических реалий, отраженных в сказании, относятся:

1. Этническая ситуация в северорусском регионе того периода. Эта область была зоной активных межэтнических контактов, что подтверждено многочисленными археологическими находками. Здесь, вероятно, и возникло

то объединение племен, о котором и говорит ПВЛ, перечисляя призвавших Рюрика: чудь, словен, кривичей и весь. Важно отметить, что это финно-угорские и славянские племена, причем финно-угорское чудь стоит вначале, как и в статье ПВЛ под 859 г., где указаны племена, с которых варяги собирали дань: чудь, словене, меря, кривичи. Хотя далее, в статье под 862 г., сообщается, что коренным населением Новгорода являются словене (а Рюрик согласно ПВЛ начал княжить именно там), тем не менее первое место чуди в перечне племен может косвенно свидетельствовать о сохранении в исторической памяти факта позднего (около 6–7 вв. н. э.) прихода славянского населения на Север Руси, где исконно обитали именно финно-угры.

2. Упомянутый в сказании "ряд" (устное соглашение?), заключенный местными племенами с пришлыми князьями, который определял права и обязанности варяжских князей на чужой территории и ставил их в определенную зависимость от местного населения. Практика подобных соглашений известна и в других регионах Европы.

3. Реальность самой фигуры Рюрика, чье имя не может быть признано искусственно созданным, поскольку объясняется в рамках разных антропонимических систем. Существуют две этимологии (исключая мнение Г. Эверса о турецком происхождении имени как не доказанное[41]). Скандинавская этимология имеет давнюю историю. Особенно четко она выражена в работах А.А. Куника и В. Томсена. Куник писал, что сколько бы историки не "мучили" имена Рюрика, Олега, Свенельда и других, они никогда "не отзовутся по-славянски"[42]. Классическое прочтение имени в рамках этой гипотезы дано Томсеном — Hroerekr[43]. Поддержал это мнение и К.Н. Бестужев-Рюмин, отстаивавший реальность Рюрика в полемике с Д.И. Иловайским[44]. Ряд специалистов полагают эту этимологию аргументированной с лингвистической точки зрения[45]. Тождество имен Рюрик и Рорик, исходя из отождествления этих личностей, отстаивали Н.Т. Беляев, О. Прицак[46]. Обе формы являются производными от того же Hroerekr[47].

Версию о славянском происхождении имени Рюрик высказал С.А. Гедеонов, полагавший, что это имя славян-ободритов, производное от "рарог" — сокол[48]. Тео-

рия связана непосредственно с гипотезой о славянском происхождении самого Рюрика, которой будет уделено внимание далее. Кстати, Гедеонову принадлежит замечание о том, что имя Рюрик является необычным для шведского конунга, "как для русского князя имя Казимира или Прибислава"[49]. Однако имя отнюдь не редкое, хотя в самой династии Рюриковичей оно употреблялось не часто. Теорию Гедеонова активно поддержал Иловайский, также считавший Рюрика славянином, если он вообще существовал[50]. Она продолжала жить и впоследствии, например в работах П.П. Толочко, В.Б. Вилинбахова[51]. Проблемы конкретной генеалогии Рюрика (скандинавской, славянской) будут рассмотрены далее.

Сам факт приглашения иноземного правителя на Русь также может представляться реальным, поскольку при решении межплеменных конфликтов, о которых в той же ПВЛ сказано вполне определенно под 859 г., обращение к независимой этнической силе было вполне естественным (ср. избрание западными славянами своим королем иноземца Само). В качестве таковой могли выступать и ютландец Рорик, и ободрит Рерик, этнически не связанные ни с варягами — шведами, собиравшими дань с северорусских областей, ни с самим населением этих территорий. Приглашение Рюрика могло стать основой новгородской традиции приглашения князя на стол, или, напротив, в летописном рассказе могли видеть историческое оправдание данной традиции.

Однако здесь встает вопрос о месте первоначального пребывания Рюрика на Руси. Часть историков, вслед за летописными сообщениями, полагали, что Рюрик сначала появился в Ладоге. Но в историографии существует и иное направление (М.Д. Присёлков, Д.С. Лихачёв и Б.А. Романов и др.), представители которого считали, что в летописном тексте отразилось местное ладожское предание, введенное в летопись по инициативе Мстислава Великого (ср. гипотезу Б.А. Рыбакова о некоем летописце — "ладожанине" и критику данного положения А.П. Новосельцевым)[52].

Археологические исследования, результаты которых наиболее полно отражены в трудах А.Н. Кирпичникова, Г.С. Лебедева и других авторов, позволяют поставить под сомнение правильность подобной трактовки. Город был

крупным центром межэтнических контактов, имевшим большое торговое значение для Восточной Балтики. Так, следы скандинавов в Ладоге зафиксированы уже в середине VIII в.[53] Археологически засвидетельствован и сильный пожар в этом городе, относящийся примерно к 860 г., т. е. ко времени летописного изгнания варягов[54]. В скандинавских памятниках Ладога фигурирует под именем "Альдейгьюборг". В сагах "о древних временах" упоминаются мифические правители города (ярл Бьяртмар в "Саге о Хервёр", конунг Ингвар в "Саге о Стурлауге" и др.)[55]. Именно с Ладогой связана и судьба Олега Вещего. Город привлекал внимание скандинавов и в более поздние времена. В 997 г. на Ладогу напал Эрик Хаконарссон. В начале XI в. городом владели жена Ярослава Мудрого Ингигерд и ярл Рёгнвальд, что, впрочем, сомнительно[56]. Все это косвенно может свидетельствовать в пользу факта первоначального прибытия Рюрика именно в Ладогу[57].

Новгород в современном его местоположении возник, по данным археологии, не ранее начала X в.[58] Скандинавские древности сконцентрированы на Городище (получившем в историографии условное название "Рюриково")[59]. Очевидно, оно и могло быть тем центром, где закрепился Рюрик через некоторое время. Новгород фигурирует в скандинавских памятниках под именем Хольмгард. Саги даже упоминают ряд легендарных правителей города: конунг Эймунд, тесть Хальвдана Старого, в "Пергамене с Плоского острова" (в "Младшей Эдде" Снорри Стурлусон произвел от них даже королевскую династию Инглингов), Роллауг в "Саге о Хервёр", Хертнит в "Саге о Тидреке Бернском" и др.[60] Всё это подтверждает давние и крепкие связи этого региона с Северной Европой, и оседание скандинавской дружины в Ладоге, а затем и в Новгороде можно считать реальным. В то же время активно развивается и так называемый путь из варяг в греки, соединявший Северную Европу с Константинополем (путь подтвержден археологическими находками)[61]. Тогда же идет процесс и возникновения названия "Русь", скандинавское происхождение которого в настоящее время можно считать вполне аргументированным с лингвистической точки зрения (хотя существуют и иные гипотезы)[62].

К легендарным и фольклорным мотивам летописного рассказа о призвании варягов могут быть отнесены:

1. "Переселенческое сказание" об основателях государства. Сопоставления легенды о Рюрике с иностранными преданиями подобного рода проводились, как уже было сказано выше, еще А.А. Куником и К.Ф. Тиандером.

2. Мотив троичности братьев-князей, связанный также с идеей единой княжеской генеалогии. Тернарное деление вообще отразилось в различных культурных традициях, и не только применительно к истории Руси. В ПВЛ оно присутствует неоднократно: от рассказа об основателях Киева до "триумвирата" Ярославичей.

Наконец, в рассказе о призвании князей нашли воплощение и историографические идеи летописца:

1. Идея единства княжеского рода. В соответствии с ней строится и единая генеалогия династии, связывающая всех деятелей родственными и функциональными отношениями, когда Синеус и Трувор могли стать братьями Рюрика, Олег – его родственником, а Аскольд и Дир – его соратниками. Эта мысль особенно ярко воплотилась в поздних историографических источниках, когда и Аскольд, и Ольга также "оказались" генеалогически связаны с родом Рюрика. Впрочем, эта идея сама по себе не может отрицать вполне определенных, однозначно зафиксированных в ПВЛ генеалогических связей, таких, как "Игорь – сын Рюрика". Сомнение в этом стало общим местом многих исторических трудов; между тем, помимо чисто логических рассуждений, которые не могут иметь значения при источниковедческом подходе, оно базируется исключительно на умолчании о Рюрике в "Слове о законе и благодати" митрополита Илариона и в "Памяти и похвале князю Владимиру" Иакова Мниха. На этом иногда базируются и сомнения в реальности самого Рюрика. Но, во-первых, неупоминание само по себе не есть еще аргумент в пользу отрицания. Во-вторых, совершенно непонятно, почему эти авторы должны были перечислять всех восходящих предков Святого Владимира. В-третьих, абсолютно очевидно, что упомянуты только киевские князья, а первым Рюриковичем, ставшим князем всего Древнерусского государства, был именно Игорь. Об этом прямо говорится в произведении

Мниха: "И седе [Володимер] на месте отьца своего Святослава и деда своего Игоря"[63]. В связи с данными этих памятников сам Игорь получил в нашей историографии произвольный эпитет "старый", хотя такого прозвания никогда не имел: в источниках лишь говорится о "старом" (т. е. прежнем, первом) Игоре в отличие от более поздних князей, подобному тому, как "Слово о полку Игореве" говорит о "старых" Владимире и Ярославе. Также неупоминание Рюрика в перечне русских князей в ПВЛ под 852 г. не может быть аргументом отрицания реальности этого князя, поскольку счет княжений в данном летописном пассаже начинается с Олега как именно Киевского князя: начальный год отсчета — 882-й, а вовсе не 879-й.

2. Легитимизация иноэтничной династии путем факта добровольного призвания князей (а не завоевания ими территории и подчинения данных племен).

3. Включение Руси в контекст общеевропейского и — шире — мирового исторического процесса (в ПВЛ это отражено также и во многих других сообщениях).

4. Возможно, даже библейские мотивы, на что указывал еще Г.М. Барац[64].

5. Идея "дарования" Руси определенной династии и соответствующей формы правления. Призвание было сродни законному обретению княжеской династии, а власть князя из Рюрикова Дома считалась необходимым компонентом государственной системы на всей территории Древней Руси. Даже в Новгороде, традиционно именуемом в историографии "боярской республикой", формально правили князья Рюриковичи.

Следует обратить внимание и на то, что само появление династии да и правящей элиты (братья-варяги пришли "с роды своими") извне уже являлось существенным фактором легитимизации. Князья и их приближенные происходят не из местной, "своей" среды; они — принципиально "иные", как бы из другой системы, другого мира. И уже этим оправдывается их высокое положение. Таким образом, иностранное происхождение отнюдь не лишало династию и элиту своих прав, а, напротив, оправдывало их власть и ведущее положение в обществе.

В этом контексте можно вслед за предшествующими исследователями сопоставить русскую легенду с подоб-

ными преданиями других европейских традиций. В иностранных сказаниях также присутствуют мотивы прихода родоначальника династии со своими приближенными, которые и составляют правящий слой, на территорию каких-либо местных племен. В европейских генеалогических легендах в целом можно выделить несколько мотивов:

1. Мотив автохтонности, когда первый правитель оказывается порожденным землей (Эрихтоний) или связанным с землей в силу своих занятий (польский пахарь Пяст). В этом случае родоначальник приобретает черты "культурного" героя и имеет отчетливо "местное", а не иностранное происхождение (ср. также римский мотив о Цинциннате).

2. Мотив божественного происхождения родоначальника, т. е. генеалогической связи с богами, обеспечивающей таким образом легитимность правящего рода (греческие династии, происходившие от богов-олимпийцев, Ромул и Рем — основатели Древнеримского государства, скандинавские династии и т. д.).

3. Мотив пришествия извне — или вообще неизвестно откуда (своеобразный "дар богов", как, например, подкидыш Скильд в традиции "Беовульфа"), или из другой, далекой (как Брут в британской традиции — этим обеспечивалось включение местной истории в общемировую), а иногда даже достаточно мифической страны (в той же скандинавской традиции, к примеру, происхождение Одина и других асов из Азии) — переселенческие сказания, которые изучал К. Тиандер. Очевидно, что сказание о Рюрике и его братьях обнаруживает родство именно с последним комплексом легенд. Хотя в той же ПВЛ присутствует и другая легенда о прародителях, относящихся к еще недатированному "доисторическому" периоду: Кие и его братьях и сестре. Это сказание, судя по этимологии имени самого князя, близко к первому пласту — мифологизированный образ героя-кузнеца, приобретший черты "культурного героя" местного происхождения, первопредка полян, их первого князя, почти равного по значимости самому императору Византии.

В летописном рассказе о призвании важно отметить и мотив неопределенности происхождения князей: отсут-

ствие четкой географической ("из-за моря" — из какой страны?), социальной (братья — кто?) и этнической (варяги — какие?) локализации. Эта неопределенность усиливается и полным отсутствием в летописной традиции каких бы то ни было сведений о самих князьях до момента призвания. Да и их биографии удивляют своей абсолютной конспективностью (пришел — умер: Рюрик, Синеус, Трувор, отчасти Аскольд, Дир; более или менее развернутые биографии князей Рюриковичей начинаются в ПВЛ только с третьего поколения династии, т. е. со Святослава). Конечно, летописец мог и не располагать конкретными историко-биографическими сведениями о первых русских князьях, поэтому в данном случае, может быть, корректнее говорить не о том смысле, который был заложен в летопись изначально, а о том, который приобрели эти сведения в процессе дальнейшего развития средневекового исторического сознания. Тем не менее важно подчеркнуть принципиальные особенности работы летописца, поскольку во время создания ПВЛ книжная письменность была делом очень узкого слоя общества, преимущественно относившегося к духовной среде. Объективные факторы процесса письма и отношение к письму как таковому определяли и отношение самого летописца к своему труду, воспринимавшемуся им как своего рода священнодействие, послушание, даже подвижничество. В этих условиях создатель летописи стремился скорее отразить как можно больше исторической информации и сделать это наиболее объективно, нежели путем субъективной редакторской работы исказить историческую правду, как зачастую постулировалось в советской историографии. Естественно, субъективное отношение к тем или иным событиям проявлялось, в том числе и с помощью библейских аналогий. Однако оно кардинально не снижало уровня объективности автора. Впоследствии летописи XVI—XVII вв., например Никоновская, пытались расцветить правления первых князей какими-либо деталями (мятеж Вадима, бегство новгородцев от Рюрика, гибель сына Аскольда и т. д.), хотя это и не означает домысливания событий абсолютно во всех случаях. И в поздних источниках могли найти отражение события, не зафиксированные ранними памятниками.

Легендарные мотивы в известии о появлении Рюрика на Руси именно как основателя княжеского рода могли способствовать некоторой "сакрализации" самого этого имени. Исследователей не раз удивлял факт очень редкого использования имени Рюрик в дальнейшей истории династии. Но в принципе такова судьба значительной части имен родоначальников других раннесредневековых династий (Меровей, Пяст, Арпад, Скьёльд и др.). Как правило, имена предков не становятся родовыми именно из-за мифологизированной значимости их носителей, и имя Рюрик в данном случае не является исключением. Оно появилось вновь только в середине XI в. Этим именем был назван один из сыновей князя Ростислава Владимировича. Следует отметить, что эта ветвь рода была "изгойской", "выпавшей" из общей системы престолонаследия. Возможно, поэтому Ростислав и назвал трех своих сыновей именами основателя династии Рюрика и основателя христианской ее "части" Владимира (в крещении Василия): Рюрик, Василько, Володарь, стремясь таким образом подчеркнуть свою преемственность от общего княжеского корня. Среди потомков Ростислава эта тенденция обнаруживается и далее: Владимирко, Ярослав Осмомысл, Владимир Ярославич. В середине XII в. имя Рюрик встречается еще два раза: Рюрик Ростиславич, внук Мстислава Великого, и Рюрик Ольгович из черниговской ветви (по женской линии тоже потомок Мстислава).

Происхождение правителя извне, из другой культурной или этнической традиции, само по себе, думается, лишь способствовало укреплению прав его потомков на власть. Полагаю, что именно в данном контексте можно рассматривать и генеалогические легенды русской аристократии. Это тоже своего рода "переселенческие" сказания, хотя и появившиеся достаточно поздно, но по сути обнаруживающие сходство с легендой о Рюрике. Как основатель самой главной, первой династии правителей Руси оказался иноземцем, так и предки второй династии Романовых произошли из Пруссии; так и другие роды в позднее Средневековье стали фиксировать тот же мотив иноземного прародителя. Вероятно, именно по этому типу и возникали позднее столь многочисленные дворянские легенды (к XVIII в. "выродившиеся" на уровень

откровенной баснословности) "о выездах" родоначальников из других земель. Своеобразное этническое дистанцирование элиты ставило ее как бы "над" остальным обществом и тем самым оправдывало ее руководящее социальное положение.

Итак, в 862 г. (по хронологии летописей, которая носит относительный характер) на север Руси был призван варяг Рюрик, условия княжения которого, вероятно, определялись соответствующим соглашением, а местом его первоначального княжения, по всей видимости, была Ладога, древнейший центр межэтнических связей этого региона.

Версии о славянском происхождении Рюрика

Весьма любопытные сведения по древней истории новгородской земли сообщают некоторые русские летописи. В Новгородской I летописи в списке посадников города первым стоит имя некоего Гостомысла[65], а затем идут имена известных исторических деятелей, например Константина и Остромира. Более подробно об этом сообщают летописи позднего происхождения. В Новгородской IV, Софийских, Ермолинской, Львовской летописях в части, посвященной предыстории, рассказывается о том, что ильменские словене основали Новгород и посадили там старейшину Гостомысла[66]. Наконец, Воскресенская летопись рисует красочную картину: Гостомысл перед смертью обращается к новгородским мужам с призывом искать князя, которым и оказывается пришедший с братьями Рюрик[67]. Исследователи давно занимались изучением этого предания. Так, А.А. Шахматов полагал, что оно восходит к новгородскому летописному своду 1167 г.[68] Однако само существование этого свода поставил под сомнение Д.С. Лихачёв, предположивший, что легенда о Гостомысле попала в летописи XV–XVI вв. из софийско-новгородского свода 1430-х гг. и что она весьма древняя[69]. В эпоху Василия III барон С. Герберштейн приводит известие о Гостомысле как историческое[70]. Традиция новгородского летописания, очевидно, сохранила это имя, взятое, воз-

можно, из каких-то местных преданий, бытовавших истари в Новгороде. Такое предположение в какой-то степени объясняет и дальнейшее развитие сюжета легенды в Иоакимовской летописи, использованной В.Н. Татищевым. Здесь рассказывается о древней истории славян и генеалогии их князей: о Славене, его потомке Вандале, жене Вандала "от варяг" – Адвинде и трех их сыновьях – Изборе, Владимире "Древнем" и Столпосвяте. В девятом поколении от Владимира Древнего указывается некий Буривой, воевавший с соседями, но побежденный ими при р. Кумени. Ему наследовал сын – Гостомысл, имевший в свою очередь трех дочерей и четырех сыновей, старшим из которых был Выбор (искусственная этимология ойконима Выборг). Все сыновья погибли в битвах с врагами или умерли "дома". Дочери были выданы замуж, но не известно "доподлинно" за кого: старшая, как пишет Татищев, за князем в Изборске. Сыном средней Умилы был Рюрик.

Рассказывается также и о чудесном сне Гостомысла. Новгородскому старейшине снится, что из чрева его средней дочери вырастает огромное дерево, покрывающее своими плодами и ветвями весь "Великий Град", т. е. всю страну, что истолковывается волхвами как доброе предзнаменование, свидетельствующее, что потомство Умилы чрезвычайно разрастется и будет править всей славянской землей. Перед смертью Гостомысл велит пригласить в Новгород своего внука Рюрика, и таким образом династия Рюриковичей становится по женской линии своеобразным продолжением рода древних славянских правителей[71].

Отношение к этим известиям было неоднозначным. Слишком уж очевидной была мифичность некоторых рассказов, ряд антропонимов вообще возник, вероятно, лишь из желания объяснить соответствующие топонимы (например, название Выборга, которое имеет шведское происхождение). Еще Г. Миллер высказался против признания достоверности татищевских известий, в чем его поддержали впоследствии кн. М.М. Щербатов и особенно А. Шлёцер, открыто назвавший все сведения Иоакимовской летописи ложью[72]. В начале прошлого века Н.М. Карамзин заявил, что все это "сказки", некритически воспринятые некоторыми историками[73]. Однако, на-

пример, И.Н. Болтин придерживался иной точки зрения, усматривая в легендах рациональное зерно[74]. Заметим, что в XVIII в. некоторые особо увлекавшиеся историки начали дополнять иоакимовскую легенду новыми деталями. Так, П.Н. Крекшин развил идею происхождения Ольги от Гостомысла, отметив ее предков Словена Молодого и Избора, т. е. придумав имена сыновей Гостомысла[75]. Т. Мальгин принял все данные Татищева на веру и даже попытался установить отца Рюрика[76].

Против обвинений в адрес Татищева в составлении Иоакимовской летописи выступил С.М. Соловьёв[77]. Высказывалось мнение, что легенда о родстве Рюрика с Гостомыслом, отраженная в труде Татищева, должна была способствовать легитимизации иноэтнической династии в общественном сознании Древней Руси (ср. мотив брака с наследницей престола в предании о Хенгисте и Хорсе)[78].

В настоящее время следует, вероятно, признать, что свидетельства "Иоакима" могут быть в какой-то степени соединением исторических припоминаний и легендарных мотивов, к которым, по всей видимости, относится и легенда об Изборе, бытовавшая на севере Руси: "Сын же (Гостомысла) Избор змием уяден и умре"[79]. Какое-то влияние на эту новгородскую традицию могли оказать и скандинавские саги. Еще Б.А. Клейбер заметил, что один из источников, относящихся к кругу "саг о древних временах", мог лечь в основу некоторых известий Иоакимовской летописи. Эту точку зрения развил Г.С. Лебедев, заметивший, в частности, что р. Кумен, где якобы был разбит Буривой, это р. Куммене в Финляндии. Историк указал и на то, что имя Адвинда известно в новгородском ономастиконе в качестве "Отвине" (так звали одного из посадников)[80]. Таким образом, основой новгородских известий, отраженных в Иоакимовской летописи, мог стать целый комплекс преданий как местного, так и, возможно, иностранного происхождения.

Интересна в данном контексте и "легенда о сне" Гостомысла. Это один из тех бродячих сюжетов, которые присутствуют в исторических сказаниях многих народов. Вымыслом легенду о сне признавал еще сам Татищев, при этом ссылаясь на широко распространенный сюжет из древней истории, когда перед рождением Кира Вели-

кого его отец видел подобный сон[81]. Предание, напоминающее легенду царства Ахеменидов, известно и в Скандинавии. В "Хеймскрингла" Снорри Стурлусона, в сагах о Хальвдане Чёрном и его сыне Харальде Прекрасноволосом рассказывается, что перед рождением сына жена Хальвдана Рагнхильд тоже видела аналогичный сон[82]. Из колючки, попавшей ей в платье во время прогулки по саду, вырастает сначала ветка, а потом в руке оказывается и целое дерево с множеством плодов, что истолковывается так же, как и в легенде про Умилу. И действительно, Харальд становится не только фактическим основателем единого норвежского государства, но и родоначальником большой королевской династии.

В сагах мотив вещего сна вообще используется довольно широко[83]. Ведь основной идеей этого жанра является идея "судьбы", главной движущей силы истории. Таким образом, сны служат предзнаменованием хода истории, и они часто вплетаются в ткань повествования. Перекличка сагических сюжетов и новгородских легенд вполне возможна.

Новгородское предание помимо чисто легендарных компонентов могло иметь и какую-то реальную подоплеку, которую, впрочем, довольно сложно установить. Имя Гостомысла известно в западноевропейских источниках, что отметили еще И.И. Срезневский и И.Е. Забелин[84]. В анналах Фульденского монастыря, одного из крупнейших центров европейской книжной культуры, и в Ксантенских анналах под 844 г. содержится запись, касающаяся западнославянского прибалтийского племени ободритов, или бодричей — abodriti, obodritos. Внук Карла Великого — Людовик Немецкий начал войну с ними. В ходе этих событий погиб один из предводителей ободритов Гостомысл (Гостимусл) — Gotzomiuzli (Goztomiuzli)[85]. Это глухое указание о Гостомысле дало лишнее подтверждение для своих построений тем исследователям, которые отстаивают гипотезу о славянском, возможно ободритском, происхождении первого русского князя.

Земли ободритов располагались на побережье Балтийского моря вдоль рек Одер и Эльба (Лаба) и соседствовали с Ютландией на северо-западе. Иногда, как свидетельствует, например, Адам Бременский, этих полабских славян называли рарожанами, или рериками, по имени

их главного города Рерика (Мекленбург?). Рерик был крупным торговым центром во второй половине VIII – начале IX в. В 808 г. датский конунг Готтрик захватил город и перевел купцов оттуда в г. Хедебю (Франкские королевские анналы). С этого времени значение Рерика продолжает падать вплоть до завоевания в 844 г.[86] Название города произошло, очевидно, от слова "ререг", или "рарог", что означает "сокол". На этом основании некоторые историки, начиная с Иловайского и Гедеонова, предполагали, что имя Рюрик имеет западнославянское происхождение. Помимо созвучия слов, сторонники этой гипотезы приводят систему дополнительных аргументов. Часть историков считали, что варяги не кто иные, как балтийские славяне (мнение, идущее от М. Стрыйковского, в XVIII в. его придерживался и М.В. Ломоносов, позднее – М.А. Максимович, С.А. Гедеонов, В.Б. Вилинбахов и др.)[87]. В настоящее время эта гипотеза не слишком распространена в исторической науке[88]. Однако проникновение поморославянского населения на север Руси зафиксировано археологическими раскопками. Помимо этого приверженцы "ободритской теории" ссылаются и на так называемые "знаки Рюриковичей".

Речь идет о широко известных знаках, которые обнаружены на древнерусских монетах со времен Владимира, на ранних печатях князей, на плинфе каменных сооружений, глиняной посуде, украшениях, мечах и многих других предметах. Начиная с Карамзина, эти знаки стали считать родовой принадлежностью князей Рюриковичей. Историография данного вопроса обширна, наиболее полно она отражена в работах гр. И.И. Толстого, А.В. Орешникова, В.Л. Янина, А.А. Молчанова, О.М. Рапова, С.В. Белецкого и других[89]. Часть исследователей видела в знаках воинскую эмблему: якорь (И.А. Бартоломей), шлем (возможно, норманнский) (П.Н. Милюков), секиру или топор с двумя лезвиями, так называемую франциску (П.М. Сорокин, А.В. Орешников) и т. д. Другие полагали, что это некое геральдико-нумизматическое изображение: светильник (А. Воейков, И.П. Сахаров), хоругвь (Ф.А. Жиль, Я. Волошинский), церковный портал (С.Г. Строганов), птица – норманнский ворон (барон Б.В. Кёне) или голубь (А.А. Куник, позднее он от-

казался от данной интерпретации). Распространенной была версия о том, что это государственная эмблема: трезубец (Н.М. Карамзин), часть византийского скипетра (А.А. Уваров и гр. И.И. Толстой), держава (А.А. Куник в поздний период), даже скифский скипетр (Д.Я. Самоквасов). Существует мнение, что знак являлся символом княжеской собственности, весьма распространенной в домонгольский период. Есть и несколько более "формальных" прочтений: монограмма (руническая или византийская), геометрический орнамент (византийский, скандинавский, восточный, славянский), наконец, некая церковно-христианская эмблема (христограмма), представлявшая собой лигатуру альфы и омеги. Последнее предположение высказали Д. Олянчин, а недавно и А.Л. Хорошкевич, используя данные европейской нумизматики, где подобные знаки встречаются на монетах англосаксонских королей, Меровингов и Капетингов, чешского князя Бжетислава I. По ее мнению, активная жизнь знака на Руси началась со времен Святого Владимира, т. е. с принятия христианства (но тогда непонятно, почему его использовал Святослав)[90]. Неясна и эволюция знака — от простого к сложному (А.В. Орешников) или наоборот (В.Л. Янин). Некоторые исследователи полагают, что знак мог иметь южное, возможно, боспорское происхождение (В.С. Драчук, Е.А. Мельникова); М.П. Сотникова, напротив, видит в знаке символическое изображение скандинавского судна, что соотносится со скандинавским происхождением династии, а Г.И. Шаповалов — соединение символов якоря и креста[91].

Таким образом, из вышесказанного явствует, что проблема "знака Рюриковичей" далека от разрешения, а его первоначальный смысл неясен. Еще одна интерпретация знака имеет прямое отношение к теории ободритского происхождения самого Рюрика. С.А. Гедеонов впервые предложил прочтение знака как изображение сокола-рерика[92]. Эту идею развил О.М. Рапов. На основании изучения изображения, а также данных орнитологии он предположил, что знак представляет собой схематическое изображение летящего вниз сокола (что вполне согласуется с рядом былинных образов, где к героям применяют именно такой эпитет — Вольга и др.). Рапов пришел к выводу, что сокол являлся, по-видимому, древним

тотемом рода Рюрика, но более никаких объяснений не дал, ограничившись тем, что в древности сокол не был божеством ни у славян, ни у скандинавов[93].

Свое развитие "ободритская" тема нашла и в работах некоторых авторов, связавших символ сокола с одной европейской легендой. Примерно к XVI–XVII вв. относится оформление мекленбургской легенды о Рюрике. Якобы у ободритов был князь по имени Годлав (или Годолюб, или Готлиб) – отец трех братьев: Рурика, Сивара и Трувара. Они пришли в Руссию, где стали князьями: Рюрик в Новгороде, Сивар в Пскове, Трувар в Белоозере. Рюрик основал княжескую династию. Эта легенда нашла отражение у некоторых западноевропейских авторов: Б. Латома (начало XVII в.), И.-Ф. Хемница (XVII в.), Д. Франка (Лейпциг, 1753), К. Мармье (Париж, 1840), Ф. Штадемунда (Мекленбург, 1848)[94]. Мекленбургское предание было поднято на щит эмигрантами: энтомологом С. Лесным (С.Я. Парамоновым) и протоиереем С. Ляшевским, активными исследователями так называемой Велесовой книги, знаменитой фальшивки[95]. Ляшевский даже развил легенду о Гостомысле. По его мнению, это был старший сын Годлава, названный в честь деда, он-то и погиб в 844 г. Такие рассуждения выглядят поверхностными. Мекленбургский рассказ является одной из поздних многочисленных легенд, которые распространились на пороге Нового времени. Очевидно, ее составители использовали какие-то мотивы ранней новгородской истории, русских летописей для привязки князей к своей стране. Данные предания не подтверждаются другими историческими источниками, и подобный фольклорный материал невозможно использовать в качестве основы для каких бы то ни было построений без должной критики.

Этимология имени Рюрик от Рерика, рарога не представляется однозначной. Лишь в качестве гипотезы могут быть признаны выводы Рапова, увидевшего в "знаках Рюриковичей" символ сокола. На основе поздней легенды нельзя делать далеко идущие утверждения. Хотя, впрочем, какое-то влияние прибалтийских славян на происхождение Рюрика и могло иметь место, поскольку, с одной стороны, полабские славяне активно контактировали с Ютландией и Фризией, с другой – с новгород-

скими землями. Возможно, Рюрик по одной из линиий и мог иметь славянские корни.

Необходимо уделить вниманис и еще одной легенде позднего происхождения, которую вызвали к жизни причины скорее политического характера, нежели установление исторической истины. Речь идет о происхождении Рюрика в четырнадцатом поколении от некоего Пруса, родственника римского императора Октавиана Августа. Легенда о Прусе отразилась в "Сказании о князьях Владимирских", сложившемся в начале XVI в.[96] Примерно в 1510-х гг. киевский митрополит Спиридон-Савва, прозванием Сатана, использовал предание в своем послании, носившем церковно-публицистический характер. Вероятно, в то же время на основе послания была составлена первая редакция "Сказания...", вошедшая в состав Воскресенской летописи[97], позднее использованная в качестве вступительной статьи к Государеву Родословцу 1555 г. и включенная в Степенную книгу. Вторая редакция появилась в период подготовки венчания на царство Ивана IV. С. Герберштейн вкратце упомянул о мнимом происхождении от римлян русских князей (заметив, что согласиться с этим можно, только "если верить бахвальству русских")[98]. Идеи "Сказания..." использовались в дипломатической переписке (например, в укор "безродному" Юхану Ваза). Естественно, к жизни легенду о Прусе вызвали политические причины, обусловившие возникновение и концепции "Москва – Третий Рим", и легенды о дарах Мономаха. Время создания самого произведения и его авторство неясны. И. Жданов высказал предположение, что "Сказание..." создано в конце XV в. и его автором был Пахомий Серб, "мних Сергиева монастыря"[99]. А.А. Зимин считал, что появление предания было связано с венчанием на великое княжение внука Ивана III Дмитрия Ивановича в 1498 г.[100] А.А. Гольдберг предположил, что автором "Сказания..." мог быть дипломат Дмитрий Герасимов[101]. Однако окончательно этот вопрос решить сложно, и все высказанные мысли могут рассматриваться лишь в качестве гипотез. Очевидны только причины возникновения памятника и его окончательное оформление Спиридоном-Саввой. Легенда продолжала бытовать и позже, в частности ее упоминает А. Манкиев. Начиная с В.Н. Татищева и

М.М. Щербатова, историки не сомневались в явной мифологичности "римского происхождения" Рюрика. Особенно резко отозвался о предании А. Шлёцер, назвавший его нелепостью[102]. Политические причины возникновения легенды достаточно полно охарактеризованы в недавно опубликованной работе А.С. Мыльникова[103].

Появление теории о происхождении Рюриковичей от династии императора Августа на рубеже XV–XVI вв. способствовало, конечно, дальнейшей легитимизации уже московского княжеского рода, поскольку Рюрик оказывался не безвестным варягом неясного происхождения, а законным потомком, т. е. преемником Августа. И, следовательно, законными были претензии его потомков и на преемственность от Римской и Византийской империй, и на царский, т. е. императорский, титул [уже со времени Ивана III, ср. геральдический аспект этого процесса, выраженный в эмблеме двуглавого орла – имперского символа (независимо от его конкретного происхождения)].

Теперь остановимся на версиях скандинавской генеалогии княжеского дома.

Скандинавская вероятная генеалогия Рюрика

Первые попытки определить личность Рюрика и его скандинавское происхождение были предприняты еще в XVIII в. Шведский историк Олаф Далин, широко использовавший в своих трудах данные скандинавских саг (в том числе и саг "о древних временах"), предположил, что Рюрик тождествен шведскому королю Эрику Бьёрнсону из рода Сигурда Ринга, предку Ингигерд, жены Ярослава Мудрого[104]. Такое отождествление ничего общего с реальной исторической действительностью не имело, поскольку биография и генеалогия Эрика известны, и говорить о его деятельности на Руси невозможно. Кроме того, имена Рюрик и Эрик не тождественны. Другое, столь же формальное предположение принадлежит кн. М.М. Щербатову. По его мнению, Рюрик был сыном или внуком некоего лифляндского короля Диона и зятем (или внуком) Гостомысла. Имя Диона историк обнаружил в датской истории де Ро-

ша и решил связать сразу несколько мифических мотивов[105]. Понятно, что и эта гипотеза не выдерживает критики. Третье, столь же мало оправданное, как и два первых, предположение принадлежит Т.С. Мальгину. Он тоже назвал отца Рюрика — некоего финского короля Людбрата, или Бела, или Биорна (Бьёрна)[106]. Как видно, Мальгин не остановился на одной версии, а привел сразу три. Последняя — очевидное заимствование из Далина. Происхождение двух первых неясно. Может быть, Мальгину была знакома мекленбургская легенда, а возможно, он отыскал эти имена в трудах скандинавских историков, во всяком случае сам автор сознавал шаткость своих построений и в последующих изданиях "Зерцала российских государей..." отказался от них, здесь об отце Рюрика — ни слова[107].

Помимо всех гипотез, относящихся скорее не к истории, а к области казусов и натяжек, в первой половине XIX в. появляется более аргументированная и научно обоснованная версия. Еще немецкий историк Х. Хольман связал Рюрика (как и вообще русов) с фризскими территориями[108]. Развернутую же гипотезу о личности Рюрика высказал профессор Дерптского университета Ф. Крузе (1836)[109]. Исследователь предположил, что Рюрик новгородский тождествен скандинавскому конунгу Рорику (Roricus), бывшему в IX в. правителем областей в Ютландии и Фрисландии. При этом Крузе изучил его генеалогию и биографию и пришел к выводу о возможности его появления в течение некоторого времени на Руси в качестве приглашенного князя. В XIX в. по поводу возможности такого отождествления высказались несколько историков. М.П. Погодин признал проблему неразрешимой, поскольку нет свидетельств однозначно "за" и "против": из источников неясно, был ли Рорик на Руси. Аналогичная ситуация и с Рюриком, сведения о котором отечественных источников крайне скупы[110]. П.Г. Бутков высказался против отождествления, но это было связано в основном с его неприятием мнения Крузе о происхождении названия "Русь"[111]. Такой, казалось бы, традиционный "норманнист", как А.А. Куник, отверг версию Хольмана—Крузе, и впоследствии многие авторы, условно причисляемые к этому направлению, последовали его примеру. Европейские ученые —

К.К. Равн (издатель "Antiquités russes..."), Х. Деппинг, П.А. Мунк — фактически признали вероятность отождествления. Менее определенно высказался английский историк К. Киари. В 1929 г. гипотеза была возрождена в эмиграции Н.Т. Беляевым, опубликовавшим свое исследование по данному вопросу в трудах семинара Н.П. Кондакова[112]. Он использовал сравнительно больший круг источников, чем Крузе, разработал вопрос детально и пришел к выводу о тождественности обоих Рюриков. В эмигрантской историографии эта точка зрения нашла значительную поддержку. Г.В. Вернадский принял ее, дополнив хронологию ранней русской истории фактами биографии Рорика Ютландского[113]. В недавнее время в поддержку теории Хольмана—Крузе выступил О. Прицак[114]. Весьма любопытную трансформацию гипотеза Крузе получила в статье Н. Линьи-Тандефельта, опубликованной в эмигрантском генеалогическом журнале "Новик", где была высказана мысль о голштинском происхождении Рюрика (см. также интерпретацию В.К. Зиборовым[115] легенды о призвании).

В советской историографии вопрос отождествления рассматривался чрезвычайно бегло. Е.А. Рыдзевская писала, что фантастическая гипотеза Крузе лишена всяких оснований и не заслуживает внимания[116]. Большинство советских историков также предпочитали обходить этот вопрос молчанием. Против отождествления выступил Х. Ловмяньский, посвятивший проблеме специальную статью[117]. В ней всесторонне была проанализирована деятельность Рорика и сделан вывод, что он не мог оказаться на Руси. Хронологически, по мнению историка, это невозможно, да и прямых указаний источников нет. Поэтому Ловмяньский констатировал, что в одно и то же время действовали два человека с одним и тем же именем. Однако в последнее время гипотезу признали некоторые отечественные исследователи. Л.Н. Гумилёв отмечал ее возможность[118]. Поддержал гипотезу и Б.А. Рыбаков, вполне допустив вероятность тождества[119]. Г.С. Лебедев в своих исследованиях изложил сведения биографии Рюрика и Рорика как одного лица. При этом он высказал ряд замечаний, в частности о том, что 862 г. следует считать лишь годом первоначальных переговоров новгородцев с Рориком-Рюриком[120]. С.Н. Азбелев также соглашается с

этой гипотезой[121]. Идентификацию Рюрика с Рориком считает убедительной М.Б. Свердлов, поддерживают ее А.А. Молчанов, А.Н. Кирпичников[122]. Продолжает существовать и иная точка зрения[123]. Основной аргумент, выдвигаемый против, — хронологические неувязки. Окончательную точку в дискуссии поставить невозможно, так как источника, где непосредственно бы говорилось о тождестве обоих Рюриков, нет. Рассмотрим фактологию вопроса, в частности биографию реального конунга Рорика.

Восстановить биографию помогают латинские анналы Франкской империи и другие средневековые памятники, опубликованные преимущественно в начальных томах Monumenta Germaniae Historica. Это анналы Эйнхарда (741—829 гг.)[124]; анналы Фульды (680—901): вторая (Рудольфа) (838—863) и третья (863—882) части[125]; Бертинские анналы (741—882): две части — анналы епископа г. Труа Пруденция (835—861) и архиепископа Реймского Гинкмара (861—882)[126]; Норманнская хроника (820—911)[127]; Ксантенские анналы (640—874)[128]; Жизнь императора Людовика[129]; Житие св. Анскария, архиепископа Бременского и Гамбургского (831—865) (первого христианского миссионера в Швеции, дважды посетившего г. Бирку: в 829—831 гг. и ок. 850 г.), написанное его учеником и преемником архиепископом Римбертом (ум. ок. 888)[130]; "Деяния первосвященников Гамбургской церкви" ("История гамбургских епископов") Адама Бременского (ок. 1073—1075)[131] и другие источники.

Рорик принадлежал к династии правителей Ютландии. У конунга Хальвдана было четверо сыновей: Ануло, Харальд Клак, Регинфрид и Хемминг, к этой же семье принадлежал и Рорик. В одних источниках он представлен братом Харальда (Ксантенские анналы, 850; Фульденские, 850)[132], в других — его племянником (Бертинские анналы, 850)[133]. Пятым сыном Хальвдана считали Рорика Ф. Крузе, В. Фогель, Н. Беляев, сыном одного из братьев — А. Куник, И. Стреенступ, Э. Дюммлер, Х. Ловмяньский[134]. Причем в европейской генеалогии преобладала вторая версия, например К. Кош показал Рорика сыном Ануло[135]. Заметим, что именно Ануло и Регинфрид были убиты в начале 810-х гг. в стычках с врагами, и известно о них очень мало. Хемминг погиб позже, в 837 г. (Е.А. Мельникова предполагает, что Рорик мог

быть сыном Хемминга)[136]. Как бы то ни было, Рорик принадлежал к потомству Хальвдана. Вполне возможно, что именно этот Хальвдан к 782 г. потерял свои владения и отправил посольство к Карлу Великому, пытаясь выхло- потать себе какой-нибудь лен. Х. Ловмяньский, правда, полагал, что с полной уверенностью этого нельзя утверждать, но дальнейшие события, во время которых сыновья Хальвдана пытались укрепиться во Фрисландии и Ютландии, косвенно подтверждают этот факт из биографии предка Рорика[137]. Харальд начинает активно действовать с конца 810-х гг. В 819 г. он попытался вернуться в Данию, где находились его родовые земли, но не смог там укрепиться и в 823 г. начал искать поддержку у императора Людовика Благочестивого[138]. Наконец, в 826 г. в столицу Франкской империи г. Ингельгейм на Рейне, недалеко от Майнца, прибыл Харальд Клак с женой, сыном Готфридом и племянником в сопровождении 400 датчан (значит, чуть более сотни кораблей[139]) и торжественно принял крещение с семьей в присутствии самого императора (анналы Эйнхарда, Ксантенские, Житие св. Анскария, Жизнь императора Людовика[140]). Этот шаг позволил ему получить от Людовика в удел графство Рустинген во Фризии, находившееся в его владении довольно долго.

Итак, совершенно естественно, что крещение преследовало определенные политические цели. В источниках не сообщается о присутствии в Ингельгейме Рорика. Тем не менее Н. Беляев отстаивал точку зрения о крещении Рорика вместе с Харальдом[141]. Конечно, если считать Рорика младшим братом Харальда, то его крещение выглядит довольно гипотетично, но если признать Рорика племянником новообращенного, то факт крещения вполне мог иметь место. Рорик, по всей видимости, к этому времени был еще ребенком (Крузе без веских на то оснований предположил, что он родился около 817 г.[142]).

Таким образом, после крещения род Харальда получил некоторые земли, но уже в 837 г. погиб Хемминг, названный в источниках "христианнейшим" (Жизнь императора Людовика, Ксантенские анналы[143]). В начале 840-х гг. умер и Харальд Клак, и тогда начал действовать сам Рорик. После смерти Людовика (840 г.) раздоры между его родственниками возобновились: Рорик поссорился с новым им-

ператором Лотарем и бежал под защиту Людовика Немецкого. При этом он потерял владения во Фризии. Лишенный удела, Рорик пиратствовал, нападая на Фрисландское побережье. Вероятно, он же участвовал в крупной операции в 845 г., когда норманны разоряли Фрисландию и Галлию (Ксантенские, Бертинские (Пруденция) анналы[144]). Нападение было отражено, а после этого среди викингов началось моровое повстрие, и Рорик приказал своей дружине поститься в течение 40 дней и отпустить всех пленников-христиан. На основании этого известия некоторые историки пришли к выводу, что Рорик или был христианином, или испытывал симпатии к христианству.

Следующий удар в 850 г. был нанесен по городу Дорестадту (Дуурстеде), крупному центру Фрисландии, затем Рорик заключил мир с императором Лотарем и вернул себе Фризию с Дорестадтом (Фульденские, Бертинские (Пруденция), Ксантенские анналы[145]). В этот период активную деятельность начал сын Харальда Клака — Готфрид, который иногда помогал Рорику в его авантюрах. В 854 г. умер датский владетель Хорик I, и начались усобицы между его родичами. Этим не преминул воспользоваться Лотарь, разделивший Фризию между своими сыновьями и, вероятно, оставивший Рорика и Готфрида опять без уделов (анналы Пруденция, 855)[146].

Новый датский правитель Хорик II пожаловал в 857 г. Рорику часть своих земель между Северным морем и р. Эйдер, и начался ютландский период жизни нашего героя (Фульденские анналы)[147]. На шесть лет имя Рорика исчезает затем со страниц хроник. Появилось оно только в 863 г. (анналы Гинкмара в составе Бертинских)[148]. В январе флотилия Рорика поднялась вверх по Рейну и дошла до Нейсса. Только к апрелю, разорив прирейнские земли, Рорик ушел, оставив Лотаря напуганным и растерянным. При этом Рорик в источнике назван недавно принявшим христианство. Тот же источник сообщает, что осенью 867 г. изгнанный из Фризии Рорик вновь вместе с датчанами угрожал императору, и Лотарю пришлось собрать ополчение для защиты от набегов этого конунга[149]. Наконец, в 869 г. давний враг Рорика Лотарь умер, и в 870 г. его братья Карл Лысый (Плешивый) и Людовик Немецкий в Мерсене разделили его владения, за исключением Италии, оставшейся у сына Лота-

ря — Людовика II вместе с императорским титулом. Рорик не упустил случая добиться земель и для себя. По сообщению Фульденских анналов, в этом году, осенью, Рорик встречался с Карлом в Нимвегене[150]. Затем, через два года, осенью 872 г. произошла очередная встреча, на этот раз Рорик был с сыном Харальда Клака — Родульфом. Переговоры проходили в г. Трейэктуме (теперь — Маастрихт) на Маасе. Рорику были возвращены земли во Фризии, и он признал себя верным вассалом Карла. Родульф же чем-то не угодил королю и остался без удела. В июне следующего 873 г. Рорик присягнул на верность Людовику, а после этого о нем ничего не известно[151]. Ловмяньский высказал предположение, что Рорик умер около 876 г., но на чем оно основано — неясно[152]. Во всяком случае в 882 г. от императора Карла III Толстого родственник Рорика — Готфрид получил его бывшие владения во Фрисландии[153].

Теперь, изучив биографию Рорика фрисландского (или ютландского), посмотрим, мог ли он быть "нашим", новгородским Рюриком. Противники отождествления этих двух персонажей апеллируют в основном к тому, что в европейских источниках ничего не говорится о каких-либо связях с Русью (так же, как и в русских летописях — с Европой), но ведь на основании неупоминания нельзя сделать вывод, что такого события не могло быть вовсе. С другой стороны, в нашем распоряжении нет и свидетельств о том, что Рорик и Рюрик — не одно лицо, а два разных. Поэтому утверждать, что Рорик и Рюрик абсолютно разные люди, невозможно, как и утверждать с полной уверенностью обратное. Другим весомым аргументом противников тождества является "предельно компактная" хронология, в которой якобы нет пробелов. Но на самом деле, как видим, пробелы есть, и они достаточно значительны. Рорик был чрезвычайно активной личностью, это — типичный викинг, участвующий во всевозможных военных авантюрах, часто меняющий лены, с ним считаются и императоры Франкского государства, и многочисленные родственники, правители в Дании. Конечно, он мог оказаться и на Руси. Тем более, что северорусские земли поддерживали тесные связи с Данией. Археологические находки свидетельствуют, "что уже во второй половине VIII в. Старая Ладога была вовлечена в сферу не

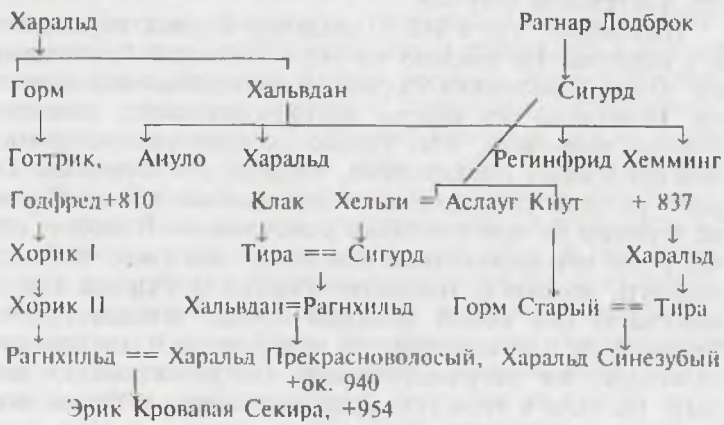
только восточнобалтийской, но и фризской торговли, которая шла через Данию"[154]. Причем эти находки позволяют предполагать присутствие в Ладоге фризских ремесленников. Прямые контакты Дании и Приладожья в VII–IX вв., а также более широкие культурные взаимовлияния Дании и Руси, подтверждаемые археологическими исследованиями Гнёздова и других мест, могут служить косвенным доводом в поддержку возможного тождества Рюриков. Расстояния, отделявшие Рорика от Русского Севера, для норманнов того времени, разумеется, не были препятствием. Вспомним, что викинги преодолевали на своих судах значительные расстояния в кратчайший срок, а ареал их походов был обширен необычайно. Тем более знакома была им Русь, где скандинавы побывали уже задолго до Рюрика. "Восточный путь" – Austrvegr – часто фигурирует в скандинавских источниках[155]. Датировка русских летописей, как это неоднократно подчеркивалось многими исследователями, довольно условна, и зачастую события, растянувшиеся во времени, могли быть сведены к статье одного года. Тем не менее серьезные возражения отождествлению Рюриков несут в себе свидетельства о встречах Рорика с Карлом Лысым в начале 870-х гг. Конечно, одновременно управлять землями во Фрисландии и на севере Руси Рюрик не мог. Но все же думается, это противоречия кажущиеся. Правление Рюрика в Новгороде могло быть неспокойным (на это есть глухие намеки в Никоновской летописи), не исключена возможность его длительной отлучки.

Интересно, что в 882 г. владения Рорика переходят к его родичам. Не связано ли это с киевской "экспедицией" Олега, преемника Рюрика, и временным исключением Новгорода из сферы великокняжеского влияния? Вполне возможно, что, только потеряв тесную связь с новгородскими правителями, владетели в Северной Европе решили распорядиться оставшимся леном Рорика во Фризии по собственному усмотрению. В любом случае у нас нет достаточных оснований для того, чтобы отвергнуть версию о тождестве Рорика и Рюрика как не имеющую под собой никакой почвы. Отождествление Рюриков не противоречит ни историческим, ни археологическим, ни лингвистическим (антропонимика) данным. Но если в этом есть доля реальности и Рюрик нов-

городский и Рорик фрисландский — одно и то же лицо, то какова его генеалогия и как она сочетается с общескандинавской генеалогической схемой?

Рорик принадлежал к династии ютландских правителей, связанных родственными узами с датскими и норвежскими династиями. Конунг Хемминг, о котором уже говорилось выше, имел потомство, в частности внучку от сына (Харальда) — Тиру (Тюррни), ставшую женой датского короля Горма Старого и матерью Харальда Синезубого (середина X в.). Горм, по преданию, принадлежал к одной из ветвей потомков Рагнара Лодброка (он был его правнуком через отца Кнута и деда Сигурда). С другой стороны, дочь Харальда Клака — тоже Тира — была женой конунга Сигурда, двоюродного брата Горма Старого по матери. Дочь Сигурда и Тиры — Рагнхильд — мать норвежского короля Харальда Прекрасноволосого, легенда о рождении которого была описана ранее. Одной из жен Харальда, матерью его сына Эрика Кровавая Секира, была также Рагнхильд, дочь ютландского конунга Хорика II, тоже, очевидно, родственника Рорика. Таким образом, родственные связи Рорика были обширными, и в их круг входили самые известные политические деятели Скандинавии конца IX — начала X в.[156]

Описываемое вероятное родство видно из следующей таблицы (для простоты здесь показаны не все представители ютландских династий, а лишь те из них, о которых говорилось выше):



Попытаемся рассмотреть восходящую родословную Рорика. Для этого необходимо привлечь данные скандинавских саг, которые служат основным источником при построении родословий конунгов. Хотя саги и нельзя рассматривать как исторический источник без должной критики, тем не менее некоторые мотивы в них в определенной степени достоверны. Особенно это относится к генеалогии – важному элементу жизни каждого героя. Родовое начало в сагах чрезвычайно значимо, что объясняется прежде всего пониманием исторического развития древними скандинавами. Для них история – результат деятельности конкретных личностей в конкретных обстоятельствах, поэтому саги и отличаются своеобразной реалистичностью, "заземленностью", как выразился А.Я. Гуревич[157]. В целом генеалогию древних скандинавов можно разделить на три пласта, как это сделал Г.С. Лебедев[158] на примере "Хеймскрингла" Снорри Стурлусона. Первая часть – мифическая генеалогия, нашедшая отражение в поэзии скальдов, отчасти в сагах "о древних временах", Эдде, в саге об Инглингах (перечень древних шведских правителей). Родословная начинается от Óдина (Рига) и других богов-асов как создателей социального устройства, первоправителей. Этот пласт оформился окончательно сравнительно поздно и непосредственно соприкасается с общегерманскими религиозными представлениями поздней римской эпохи. Эпическая часть (условно с середины I тысячелетия н. э.), несомненно, содержит имена вполне исторических лиц, связанных с переселениями, созданием племенных союзов, усобными войнами и т. д. Здесь можно выделить "гаутско-свейский" цикл (Беовульф), датский (о Хрольве Жердинке), цикл о поздних Инглингах. В целом этот период заканчивается к VIII в., уступая место генеалогии исторической, генеалогии эпохи викингов[159]. Особенно выделяются здесь конунги – объединители государств типа Харальда Прекрасноволосого в Норвегии. Исторический период продолжается и в XI–XIII вв. Итак, представив основные этапы скандинавской генеалогии, посмотрим, как в них "укладывается" родословная нашего героя.

По восходящей мужской линии Рорик, по всей видимости, принадлежал к древней датской династии Скьёль-

дунгов. Предок (вероятно, прадед) Рорика и отец Хальвдана — легендарный конунг данов Харальд Хильдитенн (Боезуб, Боевой Клык, Клык Битвы), уже будучи старым человеком, погиб в битве при Бравалле во время усобной войны со своим племянником, конунгом Уппсалы Сигурдом Кольцо (Сигурд Ринг). Историки, начиная с А.А. Куника и Г. Ховорта, относят это знаменательное в скандинавской истории событие примерно к 770—775 гг.[160] Родственные связи Харальда Боезуба установлены из известий Саги о Ньяле, Песни о Хюндле (в составе Старшей Эдды), "Деяний данов" Саксона Грамматика: Харальд был сыном Хрёрика Метательное Кольцо (Колец Расточитель) и Ауд Богатой, дочери Ивара Приобретателя (Многославного)[161]. Отметим, что весьма вероятно сам Рорик получил имя в честь своего выдающегося предка. И хотя впоследствии представители династии Рюриковичей мало пользовались этим именем, известны три русских князя, носивших его: Рюрик Ростиславич из первой династии галицких князей, Рюрик Ростиславич (в крещении Василий Михайлович) из потомства Мстислава Великого, черниговский князь Рюрик Ольгович. Имя употреблялось и среди представителей датской и норвежской династий конунгов IX—X вв., его можно найти в шведских рунических надписях XI в.[162] А.А. Молчанов отметил, что это имя Рюрик не только унаследовал от предка Хрёрика Метателя Колец, но оно передавалось в потомстве последнего по женской линии, поскольку у правнука Харальда Клака, Харальда Прекрасноволосого, были сын Хрёрик и внук (от сына Дага) — тоже Хрёрик, конунг в Хейдмёрке[163].

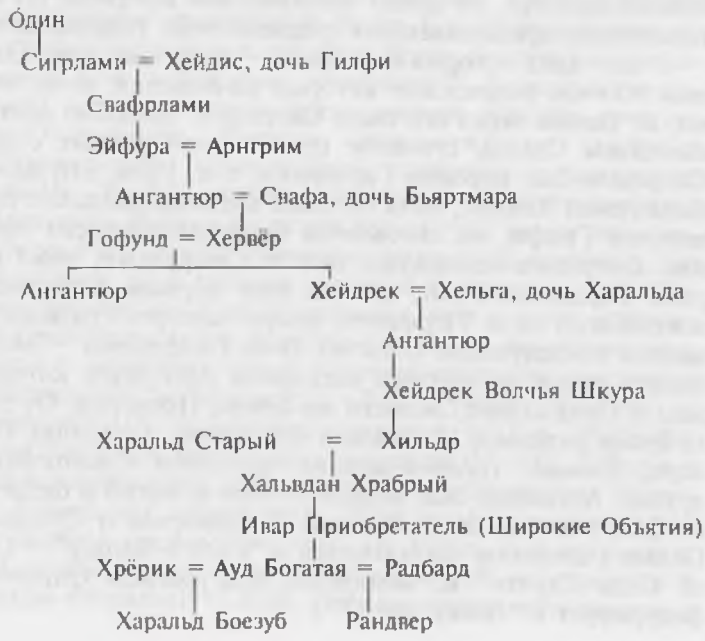
Скьёльдунгам была посвящена сага, записанная в конце XII в. и относящаяся к разряду королевских саг. К сожалению, сохранились только небольшой исландский фрагмент (так называемый фрагмент о древних конунгах) и латинское переложение саги Арнгрима Йонсона (1568—1648)[164]. В саге повествуется о происхождении Скьёльдунгов от одного из многочисленных сыновей верховного бога Одина, "отдавшего" ему Данию в управление, Скьёльда. Начальная генеалогия рода известна и из "Беовульфа" (правда, там Скильд Скевинг выступает в качестве бездомного ребенка, что объясняется особенностями жанра самой поэмы)[165], она относится при-

мерно к эпическому пласту скандинавской генеалогии (V–VI вв.). Среди потомков Скильда был Хрольв Жердинка, который, возможно, действительно являлся правителем данов, имел резиденцию в Лейре на севере Зеландии (близ современного Роскилле)[166], был родственником королей Свеаланда (Средняя Швеция) и погиб в усобной войне: Рорик и ютландские правители по другим линиям тоже вели свое происхождение от Одина.

Родословие матери Харальда Боезуба Ауд Богатой известно из "Саги о Хервёр", которая относится к "сагам о древних временах". Отечественные ученые мало занимались этим интересным литературным памятником: можно отметить работы И.В. Шаровольского (опубликовавшего перевод саги), в последнее время О. Прицака, Г.В. Глазыриной[167]. Древнейший список саги относится к концу XIII – началу XIV в. Само произведение повествует о древней скандинавской истории примерно V–VI вв., но в целом сага – сложный памятник, объединяющий различные легенды, бытовавшие в Северной Европе[168]. Генеалогическая информация саги, разумеется, носит чисто мифический характер, но имеет значение как источник по историческим представлениям средневековых скандинавов.

В саге дана история берсерков – свирепых и неуязвимых воинов, родословие которых начинается, естественно, от Одина через его сына Сигрлами. Подобно другим сыновьям Одина, ставшим правителями разных стран, Сигрлами был королем Гардарики, т. е. Руси. Его женой была некая Хейдис, дочь потомка древних шведских правителей Гилфи, их генеалогия будет рассмотрена позднее. Сигрлами наследовал сын – Свафрлами, тоже король Гардарики-Руси, он же был первым владельцем волшебного меча Тюрфинга, вокруг которого разворачиваются последующие события. Дочь Свафрлами – Эйфур вышла замуж за потомка великанов Аригрима, который жил в Галогаланде, области на севере Норвегии. От этого брака родились 12 сыновей-берсерков: Ангантюр, Гервард, Сэминг (родоначальник династии Сэмингов) и другие. Ангантюр был королем готов и погиб в битве на о. Самсэ в борьбе с героями Гьяльмаром и Орваром-Оддом (Ангантюр упоминается в "Саге о Хервёр", "Саге об Одде Стреле" и, возможно, под именем Онгентеов фигурирует в "Беовульфе"[169]).

Шаровольский высказал предположение, что здесь присутствует историческое припоминание о реальной битве готов с гуннами, описанной Иорданом, где действовал король Винитор[170]. Ангантюр женился на Свафе (или Тофе), дочери Бьяртмара, ярла Альдейгьюборга, т. е. Ладоги. Их дочь, Хервёр, которой и посвящена сага, вышла замуж за судью Гофунда и имела двух сыновей — Ангантюра и Хейдрика, убившего брата в усобной стычке. Хейдрик стал великим героем, королем Рейдготаланда (южная Швеция). Он был женат несколько раз: от Хельги, дочери короля Рейдготаланда Харальда, родился Ангантюр (уже третий), от дочери Гумли, короля Гуноланда (гуннов), родился Хлёдр, король гуннов, воевавший с братом Ангантюром, королем готов. Еще одной женой Хейдрика была некая Сифка из Финнланда (западная Финляндия). Наконец, от дочери короля Холмгарда (Новгорода) Роллауга родилась дочь Хервёр, которую убил брат Хлёдр. Сам Хейдрик тоже погиб от руки одного из своих рабов. Его сын Ангантюр и был предком Ивара и Ауд Богатой[171].



Это родословие, служащее цели связать знаменитого исторического конунга с легендарными героями, потомками богов и великанов, носит чисто мифический характер. Впрочем, какие-то исторические элементы, хотя и сильно искаженные, в нем присутствуют. Так, "Житие св. Виллиброрда" Алкуина свидетельствует о том, что этот англосаксонский миссионер посетил "дикий народ данов" где-то до 714 г., королем которых был некий Онгенд (вероятно, древнескандинавский Ангантюр). Центр владений Ангантюра находился, вероятно, в Рибе на западном побережье Ютландии[172]. Но безотносительно к возможным элементам исторической информации родословие Хервёр интересно тем, что в нем упоминаются и правители Руси, Новгорода, Ладоги. Это лишний раз показывает, что тесные контакты северорусских областей со Скандинавией оставили глубокий след в сознании людей и трансформировались в свидетельства легенд. Причем эти связи были устойчивыми и для скандинавов (как и для славян) весьма важными, что отразилось также в генеалогии, где очень почетным является родство сагических героев с новгородскими и ладожскими правителями. Даже сама Русь таким образом "включается" в систему мифологии, поскольку становится владением одного из сыновей Одина, от которого происходит династия "русских конунгов", заканчивающаяся Иваром, предком Рорика.

Более реальной представляется генеалогия Инглингов, которая может служить своеобразной схемой, благодаря которой четко выделяются упоминавшиеся ранее генеалогические пласты. Инглинги тоже имели отношение к роду Рорика, поскольку вторым браком Ауд была замужем за "королем Гардарики" Радбардом. Не исключено, что это имя может быть трансформацией славянского "Ратибор". Радбард происходил из рода Инглингов. Существуют две версии начальной генеалогии Инглингов. Одна изложена в "Саге об Инглингах" ("Хеймскрингла" Снорри Стурлусона)[173], другая — в "Младшей Эдде" того же Снорри и в "Пергамене с Плоского острова"[174]. Согласно первой родоначальником Инглингов был сын Одина — Ингви, правитель Швеции, от имени которого произошло название династии. Это имя носил и бог Фрейр, сын морского бога Ньёрда: "Имя Ингви долго

считалось в его роде почетным званием, и его родичи стали потом называться Инглингами"[175]. В любом случае, происходили ли Инглинг от Ингви (Ингона в "Саге о Скьёльдунгах"[176]), сына Одина, или от его внука Ингви Фрейра, своим родоначальником Инглинги почитали Одина. Другая легенда производит Инглингов от конунга Хальвдана Старого и его жены Альвиг (Альмвейг, Альфню) Мудрой, дочери Эймунда, конунга из Холмгарда (Новгорода). У них было восемь сыновей, один из которых – Ингви – стал основателем династии. Вторая легенда интересна тем, что здесь упоминается Холмгард как важный центр связей Скандинавии и Руси, существование которого отнесено к древнейшим, "доисторическим" временам. Из "Саги об Инглингах", относящейся к разряду "королевских саг", известна дальнейшая родословная династии[177]. Мифический ее период заканчивается временами Йорунда (середина V в.).

Хронологическая шкала для этой генеалогии предложена шведским археологом Б. Нерманом и приводится в изданиях "Хеймскрингла"[178]. Уже упоминавшийся Ингви Фрейр (Инге древних германцев, по Тациту[179]), сын Ньёрда и богини – покровительницы охоты – Скади, от брака с Герд имел сына Фьёльнира, также одного из асов (I в. н. э.?). Дальнейшая генеалогическая линия: Свейгдир, Ванланди, Висбур, Домальди, Домар. Последний был женат на сестре Дана Гордого Дротт и имел от нее сына Дюггви. Дан Гордый (мифический родоначальник данов) и его отец Данп, сын Одина, – аллитерированная пара, по условной хронологии Снорри относимая к IV в. По мнению Г.С. Лебедева, эти имена связаны с гидронимами Днепр и Дон и могли появиться после германо-сарматских контактов в Причерноморье примерно во II–IV вв.[180]

Следующие поколения: Дюггви, Даг, Агни (начало V в.), Альрек и Эйрик. Альрек имел сыновей Ингви и Альва (первая половина V в.). Сыновья Ингви – Йорунд и Эйрик – ознаменовали переход к эпическому пласту генеалогии. Потомки сына Йорунда – Ауна Старого (Ани) упомянуты в "Беовульфе"[181]. Сын Ауна – Эгиль, его смерть Нерман датировал до 516 г. Сын Эгиля Оттар (ум. ок. 525 г., по Нерману) может быть отождествлен с Оттере (Охтхере) в "Беовульфе"[182]. Известен и другой сын Эгиля Али ("Младшая Эдда")[183]. Он, по всей види-

мости, идентичен Онеле, убитому в сражении племянником Эадгильсом (Адильсом) и, вероятно, женатому на дочери Хальвдана, внука Скильда. Сын Оттара Адильс (ум. ок. 575 г.) соответствует Эадгильсу в "Беовульфе", победившему Онелу в усобной борьбе. Кроме того, у Эадгильса, по "Беовульфу", был брат Эанмунд (Эмунд?), убитый Онелой вместе с представителем гаутской (готской) династии Хардредом. Адильс женился на рабыне Ирсе, которую потом захватил конунг Хельги, и от этой связи родился Хрольв Жердинка, знаменитый датский герой ("Хеймскрингла"). Хельге в "Беовульфе" соответствует Хальга, сын Хальвдана, а Хрольву — Хродульф. У Адильса был сын Эйстейн (конец VI в.), а у Эйстейна — Ингвар. Последнее имя было в династии Инглингов особенно почитаемым, как бы родовым[184]. Оно было известно и среди представителей династии Рюрика, что, вероятно, может косвенно свидетельствовать о родственных связях между династией Рюрика и Инглингами в ранний период. От Ингвара династия разделилась на две ветви: старшая стала королями Норвегии. Сын Ингвара Энунд Дорога (прозвище говорит об освоении новых земель) умер, возможно, около 640 г., внук — Ингиальд — вскоре после 650 г. Сын Ингиальда Олав Лесоруб (тоже переселенческое движение) женился на некоей Сёльвейг, дочери Хальвдана Золотого Зуба. С этого времени начинается исторический пласт генеалогии.

Следующие поколения от Олава: Хальвдан Белая Кость, Эйстен Гром (конец VIII в.), Хальвдан Щедрый на Золото и Скупой на Еду (ум. в начале IX в.; конунг Вестфольда получил такое прозвище, так как "его люди получали столько золотых монет, сколько у других конунгов получают серебра, а жили впроголодь")[185], Гудрёд Великолепный (ум. в 821 г.). Последний от брака с Асой, дочерью Харальда Рыжебородого, оставил сына Хальвдана Чёрного. В погребении Асы была найдена ладья (так называемое судно из Усеберга), прекрасный классический образец кораблей эпохи викингов[186]. Сын Хальвдана Чёрного Харальд Прекрасноволосый (ум. ок. 940 г.) был объединителем Норвегии и оставил обширное потомство. Его правнуком был Олав Трюггвасон, живший некоторое время на Руси при Владимире, а праправнуком — король Олав Святой, отец Магнуса Доброго[187].

Другая ветвь Инглингов представляет собой генеалогию предков Ингигерд-Ирины, жены Ярослава Мудрого. Уже упоминавшийся Радбард был внуком Ингвара через Скиру, называемого тоже конунгом Холмгарда[188]. Родство Радбарда и Скьёльдунгов наиболее емко выражено в 28-й строфе "Песни о Хюндле" ("Старшая Эдда"):

Харальд Клык Битвы,
Хрёрика сын,
Колец Расточителя,
сыном был Ауд,
Ауд Премудрая –
Ивара дочь,
а Радбарда сын
Рандвером звался,
мужи эти – жертва,
Богам принесённая;
всё это – твой род,
неразумный Оттар![189]

От Рандвера произошла династия шведских королей. Его сын – Сигурд Кольцо, уже упоминавшийся победитель Харальда Боезуба в легендарной битве при Бравалле. Внук Рандвера Рагнар Лодброк (Кожаные Штаны), отец Бьёрна Железный Бок и Сигурда Змей в Глазу[190]. Известно несколько вариантов родословной потомков Бьёрна шведского (два – Ревил и Эрик или три – Эрик, Бьёрн и Эрик поколения до Энунда Эриксона, отца Эрика, объединителя шведского государства). У этой линии было родство и с саксами: сестра Сигурда Кольцо Гева была женой Видукинда Саксонского (ок. 777 г.). Энунд (одно время контролировавший Бирку) умер в середине IX в.[191], его сын Эрик – в начале 880-х гг., а сын Эрика Бьёрн – в 930-х гг.[192] Последний имел двух сыновей: Эрика Победоносного и Олава. Сыном Олава был Бьёрн Могучий (Стюрбьёрн), убитый в сражении с Эриком Кровавая Секира, сыном Харальда Прекрасноволосого (биографические данные о Стюрбьёрне содержатся в "Саге о Кнютлингах" и "Отдельной саге об Олаве Святом" Снорри Стурлусона[193]). Эрик Победоносный (ум. ок. 994–995 гг.) от брака с дочерью Скаглар-Тости Сигрид Сторрада (Гордой, Честолюбивой, Высокомерной), сыгравшей роковую роль в судьбе одного из князей Рю-

риковичей, имел сына Олафа Шётконунга (Грудного Конунга, ум. в 1021/1022 г.)[194]. Последний от брака с Эстрид, дочерью князя славян-ободритов, имел дочь Ингигерд, ставшую женой русского князя Ярослава Мудрого. Сестра Ингигерд, как явствует из "Исландских анналов", в 1019 г. вышла замуж за норвежского короля Олава Святого, потомка Харальда Прекрасноволосого, единоутробного брата конунга Харальда Сурового, ставшего впоследствии мужем дочери Ярослава Мудрого Елизаветы (Эллисиф в Скандинавии)[195]. Так причудливо переплелись династии Рюриковичей, норвежских Инглингов, шведских и датских правителей.

Скандинавские династии в исторической ретроспективе возводили себя к верховному богу Одину. Такая традиция наблюдалась повсеместно в древних обществах: античные династии правителей Греции считали себя потомками Зевса, римские императоры династии Юлиев-Клавдиев — Венеры, франкские короли — речного бога Меровея, императоры Японии — богини Аматэрасу, императоры Эфиопии — царицы Савской и т. д. В Европе это была историческая традиция языческих династий; с утверждением христианства языческие боги были заменены библейскими персонажами, и в позднее Средневековье в Европе распространились генеалогии от Адама. Некоторый "ренессанс" языческой традиции возник уже в раннее Новое время, но эти "легенды" были откровенно несерьезны, поверхностны и не затрагивали глубинных основ человеческих представлений. В раннее Средневековье, когда христианство на Севере Европы находилось в стадии первоначального утверждения, генеалогии от верховных божеств имели особый смысл. Таким образом не только обосновывались права на власть, но и осуществлялась непрерывность исторического развития.

Скандинавская мифология имеет свои истоки в начале новой эры. Один (= западногерманскому Вотану), предводитель асов, описан еще Тацитом, сопоставившим его с римским Меркурием (день Меркурия, среда — Woden's-day). Один — не только покровитель воинов и сражений, но и источник мудрости, магии, пророчеств, добытчик священного меда поэзии и рун[196]. Саксон Грамматик представляет Одина и других богов древней-

Один

Ингви

Ньорд, морской бог = Скади

Ингви Фрейр = Герд

Фьёльнир

Свейгдир=Вана

Ванланди

Висбур

Данп — Домальди

Дан Гордый — Дротг — Домар

Дюггви

Даг

Агни

Альрек

Ингви

Йорунд
Аун Старый

Эгиль

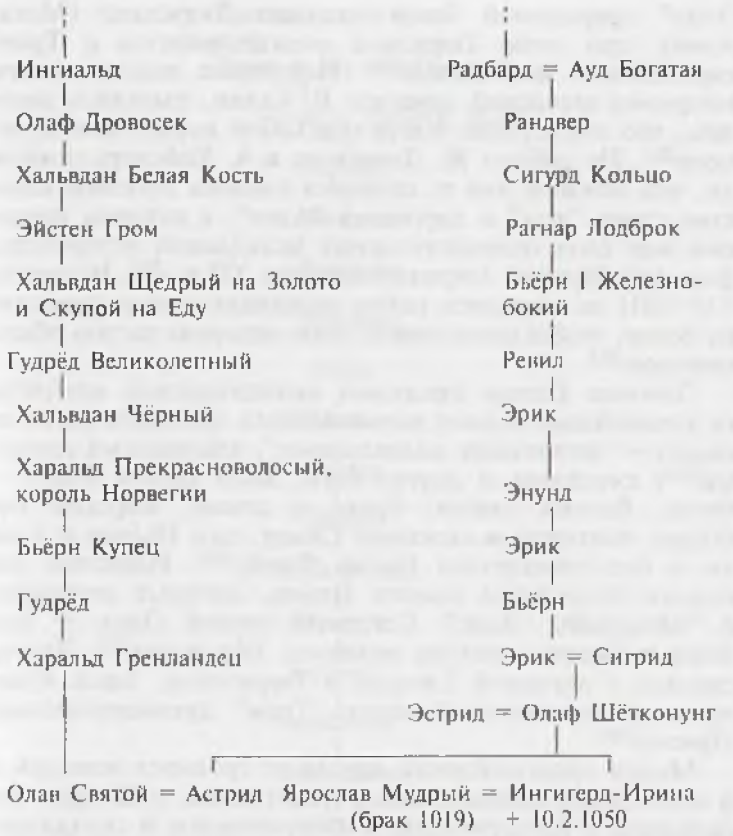
Оттар

Адильс = Ирса

Эйстен

Ингварь

Энунд Дорога — Скира



щими королями. Так они и воспринимались, когда язычество в Скандинавии ушло в прошлое[197]. В целом ряде произведений ("Младшая Эдда", "Хеймскрингла", "Сага о Скьёльдунгах") рассказывается о происхождении Одина и других асов из Азии (из Асгарда, главного города Асаланда, Один отправился через Гардарики-Русь в Саксланд-Саксонию)[198]. Укрепившись на севере Европы, он раздал земли своим сыновьям, а сам поселился в Одинсей на о. Фюн ("Святилище Одина", современный г. Оденсе). Умер в Свитьод (Средняя Швеция — Свеаланд, район оз. Меларен, место проживания свеев, одного из основных племен древней Швеции)[199]. "Младшая

Эдда" прародиной богов называет Тюркланд (Малая Азия), при этом Тюркланд отождествляется с Троей европейских источников[200]. Некоторые исследователи, например шведский археолог Б. Салин, пытались доказать, что эта легенда имела под собой историческую основу[201]. Но работы Ж. Дюмезиля и А. Хойслера показали, что основой для ее создания явилось звуковое сходство слова "асы" и хоронима "Азия", а автором предания мог быть основоположник исландской историографии Ари Мудрый (первая половина XII в.)[202]. Историки XII–XIII вв. пытались найти доскандинавскую прародину богов, чтобы представить свою историю частью общемировой[203].

Помимо Одина предками скандинавских конунгов (в древнейший период называвшихся дроттами (дроттинами) – "хозяинами, владельцами", языческими жрецами[204]) считались и другие боги: жена Одина Фригг – Фрия, богиня любви, брака и семьи, морской бог Ньёрд, охотница и лыжница Скади, сын Ньёрда и Скади и бог плодородия Ингви Фрейр[205]. Известны две версии генеалогии самого Одина, которые изложены в "Младшей Эдде". Согласно первой Один – сын Бора и Бестлы, дочери великана Бёльторна[206]. Другая связана с легендой Снорри о Тюркланде. Здесь Один является потомком "конунга Трои" древнегреческого Приама[207].

Мотив происхождения народа от троянцев известен и в английских средневековых памятниках, а Снорри использовал в качестве одного из источников и скандинавскую "Сагу о троянцах". Восходящая генеалогия Одина весьма примечательна: Один – Фридлав (Фридлейв) – Финн – Гудольв – Ят – Бьяв (Бьяр) – Скьяльдун (Скьёльд) – Херемод – Итрманн – Атри (Анан) – Бедвиг – Сескев – Маги – Моди – Вингенер – Вингетор – Эйнриди – Лориди – Трор (Тор) и его жена Сибилла (Сив) – Троан и ее муж Мунон (Меннон) – Приам. Эта генеалогия представляет собой причудливую смесь персонажей античной, скандинавской и древнеанглийской мифологий.

Приам, конунг Трои

Троан = Мунон (Меннон)

Трор = Сибилла (Сив)

Лориди

Эйнриди

Вингетор

Вингенер

Моди

Маги

Сескев

Бедвиг

Атри (Анан)

Итрманн

Херемод

Скьяльдун

Бьяв (Бьяр)

Ят

Гудольв

Финн

Фридлав

Один

Античный пласт представлен именами Приама, его дочери Троан (обязана своим "возникновением" ойкониму Троя), Мунона – Мемнона (царя Эфиопии, сына богини Эос и брата Приама Тифона), который был союзником троянцев в войне и погиб на поле брани[208].

Скандинавский пласт: Трор, т. е. бог грома Тор, его жена Сив, вероятно, символ плодородия, Лориди – Хлориди, Эйнриди – Эйндриди, Вингетор – Вингтор, Вингенер – Вингер – четыре эпитета Тора, Моди (букв. "смелый") и Маги (Магни, букв. "сильный") – сыновья Тора[209].

Херемод (букв. "воинственный дух") – персонаж "Беовульфа", сын некоего датского короля Эггвела, великий герой, но деспот и скряга. Его династия якобы предшествовала Скьёльдунгам. Гибель Херемода привела к безначалию, спасением от которого стал приход Скильда Скевинга (Скьёльда). Он под именем Скьяльдун представляет следующее поколение в генеалогии у Снорри[210].

Остальные имена, как писал М.И. Стеблин-Каменский, взяты "из какого-то древнеанглийского источника"[211]. Этот источник – "Жизнь короля Альфреда", написанная его приближенным, впоследствии епископом г. Шерборна Ассером в 893 г. Вероятно, Снорри было знакомо это произведение. Здесь родословная Одина, к которому возводил свой род и Альфред, такова: Один (Воден) – Фритхвальд – Фреалаф – Фритхвульф – Финн – Годвульф – Геат – Тэтва – Бьяв – Скелдве – Херемод – Итрмон – Хафра – Хвала – Бедвиг – Сеф – Наох – Ламех – Метхуселах – Енох – Малалиил – Канаан – Енос – Сеф – Адам[212]. Начало библейское и взято из книги "Бытие": Адам – Сиф – Енос – Каинан – Малелеил – (Иаред, пропущен) – Енох – Мафусаил – Ламех – Ной – Сим[213]. Как христианский государь, Альфред должен был возводить свой род к Аламу. Ряд дальнейших имен у Ассера и Снорри совпадают: Бедвиг, Хатхра (Атри), Итрмон (Итрманн), Херемод, Скелдве (Скьёльд), Бьяв, Геат (Ят), Годвульф (Гудольв), Финн. Херемод, Скьёльд и, возможно, Финн были взяты Ассером из "Беовульфа". Остальные три поколения до Одина, приведенные Ассером, трансформировались у Снорри во Фридлейва. Два имени – Хвала и Тэтва – не имеют у Снорри аналогий[214].

Итак, мы видим, как дополнялись и взаимно обогащались различные источники. Ассер и Снорри пользовались "Беовульфом". Снорри, очевидно, взял генеалогию Альфреда за основу, но решил добавить не библейское, а

античное мифологическое начало, так как преследовал цель показать преемственность античной и скандинавской языческих традиций. При этом он воспользовался поэтическими эпитетами семейства Тора, одного из наиболее почитаемых богов, и "оскандинавил" династическую линию. Начало мировой истории от Адама (согласно Библии) для Снорри было равновременно (число поколений обеих генеалогий совпадает) и, быть может, равнозначно началу мировой истории от Троянской войны, каковым оно представлялось в скандинавской книжной традиции Средневековья.

Еще одна родословная линия имеет отношение к генеалогии Рорика. Это династия мифических правителей древнейшего периода скандинавской истории. Сведения о ней помещены в "Саге об оркнейцах", в "Пергамене с Плоского острова" (прядь "Как заселялась Норвегия") и нашли отражение в "Саге об Инглингах" (первая часть "Хеймскрингла" Снорри)[215]. Взаимосоотнесение этих источников в данной части далеко не ясно. "Сага об орнейских ярлах" относится к разряду королевских, ее старшая редакция датируется концом XII в., до нас дошел переработанный вариант около 1230 г. По мнению Т.Н. Джаксон, автор саги "был связан с интеллектуальным центром в Олди на юге Исландии"[216]. Снорри, судя по всему, знал и использовал старшую редакцию памятника.

Издатель саги Финнбоги Гудмундсон предположил обратное заимствование: Снорри сам придумал и имена правителей в "Хеймскрингла", и "доисторическое" введение саги об оркнейцах[217]. Однако эта точка зрения не является бесспорной. В "Саге об оркнейцах" рассказывается, как некий конунг Форньётр, правивший Финнландом и Квенландом, основал династию, названную автором "финнами". Правда, под финнами в скандинавских средневековых памятниках подразумевались не только финны, но и лопари. Квенланд — прибрежная полоса северной оконечности Ботнического залива (современная финская провинция Остерботния и, вероятно, прилегающий к ней район Северной Швеции)[218]. Потомки Форньётра — "финны", но носят имена скандинавского происхождения. Три сына Форньётра: Хлёр или Эгир (последнее имя переводится как "море" или "океан"), Логи

("огонь, пламя"), Кари (в скандинавской поэзии – "ветер"), сын Кари – Фрости (frost – "мороз", frosta – "морозить"[219]), упомянутый и Снорри (конунг Агни из Инглингов совершил поход в Финнланд и убил правителя Фрости, а потом и сам пал от руки его сына Скьяльва). Последние два имени упоминаются в "Перечне Инглингов" скальда Тьодольва Мудрого из Хвинира[220]. Отрывок из сочинения Тьодольва приведен Снорри в доказательство правильности своих слов. Очевидно, Снорри использовал имя "Саги об оркнейцах" и "придумал" убийце Агни отца. Впрочем, по мнению Джаксон, возможно и неверное понимание текста Тьодольва, неправильно переданное Снорри, в результате чего персонажи, не имеющие друг к другу никакого отношения, оказались в "родстве" между собой[221]. Механическое перенесение Снорри имени из саги в свой текст ясно видно и из того, что имя сына Фрости Скьяльв происходит от глагола "дрожать, трястись" (от холода), т. е. смысловой ряд был продолжен.

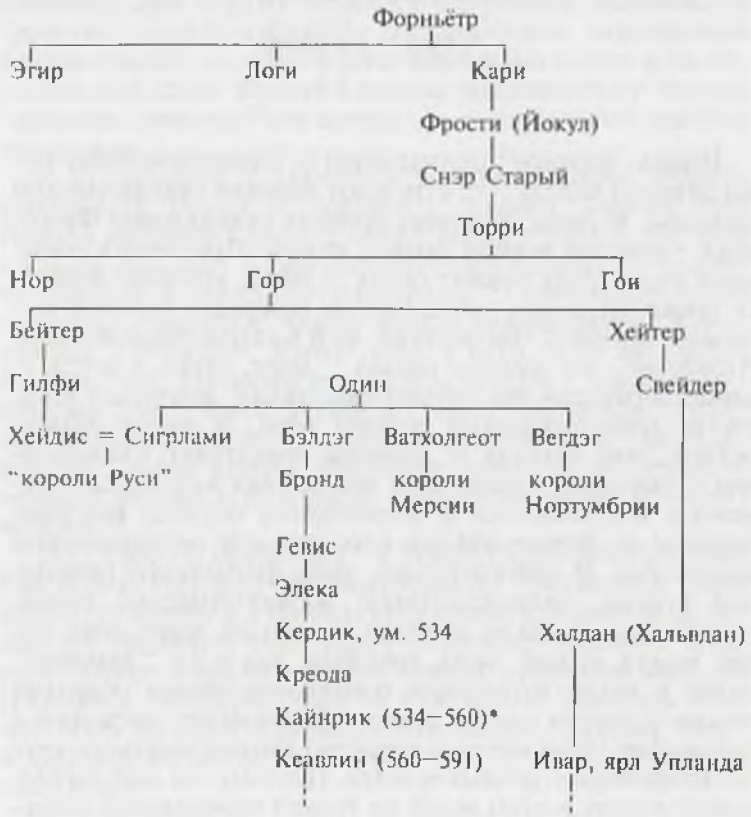
В "Пергамене с Плоского острова" вместо Фрости фигурирует Йокул ("сосулька"). Сыном Фрости или Йокула является Сньяр (Снэр) Старый ("снег"). По саге у Снэра был сын Торри (обозначение четвертого зимнего месяца). Согласно "Пергамену...", памятнику более позднему, чем сага, Торри владел Финнландом, Квенландом, Готландом. Кроме того, у него были два брата: Фённ ("снег, снежный сугроб") и Мьёлль ("свежий, пушистый снег") и сестра Дрива ("снегопад, дождь со снегом"). Сньяр и его дочь Дрива упомянуты в "Хеймскрингла": здесь конунг Ванланди женится на Дриве и умирает во сне в результате колдовства жены, брошенной им[222].

По "Саге об оркнейцах" у Торри были сыновья Нор, Гор и дочь Гои. Гор путешествовал по Эйстрасальт (Балтийскому морю) и в Дании, Нор воевал с лопарями и дошел до Норвегии (имя героя объясняет название страны). Внуком Гора был король Гилфи, правитель Швеции (Гюльви в "Младшей Эдде" у Снорри[223]). Его дочь Хейлис была женой Сигрлами, сына Одина, "короля Руси" и основателя династии Хервёр–Ауд, о которой говорилось выше.

Форньётр
|
Кари
|
Фрости
|
Снэр Старый
|
Торри
|
Гор
|
Бейтер
|
Гилфи, король Швеции
|
Хейдис = Сигрлами

Имена "финнов" принадлежат к "семантическому полю зимнего холода"[224], отражают явления скандинавской природы. В представлениях древних скандинавов Финнланд — царство вечной зимы и холода. Противопоставлением этому ряду служит огонь — Логи, который является также основным компонентом природно-бытовой системы "зимнего" Финнланда, да и Скандинавии вообще. Интересно, что именно триада — море, огонь и ветер, — олицетворяющая три природные стихии, выступает в качестве генеалогической основы рода. В целом можно сказать, что легенда о древних правителях Скандинавии — выражение комплекса важнейших жизненных элементов, относящегося к древнейшему периоду истории, периоду до формирования классической скандинавской мифологии. И действительно, здесь фигурируют природные стихии, непосредственно воспринимаемые сознанием без каких бы то ни было наслоений: море, снег, ветер, мороз, сугроб, зима, снегопад, лед и др. "Зимнему" циклу в какой-то степени противопоставлена огненная стихия — другой полюс, другое направление, связанное с человеком. Органическое единство стихий замыкает круг представлений о реальном мире. Поэтому, на мой взгляд, можно видеть в этом мифе не только компоненты реаль-

ного бытия человека в природе, но и древнейший пласт мифологических представлений североевропейских народов. И не случайно эта генеалогическая линия смыкается с родом Одина. Такое соединение символизирует единство двух начал, двух культов: древнейшего — природного, отражающего взаимодействие огня и льда, тепла и холода, человека и стихии, и "культурного", исторического, эпохи перехода к началам цивилизации, времени сложения скандинавской мифологической системы, оформление которой заняло почти все первое тысячелетие новой эры. Так через генеалогию воплощаются важнейшие мировоззренческие установки древних народов, их философия и культура.



Короли Уэссекса и Англии

Катхвин (Кудвинс)

Катхвулф (Кудвульф)

Остен (Эйстен)

Глумра

Кеолвальд

Кенред

ярл Рёгнвальд

Ингильд

Эоппа

Эаффа

Роллон (Роберт I), 846–931, гр. Нормандии с 912

Эалхмунд

Этберт, + 839

Этельвульф, + 13.1.858

Вильгельм I, + 17.12.942

Альфред Великий 849–28.10.901

Эдуард I, 869–VIII 924

Ричард I,932–20.11.996, гц. с 942

Эдмунд I, + 25.5.946

Ричард II ум. 28.8.1026

Эадвинг

Роберт, ум. 22.7.1035

Эдгар, 944–8.7.975

Вильгельм I Завоеватель

Этельред II, 968–23.4.1016 = 1002 Эмма = VII 1017 Кнут Датский (1016–1035)* + 6.3.1052

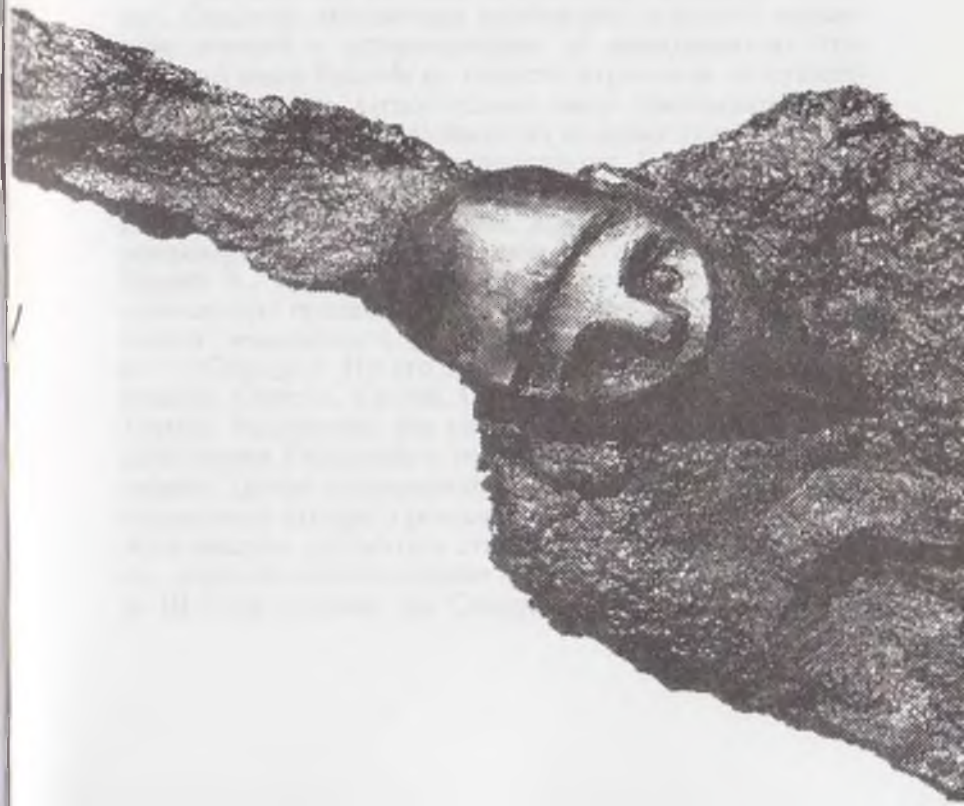
Эдуард III Исповедник, + 5.1.1066 король с 1042

Хартакнут (1040–1042)

* Даты в скобках — годы правления, без скобок — жизни.

В заключение хочется отметить, что в некоторых европейских генеалогиях Средневековья и Нового времени установилась традиция именно от этой мифической династии производить род герцогов Нормандии, правителей государства, основанного викингами, династию, которая впоследствии заняла королевский престол в Англии[225]. Родством с Нормандской династией была связана и династия англосаксонских королей — правителей Уэссекса, производивших себя все от того же Одина[226].

Итак, рассмотрев основные линии древнескандинавской генеалогии, мы видим, как связаны родством династии правителей Швеции, Дании, Норвегии и Руси. Если принять версию о тождестве Рюрика и Рорика, то выстраивается любопытная восходящая родословная его предков; если же ее отвергнуть, то все равно перед нами предстает восходящая родословная Рюриковичей через Ингигерд, поскольку все потомки Рюрика, за исключением пресекшейся ветви полоцких князей и легендарных Редегичей (Сорокоумовы-Глебовы, Лопухины, Ушаковы и др.), являются потомками Ярослава Мудрого и шведской принцессы. Таким образом, генеалогические ветви родословного древа соединились и круг замкнулся: династия русских князей оказалась не оторванной, безродной линией, а частью большого древа генеалогии Северной Европы.



Глава 2

ДИНАСТИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ В ДОХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД

Князья второй половины IX в.

В "легенде о призвании" наряду с Рюриком упомянуты два его брата – Синеус и Трувор. В 862 г. они получили во владение Белоозеро и Изборск, а через два года умерли, оставив свои владения Рюрику[1]. Скудость летописных сообщений породила множество мнений в историографии: от всевозможных этимологий имен братьев до полного отрицания их существования вообще. Относительно имен предлагались различные гипотезы, важнейшие из которых три (исключая неаргументированное предположение Г. Эверса о том, что эти имена турецкие[2]). Скандинавская этимология отражена в работах В. Томсена, Е.А. Рыдзевской, Х. Ловмяньского, Е.А. Мельниковой и других. Синеус – Signjótr A., Трувор – Þorvarr (или Þorvarðr)[3]. Славянскую этимологию предложил С.А. Гедеонов[4] (этому способствовала возможность и народной этимологии: "синий ус" – Сине-ус). По его мнению, Синеус – западнославянское Синеуш, Синуш, Синослав; Трувор – славянское Трубор. Разумеется, это предположение вытекало из общей теории Гедеонова о тождестве варягов и балтийских славян. Третье направление связано с прочтением имен, в результате которого реальность братьев отрицается. При этом важным аргументом становится "троичность" братьев, слишком напоминающая мифическую традицию. Еще А. Шлёцер отмечал, что Синеус и Трувор могли быть не

действительными братьями Рюрика, а только названными, являясь его родственниками или военачальниками[5]. Ф. Крузе также писал, что слово "братья" не следует понимать буквально[6]. Н.А. Полевой подчеркивал, что тройство братьев "явно походит на миф"[7]. Отсюда и родилась идея по-новому интерпретировать имена. Начиная с Г. Байера, в историографии утвердилось мнение, что в "легенде о призвании" сохранилась "варяжская" лексика и Рюрик прибыл на Русь с верной дружиной (тру-вор) и своим родом (сине-хус)[8]. А. Куник писал, что имя Трувор — прилагательное thruwar, что означает "верный"[9]. Н.Т. Беляев считал имя Синеус тоже прилагательным signjotr — "победоносный"[10]. Эту трактовку полностью поддерживал Г.В. Вернадский[11]. О. Прицак объяснил Трувор как "преданный, верный воин", а имя Синеус произвел от слова "снег"[12]. Широкую известность в советской историографии гипотеза Байера получила благодаря поддержке Б.А. Рыбакова, который признавал, что летописец мог пользоваться каким-то устным источником скандинавского происхождения, но плохо знал шведский язык и не разобрался в именах[13]. Мнение Рыбакова поддержали многие историки, например П.П. Толочко[14]. Н.Н. Гринёв даже допустил, что летописец мог использовать некий текст, написанный старшеруническим алфавитом[15]. Однако эта широко распространившаяся гипотеза, вошедшая даже в школьные учебники истории, лингвистически крайне сомнительна. Сам текст легенды не несет никаких следов, позволивших предположить его переводной характер, а "возведение имен Синеус и Трувор к упомянутым фразам фонетически невозможно"[16].

Существует также предположение, что братья являлись местными князьями, не имевшими отношения к Рюрику. Так, А.А. Шахматов указывал, что в одном из летописцев XVI в. содержится известие, что Синеус "сидел у нас на Кистеме", где и умер. В Радзивилловской летописи говорится, что Синеус "сидеть у нас" на Белоозере (отсюда Шахматов сделал вывод, что словосочетание могло превратиться в имя, что в целом маловероятно). М. Стрыйковский писал, что Синеус строил замок и город на Белоозере[17], а в самом Белоозере долго показывали курган — "могилу" Синеуса[18]. К сожалению, выяс-

нить по археологическим раскопкам, что же находилось в кургане, не представилось возможным, так как в конце прошлого века "Синеусова могила" была разрушена и погибла. Теперь Белоозеро представляет собой селение Крохино на р. Шексне[19]. Учитывая подобные местные предания, Д.С. Лихачёв пришел к выводу, что братья Рюрика были местными князьями[20]. Это мнение было поддержано и Х. Ловмяньским[21].

Подробно проанализировал "фольклорный" мотив троичности братьев В.Я. Петрухин[22], сопоставив его с известиями саг, Хроники Титмара Мерзебургского, сведениями арабских источников, летописной традицией и т. д. Петрухин показал, что «правление трех князей было некоей "парадигмой" древнерусского престолонаследия»[23]. "Фольклорный" мотив был соотнесен летописцем с историческими реалиями (братья княжили в реальных городах) и в определенной степени служил идее братства князей, которая настойчиво утверждалась летописцем. По мнению Е.А. Мельниковой, перед нами очередное воплощение популярного мотива о двух или трех братьях, основателях государства. Смерть братьев, кроме основателя династии, типична для такого рода легенд (в саксонском предании Хорса умирает бездетным). Поэтому, если Синеус и Трувор существовали, они могли стать братьями Рюрика лишь в последующей эпической традиции[24].

Итак, какие выводы позволяют сделать летописное известие и его многочисленные интерпретации? Исходя из данных лингвистики, следует признать, что по крайней мере имя одного из братьев Рюрика могло иметь скандинавское происхождение. Думается, догадки относительно "нереальности", "не-существования" Синеуса и Трувора не являются достаточно обоснованными. Во всех летописях, начиная с "Повести временных лет", совершенно четко говорится о том, что Синеус и Трувор были братьями Рюрика, что подтверждается конкретными деталями их биографий: где братья княжили, когда умерли. Таким образом, кажется уже сомнительной сама интерпретация имен братьев как неправильно переведенных скандинавских словосочетаний, тем более что эти имена зафиксированы и местными легендами. Кроме того, в распоряжении историков пока нет скандинавского

источника, в котором бы содержался вариант "легенды о призвании". Попытки перевести имена братьев в какие-то слова и сочетания в принципе естественны и возможны. Но тогда мы имеем дело с буквальными переводами личных имен, не ставящими под сомнение существование их носителей (ср., например, бытование в эпоху русского Средневековья личного имени Дружина). Безусловно, триада братьев-правителей – весьма распространенный сюжет (три брата-князя прибывают от норманнов в Ирландию, два брата на трех кораблях – к бриттам, по Видукинду Корвейскому, и др.), но на основании совпадения отдельных элементов повествования нельзя отрицать возможную историческую основу русской легенды. Наконец, нельзя не упомянуть и о сообщении М. Стрыйковского о смерти Трувора в Пскове[25]. По Стрыйковскому, Синеус умер бездетным, но о Труворе этого не сказано, что дает возможность предположить существование у Трувора потомства. Во всяком случае, это не выглядит невероятным. Совершенно ясно, что род Рюрика в конце IX – начале XI в. был разветвлен и достаточно многочислен (о чем свидетельствует упоминание многочисленных князей в договоре Игоря с греками 944 г.), может быть, и потомки братьев Рюрика были в числе его представителей.

О жене Рюрика ничего не известно. В.Н. Татищев, ссылаясь на Иоакимовскую летопись, упоминает ее имя: Эфанда (Ефанда, Енвинда и др.)[26]. Он также сообщает и о некоей Адвинде, жене древнего славянского князя Вандала, происшедшей "от варяг"[27]. Иногда исследователи делали робкие попытки проследить этимологию этих имен. Так, Н.Т. Беляев предложил прочтение имени как Alfvind, а Г.С. Лебедев обратил внимание на существование в новгородском ономастиконе имени посадника Отвине, созвучного Адвинде[28]. Однако лингвистически такое сопоставление осталось необоснованным. Источник татищевских известий неясен, а в ранних памятниках и летописях подобных сведений не содержится[29].

Никоновская летопись под 864 г. сообщает о мятеже в Новгороде под руководством некоего Вадима Храброго, который после подавления беспорядков был казнен. Вадим упомянут и в Степенной книге[30]. В.Н. Татищев

связал известие о Вадиме с сообщением о бегстве неких новгородских "мужей" от Рюрика в Киев (Никоновская летопись под 867 г.) и отнес оба события к 869 г.[31] Пытаясь понять причины мятежа, Татищев решил, что Вадим был законным наследником новгородского стола, представителем славянской династии, и допустил, что мятежник был сыном старшей дочери Гостомысла (а Рюрик — сыном соответственно средней)[32]. В XVIII в. это предположение развил Т. Мальгин, который не только причислил Вадима к роду Гостомысла, но и показал его сыном младшей дочери последнего (потомком старшей дочери "стала" княгиня Ольга)[33]. С возникновением идеи о тождестве Рюриков тема Вадима обрела новое звучание. Г.С. Лебедев предположил, что во время отсутствия Рюрика в Новгороде в 870-х гг. произошел мятеж местной знати, что и стало причиной женитьбы Рюрика на Ефанде, одной из представительниц местного рода[34]. Однако на основании ненадежных известий Никоновской летописи и Степенной книги такие предположения кажутся слишком смелыми. Имя Вадим, по всей видимости, произошло от глагола "вадить", т. е. обвинять, клеветать[35]. Таким образом, вполне возможно, это и не личное имя, а просто обозначение храброго возмутителя спокойствия (вадима храброго). Тем не менее, согласно данным Татищева, Вадим был князем. Ряд историков полагали, что Вадим был реальной личностью и возглавлял сопротивление новгородских "мужей", а И.Я. Фроянов увидел в нем местного словенского князя, убитого узурпатором Рюриком[36].

Во времена Рюрика действуют еще два князя — Аскольд и Дир, упомянутые в "Повести временных лет" первый раз под 862 г.: "И бяста у него два мужа, не племени его, но боярина", т. е. не родственники Рюрика, а его приближенные. В 866 г. князья совершают неудачный поход на Константинополь, а затем погибают от руки Олега в 882 г.[37] В других летописях Аскольд и Дир даже и не "бояре" Рюрика: в Львовской ("ни княжеска ни же боярска роду"), Воскресенской ("не племени его, ни боярина"), Устюжском летописном своде ("и не даст им Рюрик ни града ни села")[38]. Может быть, эта поздняя интерпретация возникла вследствие ошибки переписчика-летописца ("но боярина" стало "ни боярина").

Судя по всему, Аскольд и Дир были предводителями отдельных варяжских отрядов, продвигавшихся по русским территориям и даже оседавших в разных городах (ср. упомянутых в "Повести временных лет" Рогволода в Полоцке и Туры в Турове)[39]. Вероятно, целью Аскольда и Дира, двигавшихся по "пути из варяг в греки", был Константинополь ("Миклагард"). В поздней Никоновской летописи содержится ряд известий, дополняющих историю правления Аскольда и Дира в Киеве: 864 г. – сын Аскольда убит болгарами, 865 г. – война князей с полочанами, 867 г. (после Константинопольского похода) – "плач и глад великий" в Киеве, война князей с печенегами, бегство "мужей" из Новгорода в Киев[40]. Татищев, ссылаясь на Иоакимовскую летопись, выдвинул гипотезу о "призвании" Аскольда и Дира киевлянами, просившими у Рюрика "сына или ина князя княжити"[41]. Судя по всему, такое известие возникло по аналогии с призванием самого Рюрика.

Большинство историков писали об Аскольде и Дире, опираясь на информацию "Повести временных лет"[42]. Н.С. Арцыбашев предложил происхождение имени Аскольд от шведского Oskuld, что значит "не родня" (этим достигается соответствие летописному тексту)[43]. К.Н. Бестужев-Рюмин отмечал, что легенда об Аскольде и Дире "объясняется желанием составителя летописи оправдать притязания севера на власть над югом, связать север с югом с самого начала и придать законность занятию Киева Олегом"[44]. По мнению историка, летописец знал об Аскольде и Дире только по византийским преданиям, что, впрочем, не ставит под сомнение существование князей. Этимология Арцыбашева не выдержала испытания временем, и к концу прошлого века сложилась иная скандинавская этимология имен: Аскольд – Hǫskuldr, Дир – Dyrr[45].

С XVIII в. в историографии появилась тенденция считать реальным только одного Аскольда, а имя Дира объяснять каким-либо образом. Вслед за шведским историком Олафом Далиным Г. Байер и Г. Миллер предположили, что имя Дир – нарицательное и обозначает некое достоинство, наподобие титула[46]. Татищев считал, что Дир – сарматское слово "тирар", в переводе "пасынок", т. е. Аскольд был на самом деле пасынком Рюрика (сы-

ном Эфанды от первого брака)[47]. Такую трактовку поддержал и А. Шлёцер[48].

В дальнейшем имена обоих князей были окончательно "оторваны" друг от друга[49]. При этом выдвигалось несколько аргументов. Д.С. Лихачёв писал, что "соправительство необычно для Руси"[50]. Однако в Скандинавии было возможно "общее совладение... нескольких конунгов сразу, находящихся в одинаковой степени родства с родоначальником"[51]. Согласно ПВЛ Аскольд и Дир были похоронены в разных местах, и летописное выражение "а Дирова могила за святою Ориною", по мнению В.А. Пархоменко, якобы "стоит вне связи с прочим текстом"[52]. Наконец, очень важно известие арабского энциклопедиста ал-Мас'уди (X в.: "Мурудж ад-Дзахаб" – "Промывальни золота"): "Первый из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны, мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами"[53]. Мас'уди писал в середине X в., но, вероятно, пользовался трудами арабских авторов середины IX в., поэтому приведенные сведения относятся к IX в.[54] Определенный артикль "ал-" в имени правителя ясно указывает на реальность и конкретность личности.

Сообщение Мас'уди дало возможность разделить личности Аскольда и Дира, и многие историки писали, что князья не были современниками[55]. Были и исследователи, которые с осторожностью отнеслись к данному известию. О неопределенности сведений Мас'уди писали М.И. Артамонов, Г.С. Лебедев[56]. О.М. Рапов отмечал, что «...из этого отрывка невозможно установить, ни каким временем следует датировать княжение Дира, ни что это было за княжество, которым управлял Дир, был ли этот князь христианином, а также имеет ли он какое отношение к Диру, упомянутому в "Повести временных лет"»[57]. Хотя в принципе Рапов поддержал мнение о разновременности двух князей, опираясь на татищевские известия, где упоминается только Аскольд, и на рассказ о крещении русов в биографии Василия Македонянина ("Хронография" Продолжателя Феофана), где тоже упомянут только один князь (без имени)[58]. А.П. Новосельцев обратил внимание на продолжение пассажа Мас'уди: "Вслед за ним (т. е. Диром) следует царь ал-Олванг

(?, так примерно Новосельцев прочел это имя), у которого много владений, обширная страна, большое войско и обильное военное снаряжение". Имя второго князя, вероятно, означает Олега, т. е. в источнике идет речь о двух русских княжествах накануне их столкновения: южном (Дира) и северном (Олега)[59]. Таким образом, в целом известие Мас'уди не противоречит сведениям ПВЛ.

Существует также гипотеза о славянском происхождении одного или даже обоих князей. Эта версия опирается на сообщение польского хрониста Яна Длугоша (ум. в 1480 г.): "После смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям: Оскалду, очевидно, и Диру..."[60] В свое время А. Шлёцер назвал этот пассаж "недоразумением"[61]. А А.А. Шахматов, опираясь на Длугоша, не только считал их потомками Кия, но и при реконструкции "Начального свода" к летописному сообщению об основании Киева возвел фразу: "и по сих братьи держати почаша род их княженье в Полях", т. е. в земле полян[62]. В одну славянскую династию соединил Кия, Олега, Бравлина, Аскольда и Дира М.С. Грушевский[63]. Происхождение Аскольда и Дира от Кия отстаивали М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков и другие[64]. Рыбаков писал о "державе" Кия с начала VI в., "прегордом кагане северных скифов" Аскольде и о славянском происхождении имени этого князя (Аскольд — Осколд — гидроним Оскол — геродотовы сколоты). Мнение Рыбакова было поддержано в историографии[65]. Более осторожно высказался А.Н. Сахаров, отметивший, что Кий (или его прототип, поскольку вопрос о реальности Кия не решен) в VI или начале VII в. ходил к Константинополю с мирными намерениями (если бы войной, тогда использовался бы предлог "на")[66], т. е. с некоей дипломатической миссией. Конечно, ничего невероятного в посещении столицы империи каким-нибудь славянским вождем нет.

Но фраза Длугоша (к тому же вырванная из общего контекста его труда) не дает оснований для далеко идущих выводов. Во-первых, она носит неопределенный характер: "очевидно", "наследование перешло"; каким образом это произошло, Длугош не уточняет. Из отрывка лишь следует, что на земле, где когда-то правили Кий с

братьями, потом княжили Аскольд и Дир. (Кстати, в польском переводе Длугоша связь Аскольда и Дира с Киевом вообще эфемерна: "пока не пришла власть двух братьев"[67].) Во-вторых, доверие польскому хронисту XV в. большее, чем русским летописям значительно раннего времени, сомнительно с источниковедческой точки зрения. Тем более что известия Длугоша о древнерусских событиях (например, в описании усобицы 1015—1019 гг.) зачастую не всегда точны. В-третьих, что особенно важно, сведения Длугоша непосредственно связаны с его концепцией происхождения русского народа от поляков. Длугош обосновывал претензии Польши на древнерусские, в том числе и Киевские, земли. Сопоставив этнонимы "поляки" и "поляне" (которые в действительности имеют схожую этимологию, но не связаны между собой), хронист пришел к заключению, что поляки были этнической основой русских, а сам легендарный Кий — поляком. Поскольку Аскольд и Дир были его потомками, то Киевом управляла изначально польская династия[68].

Основатели Киева — личности легендарные, хотя, быть может, и имевшие реальных прототипов. Автор ПВЛ, писавший в начале XII в., приводит две версии, кем был Кий — князем или перевозчиком на Днепре (в других источниках — охотником). В историографии уже давно отмечались и легендарный характер триады братьев, и связь их имен с топонимами, обращалось внимание также на функции Кия-перевозчика, имеющие мифологические корни[69]. В этом случае Кий как бы выступает связующим звеном между двумя мирами: жизнью и смертью. Впоследствии сакральный предок племени в общественном сознании мог превратиться в первого князя. Предпринимались попытки проследить этимологию имен братьев[70]. Известно сопоставление киевской легенды с армянской об основании Куара[71]. Генезис легендарных образов Кия с братьями выявляли на широком восточноевропейском мифологическом материале Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров[72], связавшие киевскую легенду с распространенными мифологическими мотивами борьбы братьев-кузнецов со змеем, олицетворяющим злое начало. Рассказ о походе Кия на Константинополь мог возникнуть под влиянием реальных походов Руси на

Византию, особенно похода Святослава (ср. параллели: Святослав, обосновавшийся в Переяславце, и Кий, основавший Киевец на Дунае)[73]. В этом случае в ПВЛ отразились обе традиции: древнейшая, представлявшая Кия перевозчиком, прародителем полян, и поздняя, согласно которой Кий был князем и ходил на Византию. Мне представляется, что в образе Кия могли соединиться три мифологических мотива: миф о герое-кузнеце; представление о Кие как перевозчике, осуществляющем, как и греческий Харон, связь с загробным миром; легенда о Кие как прародителе племени полян, первом князе, сформировавшаяся, по-видимому, к VIII в. (В этом смысле Кий напоминает других сакральных предков, основателей династий и государств, которые и могли иметь очень туманное происхождение, и могли персонифицироваться в образы первых князей-правителей.)

Третьему направлению (после варяжского и славянского) историографии об Аскольде и Дире положил начало Г. Эверс[74]. Историк считал князей уграми на основании того, что Аскольд был похоронен на горе, называвшейся Угорской, а Олег, прибывший к Киеву в 882 г., назвался угорским или "подугорским" купцом. Почему-то Эверса не смутил тот факт, что согласно ПВЛ угры прошли впервые мимо Киева в 898 г. и через ту самую гору, которая только потом стала называться Угорской. Мнение Эверса поддержали С.А. Гедеонов, писавший о венгерском происхождении князей, и В.А. Пархоменко[75]. Причем Пархоменко, проигнорировав летописное известие 898 г. и опираясь на свидетельство так называемого Кембриджского документа (см. следующий параграф) и хронологию Новгородской I летописи, отодвинул время деятельности Олега примерно на 10 лет вперед. По мнению исследователя, около 882 г. киевский князь Аскольд был убит проходившей мимо города армией угров, после чего князем стал угр Дирд (по написанию в Ипатьевской летописи). Отсюда пошел слух о будто бы венгерском происхождении московской княжеской династии, нашедший отражение в записках Джайлса Флэтчера[76]. Дирд правил лет двадцать и потом был свергнут родственником (!) Аскольда Игорем при содействии Олега. Родство Игоря и Аскольда якобы доказывается словами, обращенными к Диру, о том, что

Игорь – законный князь и наследник (сообщение ПВЛ под 882 г.). Имя же Аскольда Пархоменко сопоставил с именем половецкого хана Искала (упом. в Лаврентьевской летописи под 1061 г.). Так выстраивается своеобразная картина начальной русской истории, основанная на шаткой этимологии (ни угорское происхождение имени Дирд, ни половецкое Аскольд никак не аргументированы) и явных натяжках. Отголоски "угорской" гипотезы встречаются в работах Г.В. Вернадского[77]. Историк полагал, что некий Ольма, поставивший церковь на могиле Аскольда, был венгерским воеводой Альмуцем (Ольма – Олом – Альмус – Алмуц – Алмош), о котором упоминает Константин Багрянородный в 38-й главе "Об управлении Империей" (там же, где упомянут и воевода Леведия, которого Вернадский связывает с именем "Лыбедь"). Но такое отождествление вряд ли возможно и с лингвистической, и с исторической точек зрения, поскольку Леведия стоял во главе венгерского союза племен в 830-х гг., а его сын Алмуц действовал примерно в середине IX в.[78] Имя Ольма является лишь очень слабым, косвенным доводом в пользу угорского происхождения князей.

Рассмотрев историографию, можно сказать, что традиционная точка зрения, связывающая Аскольда и Дира с варягами и опирающаяся на данные ПВЛ, является наиболее обоснованной. Версия о местном славянском происхождении базируется на малодостоверном отрывке Длугоша и историографических размышлениях о реальности Кия. Версия об угорском происхождении еще менее аргументирована и основывается на двух косвенных фразах из летописного текста.

ПВЛ содержит недвусмысленное указание на варяжское происхождение Аскольда и Дира. В известии под 882 г. Олег с дружиной, притворяясь купцами, призывает киевских князей прийти к ним "к родом своим". Очевидно, имеются в виду не какие-то родственные отношения (как получается в переводе Д.С. Лихачёва: "придите к нам, к родичам своим"), поскольку в той же статье и ранее под 862 г. летопись однозначно говорит об отсутствии таковых, а единое этническое происхождение Аскольда и Дира и купцов "от Олега и Игоря". Если мы признаем Олега и Игоря варягами, а также их маскировку под ва-

ряжских купцов, тогда следует признать варяжское происхождение и их соплеменников, киевских князей.

Говоря об Аскольде и Дире, нельзя не упомянуть о возможном крещении Аскольда. Косвенными аргументами в пользу этого могут служить: упоминание о крещении части русов патриархом Фотием в 860-х гг., возможно, связанном с неудачным походом Руси на Византию (подробно возможность факта крещения исследована О.М. Раповым[79]), поставление на могиле Аскольда неким Ольмой церкви Святого Николая (сообщение ПВЛ[80]). Исходя из последнего, многие исследователи считали имя Николай возможным христианским именем Аскольда[81]. Захоронение обоих князей в разных местах (Дир был похоронен на месте, рядом с которым впоследствии возникла церковь Святой Ирины) может быть объяснено или искусственным соединением двух князей в летописи, или крещением только Аскольда. В последнем случае Дир мог оставаться язычником, и его захоронение в другом месте, не связанном с христианским культом, кажется естественным. Тем, что Аскольд был христианином, некоторые исследователи объясняли и легкий захват Киева Олегом[82]. В летописях нет сведений, что горожане оказали какое-то сопротивление Олегу, они не вступились за своих князей. Возможно, князь-христианин был чужд языческому большинству населения Киева.

Сведений о семье Аскольда и Дира нет, кроме известия Никоновской летописи о том, что сын Аскольда погиб в 864 г. в войне с болгарами[83]. Это свидетельство уникально, другими источниками оно не подтверждается.

Князь Олег

Следующим после Рюрика русским князем "Повесть временных лет" называет Олега. Эта личность настолько связана с легендарными мотивами, что в историографии Олега называли даже "великаном русского исторического сумрака"[84]. В ПВЛ Олег показан регентом при малолетнем сыне Рюрика — Игоре. Олег покорил многие славянские племена, совершил успешный поход на Киев, благодаря чему объединил

Русь, ходил на Константинополь, после чего заключил с византийцами договор. ПВЛ сохранила знаменитую легенду о смерти Олега от укуса змеи (под 911/12 г.)[85]. Существует и другая хронологическая сетка жизни Олега, приведенная в Новгородской I летописи, в известиях которой, по мнению ряда исследователей, начиная с А.А. Шахматова, отразились сведения "Начального летописного свода"[86]. Здесь все датировки смещены: самостоятельный неудачный поход Игоря на Византию датирован 920 г., следующий, уже победный поход Игоря и Олега происходит в 922 г., в том же году Олег и умирает[87]. Эти датировки признавались большинством историков ошибочными, поскольку в статье 922 г. НПЛ спутаны и сведены воедино походы и договоры и Олега (907, 911 гг.) и Игоря (941, 944 гг.). Очевидно, как отмечал Д.С. Лихачёв, автор ПВЛ исправил даты Начального свода по датам самих договоров с Византией, текстами которых летописец, возможно, располагал[88]. Однако некоторые историки, например В.А. Пархоменко, Г.В. Вернадский, пытались предложить свои гипотезы, основываясь на датировках НПЛ[89].

Из текста летописей неясно, в каком родстве находились Рюрик и Олег. В ПВЛ содержится указание на княжеское происхождение Олега в статье под 882 г., когда Олег говорит Аскольду и Диру: "аз есмь роду княжа". Ипатьевская летопись отмечает, что Олег "от рода ему (т. е. Рюрику. — *Авт.*) суща"[90]. В.Н. Татищев писал, что Олег был шурином Рюрика, т. е. братом его жены Эфанды[91]. Таким образом, Олег становился дядей Игоря по матери. Надо заметить, что дядя по матери ("уй") в отличие от дяди по отцу ("стрыя") вполне мог быть воспитателем племянника, отстаивая при этом интересы "клана" матери. Положение Олега при Игоре может напоминать "кормильство" (авункулат), которое было характерно для эпохи ранней государственности[92]. Впрочем, в знатных семьях Скандинавии был распространен обычай избирать ребенку кормильца из зависимых мужей[93]. Поэтому Олег мог быть и каким-то родственником Рюрика или вовсе не состоять с ним в родстве, но иметь знатное происхождение.

Имя Олег имеет скандинавское происхождение — Helgi ("священный")[94]. А.А. Молчанов, основываясь на

тождестве Рюриков, даже попытался проследить заимствование имени Олег от родственных скандинавских династий[95]. Существовали попытки определить славянскую этимологию имени и славянское происхождение самого Олега[96]. Иловайский даже связал имя Олег с Болгарией, которую считал родиной княгини Ольги. Однако развернутой аргументации предложено не было, и эта гипотеза подверглась серьезной критике прежде всего за бездоказательность[97].

История Олега в ПВЛ полна фольклорными, легендарными мотивами, поэтому отделить реальность от преданий чрезвычайно сложно. Ближайшая параллель летописному рассказу — история Одда Стрелы, содержащаяся в соответствующей саге ("Орвар-Одд сага"). Однако этот памятник принадлежит к разряду "саг о древних временах", что, разумеется, наложило серьезный отпечаток на его содержание. Древнейшая запись его относится, вероятно, к XIII в. (полного русского перевода нет, за исключением отдельных отрывков)[98]. Рассказ саги нашел отражение в "Истории Норвегии" Тормоди Торфея, Одд упоминается в других "сагах о древних временах" ("Сага о Хервёр), в исландских родовых сагах ("Сага об Эгиле", "Сага о Гисли")[99]. Согласно саге Одд был сыном Грима Бородатого (Мохнатые Щёки) с о. Рафниста (Халогаланд на северо-западе Норвегии) и с детства воспитывался в доме друга отца Ингиальда с сыном последнего — Асмундом. Пророчица Гейдр, посетившая дом Ингиальда, предсказала 12-летнему Одду долгую жизнь — до 300 лет[100], множество подвигов, славу и большое богатство в дальних краях и смерть на родине, причиной которой должен быть стать его собственный конь (первоначально речь о змее не шла и пророчество было как бы недосказанным)[101]. Одд обиделся на колдунью (лучшая смерть для викинга — гибель в бою) и ударил ее до крови, за что Ингиальду пришлось заплатить большие деньги. На следующий день Одд с Асмундом убили коня Одда Факси и навалили над трупом курган из камней. Потом Одд, Асмунд и другие юноши отправились странствовать. Одд оказался в Финмаркене, где стал владельцем волшебных стрел короля Гузи (отсюда прозвище Одда — Стрела), затем в районе Вины (Северной Двины) и в Бьярмаланде. Впоследствии Одд побывал на острове

великанов, вернулся в Скандинавию, где участвовал в Самсэйском бое ("Сага о Хервёр"), был на Оркнейских островах, в Шотландии, Ирландии (здесь погиб Асмунд), Готланде, Греции, Аквитании, на Сицилии (здесь Одд принял крещение от аббата Гуго). По дороге в Иерусалим Одд был отнесен бурей в Хуналанд (страну гуннов), где в городе Кэнугарде (Киеве) правил король Геррауд. Одд жил при его дворе (его узнали, даже в Хуналанде было известно, что он — великий герой), совершил поход на Бьялкаланд (соседнее государство с Хуналандом), подчинил эту страну Геррауду и там разрушил языческих идолов. Потом Одд женился на дочери Геррауда Силькисиф ("шёлковая дева"), а после его смерти долгое время правил Хуналандом. Уже будучи стариком, Одд решил побывать на родине, чтобы узнать, кому теперь принадлежат его наследственные владения на о. Рафниста. Удовлетворившись правильным переходом наследства, на обратном пути он посетил Берурьод, где когда-то находился дом Ингиальда. Высадившись на берег, Одд показал своим спутникам места своего детства и поведал о предсказании колдуньи, которое, как он думал теперь, уже и не исполнится. Вдруг герой наткнулся на какой-то холмик, а пошевелив в земле копьем, нашел конский череп (это был череп Факси), из которого выползла змея и ужалила Одда в ногу. Через некоторое время он умер, был похоронен в каменной гробнице, а в Хуналанде стали править Силькисиф с сыновьями. У Одда от дочери ирландского короля была дочь Рагнхильд, а от Силькисиф — сыновья Асмунд (назван в честь друга) и Геррауд (назван в честь деда).

Как видим, в саге переплетены "ходячие" легендарные мотивы (сбывающееся, несмотря ни на что, пророчество, магическое значение коня, конского черепа, остров великанов и т. д.) с конкретными топонимами Восточной Европы (Вина и Бьярмаланд — район Белого моря, куда часто в сагах отправляются герои[102], Кэнугард — Киев, упоминаемые в саге Сурдалар — Суздаль, Муром и др.). Мотивы крещения Одда и уничтожения им идолов в Бьялкаланде появились, вероятно, в уже христианизированной Скандинавии, хотя и в эпоху викингов Иерусалим был известен норманнам (Йорсалир). Маршрут путешествия из Халогаланда в Бьярмаланд ана-

логичен путешествию норвежца Оттара (рассказ об этом был записан британским королем Альфредом Великим в 880-х гг.)[103]. Некоторые топонимы непонятны, например Бьялкаланд ("страна белок" – Сибирь или же нет[104]). Неопределенна географическая локализация Хуналанда[105]. Смерть Одда от змеи как бы замыкает логический круг саги, соединяя ее начало и конец. Каменная гробница, по мнению А.И. Лященко, могла представлять собой ладьеобразную ограду из камней, использовавшуюся при погребениях[106].

В исландских родовых сагах генеалогия Одда освещена более подробно. По "Саге о Гисли", Одд не сын, а брат Грима Мохнатые Щёки (от которого еще идет целая ветвь потомков), а оба они – сыновья Кетиля Лосося и внуки Халльбьёрна Полутролля[107]. В "Саге об Эгиле" отцом Халльбьёрна с о. Рафниста назван Ульв Бесстрашный[108]. По условной хронологии родовых саг Одд мог действовать где-то в конце IX – начале X в. Имя Сильксиф упоминается в некоторых скандинавских памятниках, где оно обозначает принцессу из Руси (Хольмгарда – Новгорода и т. п.): "Саге об Ингваре-путешественнике", "Пергамене с Плоского острова"[109]. Таким образом, Одд действительно мог существовать, но в саге, ему посвященной, этот образ сложился в результате многочисленных напластований стал как бы собирательным. Разнообразные мотивы, распространенные в сагах, сопутствуют ему, и разглядеть за ними реальную личность почти невозможно.

Интересен еще один пассаж саги, в конце которой говорится: "Тогда стала она сама управлять землей гуннов вместе со своим сыном. Очень знаменитый человек вышел со временем из этого сына Одда"[110]. Очевидно, имеется в виду сын Одда – Асмунд. Рассказ саги, таким образом, обнаруживает параллели с известиями ПВЛ. Во-первых, одинаковые предания о смерти героя от змеи, выползшей из черепа коня. Во-вторых, воспитатель Святослава Асмуд (согласно ПВЛ) носит скандинавское имя – от Asmundr[111]. Соответственно выстраивается привлекательная картина: Олег – воспитатель Игоря, его сын Асмуд – воспитатель сына Игоря Святослава. Слова о "знаменитом человеке" из концовки саги могут служить косвенным подтверждением вышесказанному.

Наконец, вопрос о месте смерти Олега. По ПВЛ, Олег умер осенью 911 г. (впрочем, А.И. Лященко, например, считал, что слова "и приспе осень" следует понимать в переносном смысле, т. е. пришла "осень человеческой жизни"[112]. ПВЛ говорит о смерти Олега в Киеве и захоронении его на горе Щековице[113]. Известия под другими годами (1146, 1151, 1169) в летописях указывают иное место захоронения: у Жидовских ворот. А Новгородская I летопись сообщает еще две версии: могила Олега в Ладоге (до сих пор, кстати, существующая) или смерть князя "за морем"[114]. Исследователи пытались определить, где же в действительности был похоронен Олег. На основе анализа летописных данных и топографии Киева протоиерей П.Г. Лебединцев пришел к выводу, что, вероятнее всего, истинная могила Олега находилась у Жидовских ворот, на западной стороне Киева, против р. Лыбеди, на холме, где в конце прошлого века находилась киевская университетская обсерватория[115]. А.А. Шахматов полагал, что в древнейшей летописной традиции была зафиксирована смерть Олега "за морем" ("Начальный летописный свод", отразившийся в НПЛ), а сообщение о смерти в Киеве является позднейшей переделкой[116]. А.И. Лященко обратил внимание на то, что "могилой" на Руси называлось не само захоронение, а холм, насыпанный для отправления тризны по герою (ср. "Материалы для словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского[117]), поэтому возможно существование на Руси по крайней мере трех таких могил: двух в Киеве и еще одной в Ладоге, поскольку тризну справляли наверняка в разных местах[118]. По данным А.Н. Кирпичникова, именно в Ладоге при Олеге известны первые каменные укрепления[119], да и вообще Ладога являлась древнейшим центром славяно-варяжского взаимодействия, тесно связанным со Скандинавией. Поэтому смерть Олега "за морем" кажется вполне естественной, и здесь прослеживается еще одно сопоставление летописного рассказа и "Саги об Одде Стреле".

В историографии, впрочем, существовала точка зрения, что слова "за морем" относятся не к Балтике, а к Каспию[120]. Эта версия основывается на отождествлении киевского Олега с неким полководцем Хелгу, упоминаемым в так называемом Кембриджском документе. Однако эта проблема будет рассмотрена далее.

Совпадения летописи и саги отмечали многие историки, начиная с А.-Л. Шлёцера[121], но при этом предлагалось несколько вариантов взаимодействия легенд. Часть исследователей считала, что Олег и Одд — одно лицо и сюжет саги был заимствован русским летописцем[122]. В качестве дополнительного аргумента выдвигалась этимология имени Helgi от "вещий", "мудрый", "святой" (т. е. прозвище по "определению"), связанного с Галогаландом, называвшимся еще и Хелгеландом ("святая", "священная" земля, согласно Адаму Бременскому)[123]. Аналогичные предания (о смерти от коня) в Сербии и Кенте, по мнению Лященко, вторичны по отношению к саге. Беляев предположил, что Олег-Одд (как и княгиня Ольга) принадлежал к роду Сэмингов, владевших теми областями, откуда Одд происходил. Согласно другой точке зрения не из саги попали в летопись легенды об Одде, а, наоборот, летописные предания об Олеге обогатили и дополнили сагу[124]. И наконец, третья гипотеза состоит в том, что какой-то общий источник (народное предание) отразился и в саге, и в летописи, благодаря чему произошло перенесение черт одного героя на другого и наоборот, т. е. возникло своеобразное смещение образов Олега и Одда[125]. Е.А. Рыдзевская вообще считала невозможным сопоставление летописи и саги в силу самого смыслового различия обоих видов источников, образ Одда представлялся ей совершенно легендарным, а фигура Олега — более-менее исторической. Тем не менее исследовательница полагала, что сага могла оказать какое-то влияние на повествование летописи. И действительно, при всем различии характеров самих источников определенные параллели невольно напрашиваются. Вероятно, князь Олег был настолько известной личностью, что историческая память о нем сохранялась в разных культурных традициях. Однако легендарные мотивы заслонили от нас истинный образ этого человека, ставшего почти мифическим героем в Скандинавии и на Руси.

Фигура Олега окружена и другими распространенными преданиями. Так, исследователи изучали аналоги легенды, связанной с захватом Олегом Киева в 882 г.[126] Текст ПВЛ в этом месте полон загадок. Олег под видом купца подошел к городу с небольшим отрядом, который спрятался под скамьями ладей. Но непонятно, почему он

вызвал к себе киевских князей, а не отправился к ним сам, ведь он — купец, а не правитель. Автор ПВЛ не объяснил эту ситуацию, поскольку считал Олега с Игорем законными князьями. Составитель Никоновской летописи, пытаясь как-то исключить такую несообразность, отметил, что Олег сказался больным (что опять-таки не объясняет прибытие к нему киевских князей)[127]. Способ захвата города Олегом имеет многочисленные аналогии в фольклорном и эпическом материале у различных народов Евразии. Существуют египетские, греческие, римские, монгольские, иранские параллели[128]. Е.А. Рыдзевская отметила подобную легенду у Саксона Грамматика в "Деяниях данов"[129]. Другая параллель обнаруживается в германской "Поэме об Ортните", сюжеты которой отразились в "Саге о Тидреке Бернском", где, переодевшись купцом, берет город Судерс некий герой Илья[130]. М.Г. Халанский сопоставил предания об Олеге и об Илье с былинными рассказами об Илье Муромце и с образом легендарного Бравлина, взявшего Сурож в конце VIII в. ("Житие Стефана Сурожского")[131]. Параллели можно обнаружить также в "Пряди об Эймунде" и в "Кудруне" (V авентюра)[132].

При взятии Киева Олег именовался "подугорским" гостем, что дало повод исследователям связать это определение с Венгрией[133]. Но, как показал анализ летописного текста, имелась в виду остановка дружины Олега в Угорском урочище (Олег остановился "под угорьскими"), которое в IX–X вв. действительно имело большое торговое значение. Возможно, слово "подугорские" воспринималось летописцами не как "венгерские", а как "югорские", т. е. из Югры, которая находилась к северо-востоку от Новгорода (это вполне согласовывается с истинным исходным пунктом похода Олега)[134]. Захват Киева Олегом имел большое значение не только для образования Древнерусского государства, так как соединил север и юг на пути "из варяг в греки", но и для международной торговли. По наблюдениям В.Я. Петрухина, это привело к усложнению отношений с Хазарским каганатом, который, судя по всему, блокировал русскую восточную торговлю[135]. Захват Киева варягами Олега отразился, по всей видимости, и на положении в городе христиан. Одни историки считали Олега ярым язычни-

ком[136], другие полагали, что он, будучи таковым, тем не менее относился к христианам лояльно[137]. Христианские общины в Киеве сохранялись, но в целом окружение Олега оставалось языческим, о чем свидетельствует клятва русской дружины Перуном и Велесом при заключении договора с Византией в 907 г. Последний факт позволил О.М. Рапову сделать заключение, что Олег и его варяги были славянами-язычниками, так как клялись славянскими, а не скандинавскими богами[138]. Однако данный аргумент является весьма сомнительным. Думается, летописец использовал условный прием, доказывающий лишь то, что Олег с дружиной были язычниками, а какими — славянскими или скандинавскими — для автора ПВЛ принципиального значения не имело.

Дальнейшие предания об Олеге также имеют параллели в европейском эпосе. "Корабли на колесах" (волоком?) и "щит на вратах" известны по другим легендам (например, у Саксона Грамматика). Своеобразный белый "щит мира" поднимали вверх викинги, желая прекратить кровопролитие[139]. Предания об Олеге обнаруживают родство со скандинавскими эпическими элементами, что лишний раз подтверждает широкие межэтнические культурные взаимовлияния.

Характер власти Олега также остается дискуссионным. В договоре Руси с Византией Олег назван князем, ПВЛ под 882 г. однозначно говорит о самостоятельном княжении Олега: "Гость есмь, — посылает сказать Олег киевским князьям, — и идем в Греки от Олга и от Игоря княжича". Таким образом, Олег выступает как князь, а Игорь — только как княжич. С другой стороны, в ряде летописей Олег именуется старейшиной и воеводой. Если обратиться к истории титулования "князем", то очевидно, что первоначально князем считался любой правитель, но затем возник принцип: князь — представитель только династии Рюриковичей[140]. Последнее отразилось уже в рассказе 882 г., когда Олег "представил" Аскольду и Диру Игоря как сына Рюрика. Тем не менее принцип князей — не Рюриковичей — продолжал существовать и позже (ср. Рогволода полоцкого, тоже называвшегося "князем"). Следовательно, как мне кажется, Олег вполне мог носить княжеский титул не только потому, что был по сути конунгом, но и потому что имел,

очевидно, какое-то родственное отношение к Рюриковичам. Интересно, что ибн Фадлан, путешествовавший по Волге в 921—922 гг., писал, что у русов есть малик (царь), который имеет дружину, и халифа (своего рода заместитель малика), полководец и воевода, "который руководит его войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных"[141]. По мнению В.М. Бейлиса, волжские булгары, информаторы ибн Фадлана, реально встречались не с самим маликом, а с заместителем, поэтому и передали арабскому автору сведения о своеобразном дуумвирате у русов. Напрашивается возможная аналогия с положением Олега при Игоре. В принципе такую линию можно продолжить и далее: Свенельд, Асмуд при Святославе, Добрыня при Владимире. Таким образом, возникает идея о дуализме власти на Руси или соправительстве. Но такой вывод представляется слишком поспешным. Роли Свенельда, Асмуда и Добрыни при князьях несравнимы с положением Олега. Воевода при князе еще не соправитель. Мы видим вполне самостоятельно действующих и Игоря, и его преемников. Другое дело, что в это время еще происходило формирование системы государственной власти на Руси, государство только создавалось, и в такие периоды могла возникнуть некая неопределенность в распределении властных функций, которая и могла произвести впечатление соправительства. Булгары, разумеется, прекрасно представляли себе систему власти в Хазарском каганате, достаточно старом государственном образовании. Двоевластие у хазар естественным образом могло по аналогии быть перенесено на русское общество. Олег первоначально в летописи выступает в качестве "кормильца", воспитателя малолетнего Игоря, что видно и из рассказа 882 г.: "придоста" (двойственное число, т. е. Олег и Игорь) к Киеву, привел "законного князя" (в отличие от "бояр" или даже не "бояр" Аскольда и Дира). Затем на протяжении 20 лет Олег действует как самостоятельный правитель (Игорь женится в 903 г., и ни о каком "кормильстве" речи быть уже не могло). Тем не менее Олег — самостоятельный князь, совершает поход на Византию, заключает договор (от своего имени) и т. д. Следовательно, ни о каком двоевластии говорить не приходится. У Игоря просто не остается никаких функций, даже представительских. Но может

быть, Игорь играет некую "сакральную", жреческую роль? Думается, нет. Олега, очевидно, можно рассматривать в качестве князя-жреца[142]. Это доказывается и его атрибутами (конь и змея — принадлежность Велеса), и его безбрачием и бездетностью (по летописи), и семантикой имени (из Хельги — "священный", ср. просторечное — Вольга, Волх?). Предание о смерти можно рассматривать в качестве фольклорной редакции древнего ритуала, воспроизводящего какой-то языческий миф. "Воплощение мифа в ритуале и соединение этой сакральной функции с политической и было миссией, обеспечивавшей Олегу его особый статус", — отмечает Г.С. Лебедев.

Летописный образ Олега в мифологическом контексте приобретает черты легендарного героя — "чудесного" заместителя и помощника Игоря, вместе со своим именем "передающего" и магические свойства княгине Ольге, чей образ также "окутан" фольклорными сюжетами[143].

Таким образом, Олега можно рассматривать в качестве самостоятельного князя-правителя, Игорь же становится таковым только после его смерти.

Говоря об Олеге, нельзя не остановиться на таком важном историческом источнике, как так называемый Кембриджский документ. Он был найден в начале нашего века среди рукописей Кембриджской университетской библиотеки С. Шехтером и опубликован им в 1912 г.[144] На русском языке памятник появился в 1913 г. стараниями известного гебраиста П.К. Коковцова[145]. Последнее издание: публикация Н. Голба и О. Прицака[146]. Документ представляет собой письмо некоего хазарского иудея, подданного хазарского царя Иосифа, неизвестному лицу, описывает события, связанные с Русью. После гонений на иудеев в Византии при Романе Лакапине и ответных гонений на христиан царя Иосифа Роман послал большие дары царю Руси Хелгу и побудил его напасть на город Самкрай (Самкерц), т. е. Тмутаракань, принадлежавший хазарам. Хелгу захватил город ночью, воспользовавшись отсутствием градоначальника. Тогда хазарский наместник в Керчи по имени Песах начал разорять византийские владения в Крыму, взял три города и осадил Шуршун (т. е. Херсон). Взяв дань с горожан, Песах освободил многих пленных хазар в Херсоне и на-

чал войну с Хелгу, которая закончилась поражением последнего. Песах принудил Хелгу напасть на Византию, и русское войско четыре месяца с моря осаждало Константинополь. Оно было разгромлено византийцами с помощью "греческого огня": Хелгу бежал, "постыдился вернуться" в свою страну, ушел морем в Парас (Персию) и там погиб со всем своим войском. Тогда Русь подчинилась хазарам. Так завершает рассказ автор письма. События, описываемые в документе, относятся ко времени между 932 г. (когда Роман Лакапин устроил гонения на иудеев, а царем Хазарии примерно в это же время стал Иосиф) и 944 г. (конец правления Романа). Рукопись документа датируется концом XI в.[147] Некоторые исследователи считали документ источником сомнительной достоверности[148], другие полагали, что он подлинный и создан в конце X в.[149] Анализ, проведенный К. Цукерманом, показал, что письмо было, очевидно, написано некоторое время спустя после зафиксированных в нем событий, а именно около 949 г.[150] Сведения, сообщаемые в нем, оказались настолько интересными, что вызвали к жизни несколько гипотез, авторы которых пытались пересмотреть политическую историю Руси начала X в.

Упоминание в документе Олега, который умер в 911 г. (ПВЛ), смутило уже первого отечественного исследователя письма П.К. Коковцова, справедливо полагавшего, что на основании только одного источника исправлять летописную хронологию было бы крайне неосторожно[151]. Однако уже В.А. Пархоменко создал целую теорию русской истории начала X в., отодвинув на основании датировок Новгородской I летописи и отождествления Хелгу с Олегом время жизни Олега на несколько десятилетий вперед. Для того чтобы как-то согласовать разноречивые сведения источников, Пархоменко предположил, что Олег был князем Причерноморской Руси (затем – Тмутараканское княжество). Он совершал походы на Византию, которые Пархоменко датировал 920–922 гг., потом на Самкерц. После похода на Константинополь 922 г. Олег ушел "за море", т. е. за Каспий, где и погиб[152]. Доля домысливания в этой теории намного превосходит долю источниковедческого анализа. Как справедливо писал А.Л. Погодин, Пархоменко "увлекся в

фантастический мир идей", "произвольность которых бросается в глаза", а само изложение их "вытекает из готовой, придуманной теории" Украинского государства[153]. Некоторые аспекты идей Пархоменко нашли отклик в последующей историографии. Например, В.В. Мавродин также полагал, что Олег умер "за морем", т. е. за Каспием[154]. Сопоставление слов "за морем" с известием Кембриджского документа действительно выглядит очень заманчивым. Но совершенно очевиден тот факт, что русские летописцы плохо знали Каспий (русские походы туда известны исключительно из восточных источников). Для летописей основной географической доминантой при описании ранней русской истории является ось Балтика — Чёрное море (как раз по пути "из варяг в греки"). Поэтому попытки увидеть в выражении "за морем" упоминание Каспия, а не Балтики ("Варяжского моря") представляются слабо аргументированными.

Предлагались и другие пути решения. М. Ландау видел в сообщении письма простую ошибку: автор спутал Игоря с его предшественником[155]. Ю.Д. Бруцкус полагал возможным наличие второго имени у Игоря — Хельги. Таким образом получалось бы Хельги Ингер, что переводится как "Олег младший" (в отличие от Олега Старшего)[156]. Подобное прочтение совершенно противоречит скандинавской этимологии имени Игорь (от Ингвар), а подобной двойной системы имен для Руси ни один источник не знает. В.А. Мошин писал, что отождествить Олега с Хелгу невозможно из-за хронологических и смысловых несоответствий. Походы на Византию и на Каспий, описанные в документе, соответствуют походу Руси на Константинополь в 941 г. и Каспийскому походу русов, упоминаемому Ибн Мискавейхом (датируется летом—осенью 945 г.[157]). Действительно, описания походов в Кембриджском документе, ПВЛ и у Ибн Мискавейха очень похожи, так что можно говорить об их идентичности. Следовательно, единственное противоречие — имя Хелгу. Мошин справедливо заметил, что отождествить Хелгу с Игорем невозможно (обстоятельства смерти совершенно различны и т. д.). Следует признать, что существовал какой-то независимый правитель Причерноморской Руси, который и упомянут в документе[158] (считать Хелгу полководцем нельзя, поскольку в письме он ясно

назван "царем"). Г.В. Вернадский пошел дальше и предположил, что Хелгу был старшим сыном Игоря (брак Игоря и Ольги датирован в ПВЛ 903 г., а Святослав родился только в 942 г., значит, мог быть еще один сын) и возглавлял Азовскую Русь[159]. М.И. Артамонов привлек данные Новгородской I летописи о воеводе Игоря Олеге (которого обычно отождествляют с Олегом Вещим) и высказал мысль, что в образе Олега Вещего совместились черты двух одноименных персонажей, один из которых – воевода, он и упоминается в письме. Как предводитель варяжского отряда он вполне мог действовать независимо от киевского великого князя. Интересно мнение крупного специалиста по истории Хазарии и Причерноморья по поводу существования Причерноморской Руси. Артамонов полагал, что никакой Руси в Крыму не было[160]. В настоящее время эта проблема является дискуссионной, поскольку многие арабские источники упорно свидетельствуют об определенной связи русов с Причерноморьем[161]. А.П. Новосельцев связывал датировку смерти Олега в Новгородской I летописи с данными Кембриджского документа, хотя канву рассказов последнего составляют факты времен Игоря. Но историк не остановился на каком-либо одном решении проблемы, признав, что также существует возможность и присутствия в рассказе Анонима сведений о событиях времен Олега, и того, что безымянный руководитель похода на Бердаа мог носить это имя[162].

К. Цукерман как бы возродил идеи Пархоменко, но уже на новом исследовательском уровне. Опираясь на датировку НПЛ, он попытался доказать, что правление Игоря было недолгим, всего три-четыре года, и начал он княжить в 941 г. Чтобы как-то сопоставить фигуры Олега и Игоря, Цукерману пришлось прибегнуть к спасительному двоевластию, которое якобы существовало на Руси. Оказывается, в походе 941 г. русским флотом командовали оба: и Олег, и Игорь. Игорь после первого сражения ушел в Киев, а Олег был оттеснен византийцами к азиатскому берегу Босфора. Там Олег был разбит и ушел на Каспий, где и погиб в сражении с арабским полководцем Марзубаном ибн Мухаммадом. Олег к тому времени был уже стар и ездил на осле (Ибн Мискавейх). Так в 941 г. Олег потерял свою власть и Киевским кня-

зем стал Игорь. Опираясь на эту новую хронологию, Цукерман предлагает (уже в который раз в историографии) "многое передатировать" в ранней русской истории[163]. Эта фантастическая теория основана на очень шатких допущениях: вольной интерпретации текста НПЛ, базирующейся на признании его большей близости к гипотетическому "Начальному своду", чем ПВЛ, и идее о возможном двоевластии на Руси. Сомнения в одном из этих положений (или в двух сразу) ставят под удар всю систему предположений, высказанную исследователем.

"Примирить" ПВЛ и Кембриджский документ, не удаляясь в сферу "передатирования" и натяжек, можно лишь в двух случаях. Если признать невозможность отождествления Хелгу с Олегом Вещим или с Игорем, то или Хелгу-Олег был самостоятельным князем, правителем некоего русского государственного образования и выступал в союзе с Игорем, или он был родственником Игоря, который также мог носить княжеский титул.

В первом случае необязательна привязка Олега к гипотетической "Причерноморской" Руси, он мог быть одним из союзных великому киевскому князю князей какого-то из подвластных Киеву племен. Его скандинавское имя в данном случае неудивительно, поскольку летописям известны и другие племенные князья варяжского происхождения (Рогволод, Туры). Например, В.Я. Петрухин предположил, что Хелгу-Олег был князем Чернигова, основываясь на "специфике дружинных древностей Черниговщины и особой связи Черниговской земли с Хазарией и Тмутараканью"[164]. Однако наличие элементов степной "хазарской" культуры в дружинных древностях Черниговской земли само по себе является недостаточным основанием для такого предположения, равно как и ссылка на относительную самостоятельность "левобережной" дружины во главе с воеводой Претичем во время событий 968 г., когда был осажден Киев (приход на помощь киевлянам Претича в столь критический момент выглядит естественным).

Во втором случае определить родство Хелгу-Олега с Игорем не представляется возможным. Тем не менее можно вполне определенно сказать, что Олег-Хелгу возглавлял русский поход на Бердаа (по-видимому, мало

связанный с киевской великокняжеской политикой) и погиб на Каспии осенью 945 г.

Княжеская династия в период 912–972 гг.

Сын Рюрика Игорь стал самостоятельным князем в 912 г. и правил вплоть до своей трагической гибели, относимой ПВЛ к 944 г.[165] Имя Игорь многими исследователями признавалось как скандинавское: Игорь – от Ingvarr[166]. В византийских источниках[167] Игорь именуется Ἰγγωρ, у Лиутпранда Кремонского – Inger[168]. Имя Ингвар пользовалось особой популярностью в скандинавском роде Инглингов, его переход в династию Рюрика кажется вполне естественным, если признать тождество Рорика и Рюрика[169]. Впоследствии имя было весьма популярно у Рюриковичей: известно по крайней мере 10 князей, носивших его, в период до монгольского нашествия – Игорь, племянник Игоря (944 г.); Игорь Ярославич; Святой Игорь Ольгович киевский; Игорь Святославич новгород-северский; Игорь Глебович рязанский; Игорь Юрьевич муромский; Игорь Ярославич, княжич черниговский; рязанские князья Ингварь Игоревич и Ингварь Ингваревич; Ингварь Ярославич киевский (последние три случая – очевидно, вторичное заимствование из скандинавского). В "татарский" период имя почти исчезает.

Происхождение Игоря абсолютно однозначно трактует ПВЛ: сын Рюрика, оставшийся малолетним после смерти отца. Но историков почему-то смущал тот факт, что Игорь погиб только в 944 г., а значит, прожил около 70 лет, женился в 903 г., а его сын Святослав родился только в 942 г. (по традиционной хронологии). Таким образом, в летописях якобы образовывался некий разрыв. Простейшим утверждением в данном случае является старая мысль еще дореволюционных времен о том, что Игорь не был сыном Рюрика, а "стал" таковым лишь в результате редакторской работы летописца, стремившегося представить древнейшую русскую историю как историю одной династии с непрерывной линией наследования от отца к сыну[170]. При этом главным аргументом,

помимо "логического несоответствия" хронологии, выдвигаются сведения Иакова Мниха и митрополита Илариона, которые, как уже говорилось выше, не упоминают среди предков Владимира Рюрика, начиная родословную со "старого" Игоря (а вовсе не с Игоря Старого). Этот аргумент нельзя признать состоятельным, поскольку оба автора перечисляли лишь киевских князей, первым из которых был Игорь (Олег к этому роду не принадлежал). Летописные известия (или данные других источников), позволяющие оспорить прямую генеалогическую связь Рюрика и его сына Игоря, отсутствуют. Следовательно, все другие версии относятся к области догадок и предположений, источниковедчески никак не обоснованных. Если обратиться к летописной хронологии, то получается, что Игорь прожил примерно 68 лет. Если отождествить Рюрика и Рорика, то получается, что Игорь родился, когда его отцу было примерно 50—60 лет. В этом нет ничего неестественного, такие случаи в европейской генеалогии редкостью не были (достаточно вспомнить Казимира Ягеллончика). Тем не менее Б.А. Рыбаков писал: "Создателю этой противоестественной (имеется в виду "норманнская" теория. — *Авт.*) концепции не были нужны ни генеалогия, ни хронология. Они могли только помешать его идее мгновенного рождения государства после прибытия варяжских кораблей. Генеалогия оказалась, как это давно доказано, примитивно искусственной... Под пером же редактора 1118 года Игорь стал сыном Рюрика"[171]. Иногда такие утверждения оборачивались всплеском необоснованных предположений: то было два Игоря, то даже почему-то два Рюрика и т. д.[172]

Дату рождения Игоря определить не представляется возможным. В Воскресенской летописи сообщается, что в 879 г. Игорь был двух лет от роду[173]. В Никоновской летописи его рождение датировано 865 г. (эту дату принял А.-Л. Шлёцер)[174]. По татищевским известиям, Игорь родился в 875 г.[175] Дата Никоновской летописи условна, поскольку в начале статьи под этим же годом говорится о смерти Синеуса и Трувора, а затем сразу же о рождении Игоря, т. е. вся генеалогическая информация сведена в один пассаж. Вероятнее, рождение Игоря имело место во второй половине 870-х гг.

Смерть Игоря в ПВЛ отнесена к 945 г., и рассказ об этом предваряется словами: "И пришла осень..." (аналогично рассказу о смерти Олега). В данном случае летопись, вероятно, дает определенную хронологическую привязку: Игорь едет за данью, а полюдье на Руси согласно сведениям Константина Багрянородного начиналось в ноябре. Это позволило Д.С. Лихачёву и Г.Г. Литаврину заключить, что гибель Игоря произошла в ноябре 944 г. (начало 6453 г. соответствует осени 944 г.)[176]. Таким образом, нарушается возможная связь гибели Игоря с походом русов на Каспий, на Бердаа (о котором говорилось в предыдущем разделе). Поход датируется осенью 945 г. А.П. Новосельцев полагал, что возвращение русов из похода было следствием известия о смерти Игоря осенью 945 г.[177] Однако датировка смерти 944 г. позволяет утверждать, что каспийский поход мало отношения имел к внешней политике Игоря.

Попытка собрать дополнительную дань с древлян завершилась для Игоря трагически. По сообщению Льва Диакона, он был пленен, "привязан к стволам деревьев и разорван надвое"[178]. Такой способ казни был известен еще в древние времена, например в мифе о Тезее рассказывается о некоем разбойнике Синиде, сыне Посейдона, который подобным способом расправлялся со своими жертвами[179]. Е.А. Рыдзевская указала на параллель из Саксона Грамматика, где так же действует некий Rotho, Ruthenorum pirata[180]. Известие давно привлекало внимание исследователей, но Рыдзевская обратила внимание на то, что герой легенды Саксона русского происхождения. Может быть, каким-то образом обстоятельства смерти Игоря могли повлиять на создание легенды в "Деяниях данов".

Текст русско-византийского договора 944 г. показывает, что русский княжеский род в это время был достаточно разветвленным. Здесь упомянуто несколько имен, точная генеалогическая привязка которых затруднена, за исключением двух: Игоря и Акуна[181]. Оба имени — варяжские. Акун — видоизмененное Hákun[182]. Оба князя были "нети" Игоревы, т. е. племянники Игоря Рюриковича через сестру (по женской линии). Судя по всему, Игорь и Акун были сыновьями разных сестер Игоря, поскольку их имена в тексте договора стоят не рядом, а с большим разрывом.

После гибели Игоря согласно ПВЛ княжеская власть на Руси перешла к его сыну Святославу при регентстве вдовы Игоря — Ольги. Личность первой христианки русского княжеского дома и первой (по времени жизни) русской святой чрезвычайно популярна в историографии. Тем не менее о самой княгине источники сохранили лишь скупые сведения. Неизвестно ее происхождение. Имя Ольга имеет скандинавскую этимологию: от Helga (женская форма Helgi)[183]. При этом в историографии существовали попытки проследить и славянские корни имени[184]. Д.И. Иловайский связал этимологию имени с вероятным болгарским происхождением княгини, опираясь на форму, приведенную Константином Багрянородным (гл. 15 "О церемониях"), — Ельга. Оба историка ссылались и на "Сагу об Олаве Трюггвасоне", в которой упомянута жена Владимира — некая Аллогия, способствовавшая принятию мужем христианства[185]. Исследователи решили, что здесь имеется в виду не жена Владимира, а его бабка Ольга, но поскольку ее имя приведено не в форме Хельга, а как Аллогия, значит, имя Ольга было изначально чуждо скандинавскому языку. Оба аргумента малоубедительны. Передача Константином Багрянородным имени княгини как "Ельга" как раз и может свидетельствовать о вероятной скандинавской его основе. А что касается саги, то вопрос о том, кто имелся в виду под именем Аллогии, далеко не является решенным (см. гл. 3).

ПВЛ под 903 г. упоминает, что Олег привел Игорю жену из Пскова[186]. Некоторые исследователи связывали имена Олег и Ольга и полагали, что Ольга принадлежала к роду Олега Вещего (на что может косвенно указывать и факт ее "привода" к Игорю именно Олегом)[187]. Однако, как справедливо заметила Е.А. Рыдзевская, имя еще не свидетельствует о происхождении носителя, и Ольга могла быть представительницей местной знати[188]. Роль Олега в "приискании" жены для Игоря кажется вполне естественной, если учесть его функции как воспитателя Игоря. Псков отнюдь не являлся тем центром, где были сильны позиции скандинавов.

Помимо летописной существует и традиция, отразившаяся в "Степенной книге", рисующая Ольгу простой крестьянской девушкой из села Выбутино, перевозившей как-то раз молодого Игоря в лодке через реку. Нацио-

нальная принадлежность Ольги в житийной традиции неясна: она или славянка, или норманнка[189]. Выбутино, по сведениям Никоновской летописи, лишь принадлежало Ольге, а народная традиция считала это село родиной Владимира[190]. Таким образом обеспечивалась как бы прямая связь двух первых русских святых — равноапостольных, бабки и внука, Ольги и Владимира. По татищевским известиям (Иоакимовская летопись), Ольга даже происходила из рода "старейшины" Гостомысла и ее первоначальным именем было якобы Прекраса, а Ольгой она стала в супружестве (славянское имя заменено на скандинавское). Ольга происходила из Изборска и была потомком Гостомысла от его дочери[191]. Эта версия, очевидно, легендарна, факты смены славянских языческих имен на скандинавские же языческие неизвестны, а В.Н. Татищев и его последователи в XVIII в. пытались всех персонажей древней русской истории связать в единую генеалогическую линию (придумывались даже целые генеалогии Ольги)[192].

На основании известия рукописного сборника XV в. архимандрит Леонид (в миру Л.А. Кавелин) в конце прошлого века выдвинул гипотезу о болгарском происхождении Ольги[193]. В сборнике (достаточно поздний источник) содержатся сведения, что Ольга была болгарской княжной и была привезена Олегом из Болгарии как невеста для Игоря. При этом арх. Леонид предположил, что Псков — Плесков — это, оказывается, на самом деле болгарский город Плиска. Псков же был основан самой Ольгой (по житийным сведениям) в память о своей родине. Косвенным подтверждением такому происхождению княгини могут служить болгарские притязания Святослава. Версию арх. Леонида поддержал и развил Д.И. Иловайский[194]. Он считал, что Ольга, будучи болгарской княжной, была крещена при рождении, а сведения летописей о принятии ею христианства легендарны. Прием Ольги Константином Багрянородным, по мнению историка, свидетельствует о равенстве императора и знатной Ольги (болгарской княжны в прошлом). Как видим, аргументы сторонников этой теории весьма шатки. Неясно, почему сведениям памятника XV в. следует отдавать предпочтение перед данными летописей XII в. В "болгарском направлении" внешней политики Свято-

слава было бы опрометчиво видеть проявление родственных чувств. Новейшие исследования показали, что целый комплекс русско-болгаро-византийских взаимоотношений и противоречий привел к войнам Святослава на юго-западе[195]. Плиска, якобы родина матери, не была захвачена Святославом, а само созвучие названий городов не свидетельствует о взаимосвязи их этимологий. Разумеется, нет также оснований отвергать летописный рассказ о крещении Ольги (хотя он, вероятно, и неверно датирует это событие). Конечно, и прием Константином Ольги в качестве русской княгини был проведен на высоком уровне: в дружественных отношениях двух стран давно назрела необходимость. Таким образом, болгарское происхождение Ольги нельзя считать достоверным.

Дата рождения Ольги неизвестна, но хронологические ее рамки определить можно. Летописная дата брака с Игорем — 903 г., дата смерти — 11 июля 969 г.[196] Устюжский летописный свод (начало XVI в.) под 912 г. сообщает, что Ольге было 10 лет, когда ее "привели" к Игорю[197]. Следовательно, она родилась около 893 г. (Эту дату принял и А.-Л. Шлёцер[198].) В "Проложном житии Ольги" говорится, что она умерла в возрасте 75 лет, т. е. родилась около 894 г., что согласуется с предыдущей датой[199]. Мазуринский летописец (XVII в.) отмечает: "Всех же лет живота ее бяше 80, инда пишет 88 лет"[200]. Следовательно, дата рождения отодвинута на 880-е гг. В.Н. Татищев, исходя из 955 г. как года крещения Ольги в Константинополе, отмечал, что ей было тогда 68 лет, т. е. дата рождения — 887 г.[201] В историографии или поддерживали татищевскую датировку[202], или датировку 894 г.[203] Особняком стоит позиция Б.А. Рыбакова, который, признавая дату рождения Святослава как 942 г., отодвинул рождение Ольги на 920-е гг. (исходя из нелепости ее долгого бесплодия[204]). Однако этот аргумент чисто логический, и поэтому гипотеза Рыбакова кажется искусственной. Думается, логично предположить, что Ольга родилась где-то в конце 880-х — начале 890-х гг.

При жизни мужа Ольга занимала определенные позиции в государственном управлении, что подтверждает присутствие ее особого посла при переговорах с византийцами в 944 г.[205] После смерти Игоря к Ольге сватался древлянский князь Мал, что неудивительно, поскольку в

древних обществах убийца князя мог взять в жены его вдову вместе с принадлежащей ей властью[206]. Далее в летописи следует рассказ о мести Ольги древлянам (первое посольство закопали в земле, второе сожгли в бане). Рассказ носит ясно выраженный легендарный характер (исторически сложно представить, чтобы древляне направляли к Ольге новых послов, даже не поинтересовавшись, что стало с их предшественниками). Как отмечает О.В. Творогов, три мести Ольги "как бы отражают элементы языческого похоронного обряда": покойника несли в лодке, затем сжигали, а потом следовала тризна; М.Н. Виролайнен, развивая мысли Д.С. Лихачёва, видит в преданиях об Ольге отражение фольклорных мотивов, связанных со свадебной обрядностью[207]. Аналогии преданий, обобщенные Е.А. Рыдзевской, показывают, что мотив сожжения в доме распространен в легендах ряда народов. Ближайшей аналогией Рыдзевская считает рассказ ряда скандинавских саг о том, как шведская королева Сигрид Сторрада сожгла двух своих женихов на пиру в доме. Одним из них был некий Виссавальд из Руси. Этот факт, по ее мнению, может свидетельствовать о том, что русское предание об Ольге попало в Швецию[208]. Сходство обоих сюжетов отмечалось и другими исследователями[209]. Т.Н. Джаксон полагает, что здесь можно видеть общность сказаний и легенд, "возникшую вследствие общего стадиального развития славян и скандинавов эпохи викингов"[210]. Однако можно возразить, ведь аналогия рассказа летописи повествованию саг не полная: имеет место лишь факт сожжения людей где-то, а обстоятельства событий, их причины, сам ход рассказа в обоих источниках совершенно различны. Представляется сомнительным сопоставление легенды об Ольге с преданием о Сигрид хотя бы потому, что мотив сожжения людей в замкнутом пространстве можно обнаружить в какой угодно эпической традиции: это общий фольклорный элемент, распространенный в разных культурах.

Следующий эпизод летописи – тризна Ольги по Игорю, во время которой погибло 5000 древлян. Описание тризны сопоставимо с описанием похоронного обряда гуннов над Аттилой (так называемая страва в "Гетике" Иордана)[211]. Оба описания подтверждают схожесть обрядов[212]. Сожжение Искоростеня с помощью птиц (946 г.)

(практически такое неосуществимо, птицы с горящей паклей не летят в свои гнезда) обнаруживает параллели в рассказах Саксона Грамматика и "Хеймскрингла". По мнению Е.А. Рыдзевской, в основе легенд у Саксона и Снорри лежит русское предание об Ольге. Обычай поджигать хвосты птицам вообще очень древний, он имел культовое значение[213], однако его использование в качестве военной хитрости отмечено в легендах северных народов (в том числе в Англии, куда, возможно, мотив был занесен норманнами). Вполне вероятно, что различные культурные традиции развивались параллельно, имея какой-то общий фольклорный источник. Возможно также, что таким образом в легенде об Ольге отражено использование при взятии Искоростеня специальных зажигательных стрел[214].

Важным фактом биографии Ольги было ее крещение в Константинополе, которое отразилось в ряде источников. Оно известно по ПВЛ, где датируется летом 955 г. (как показал Г.Г. Литаврин, к ПВЛ восходит и датировка Иакова Мниха, писавшего, что Ольга прожила христианкой 15 лет. Впрочем, в трех Новгородских летописях крещение Ольги датировано 6466, т. е. 957/958 гг. по сентябрьскому стилю)[215]. Константин Багрянородный в книге "О церемониях византийского двора" описал два приема Ольги при дворе (9 сентября, в среду, и 18 октября, в воскресенье, без указания года), но ни словом не обмолвился о ее крещении в Константинополе, называя княгиню ее языческим именем[216]. В "Хронике Продолжателя Регинона Прюмского" (вероятный автор — епископ Адальберт, пытавшийся вести миссионерскую деятельность на Руси) крещение Ольги датируется 959 г., в правление императора Романа[217]. Наконец, Скилица отметил, что Ольга крестилась после смерти мужа, но не датировал крещение[218]. Исходя из хронологических указаний Константина, Ольга могла креститься или в 946, или в 957 г. Такая неопределенность известий источников породила дискуссии в историографии по поводу даты и места крещения русской княгини: (подробный обзор сделал в 1980 г. А.Н. Сахаров в книге "Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в.").

1. Ряд историков приняли дату 957 г., при этом датировка ПВЛ считалась ошибочной, а неупоминание Кон-

стантином крещения объяснялось другими задачами самой книги "О церемониях..."[219].

2. М.Д. Присёлков предположил, что Ольга ездила в Константинополь дважды: в 955 г. приняла крещение, а в 957 г. приезжала еще раз. Так данные Константина были "увязаны" с летописными. В более поздней работе Присёлков, однако, присоединился к первой из отмечаемых здесь позиций[220].

3. Предположения В.А. Пархоменко, как всегда, отличались оригинальностью. По его мнению, Ольга ездила в Константинополь трижды: в 945 г. или 955 г., в 957 г. (по данным Константина, она была еще некрещеной) и в 960–961 гг. (крестилась после провала миссии Адальберта и попыток установить связь с Римом). Последнюю дату Пархоменко вывел из сообщения "Хроники Продолжателя Регинона Прюлеского", так как в начале 960-х гг. императором был уже Роман II[221].

4. А.Г. Кузьмин считал, что Ольга крестилась в Константинополе в 959 г. во время правления Романа. По сути это видоизмененная версия Пархоменко[222].

5. Ольга крестилась в Киеве[223]. Основными аргументами в пользу этого являются датировка Иакова Мниха (954/955) и присутствие в свите Ольги в Византии священника Григория. Ольга вторично, официально, крестилась в Константинополе в 957 г. (архиепископ Макарий) или ездила в Византию, но не крестилась (А. Боак, В.Т. Пашуто и др.). Е.Е. Голубинский относил крещение Ольги в Киеве ко времени между 952 и 957 гг. А.Н. Сахаров не отвергает этой версии, полагая, что Ольга могла креститься в Киеве, но это не имело политического эффекта, а ее крещение в Константинополе было далеко рассчитанным политическим шагом[224]. Однако еще В.В. Мавродин заметил, что священник в свите Ольги мог быть не духовником, а переводчиком или даже духовником какого-то другого представителя династии, поскольку вместе с Ольгой приехали родственники[225]. Кроме того, о язычестве Ольги свидетельствует факт употребления Константином имени Елга.

6. Ольга посетила столицу Византии в 957 г., будучи язычницей, а крестилась на Руси в период между ноябрем 959 г. и 961 г., когда единолично правил Роман II[226].

7. Прием, описанный Константином, имел место не в

957 г., а в сентябре – октябре 946 г., причем, вероятно, Ольга не крестилась[227]. Г.Г. Литаврин снял возможные контраргументы, показав, что Роман II стал соправителем Константина 6.4.945 г., что он тогда уже был женат на малолетней дочери графа Гуго Арльского Берте, присутствовавшей на приеме, и что хронология приемов для всей 15-й главы трактата Константина укладывается в рамки мая – октября 946 г. Второе посещение Ольгой Константинополя Литаврин относит к 945/955 г., когда княгиня крестилась и император назвал ее своей "дочерью"[228]. Гипотеза Литаврина была поддержана О.В. Творговым и другими историками[229].

8. Ольга ездила в Константинополь дважды: и в 946, и в 957 гг., а Константин объединил описание двух приемов в одном пассаже своего труда[230].

9. О.М. Рапов выдвинул свою версию[231]. Он признал датировку Литаврина, но решил, что в 946 г. Ольга уже была христианкой (Ольга сидела за одним столом с христианами – византийцами, в свите был священник Григорий, а имя Елга ничего не значит, так как языческое имя употреблялось наравне с христианским; Святого Владимира, например, в источниках не называли Василием). Следовательно, Ольга крестилась раньше. Рапов, опираясь на данные "Продолжателя Регинона...", предположил, что в этом тексте имеется в виду не Роман II, а Роман I Лакапин (император до 16.12.944 г.). По Скилице, Ольга крестилась, "когда умер ее муж", в начале правления Константина, который был некоторое время соправителем Романа Лакапина. На основании Ибн Мискавейха, датировавшего каспийский поход руси 943 г. (о том, что эта дата неверна, см. предыдущий раздел), Рапов отнес гибель Игоря к осени 943 г. или зиме 943/44 г.; следовательно, Ольга крестилась в Константинополе весной или летом 944 г. Как видим, эта версия основана на неверной датировке смерти Игоря и поэтому не выдерживает критики. По мнению Рапова, Игорь исповедовал славянскую языческую веру (клятва перед статуей Перуна в договоре 944 г.), значит, Ольга согласно "славянскому языческому кодексу" не имела права жить. Избежать смерти ей помогли крещение в Константинополе и поддержка Византии. Роман мог свататься к Ольге, поскольку к тому времени овдовел, но Ольга

"переклюкала" его, а темный и неграмотный василевс даже не знал, что крестный не может жениться на крестнице. На Руси Ольга скрывала свое крещение, второй раз поехала в Византию при смене власти (императором стал Константин), а датировку Иакова Мниха Рапов объяснил ошибкой переписчика: вместо "ЕІ" – 15 должно было стоять "КЕ" – 25. Таким образом, выстраивается картина допущений и натяжек: обычай обязательной смерти жены после смерти мужа у славян исходит в основном из логического рассуждения и плохо подтверждается источниками [ср. известие о славянах в трактате византийского императора Маврикия "Стратегикон" (конец VI в.)], а допущение ошибки у Иакова Мниха не подкрепляется источниковедческими наблюдениями и остается чистым предположением[232]. Наличие священника в свите может, кстати, свидетельствовать о предполагавшемся крещении княгини, к которому ее и должен был подготовить Григорий. А сватовство императора к Ольге можно рассматривать и как легенду, так как и в 946, и в 955, и тем более в 957 г. Ольга уже вышла из "брачного возраста" (а император Константин, конечно, знал о невозможности брака крестного с крестницей), и как реальность, поскольку к ней сватался Мал в 945 г., а в Византии известен случай замужества 64-летней императрицы Зои.

В настоящее время в российской историографии продолжают жить две гипотезы о крещении Ольги: "литавринская" – 946 г. и более "традиционная", относящая крещение в Константинополе к 957 г. Последнюю отстаивает в своих трудах А.В. Назаренко[233]. Полемика продолжается, но совершенно очевидно, что версия о поездке Ольги в Константинополь в 946 г. более обоснованна и аргументированна хронологией событий, описанных в 15-й главе в целом. Гипотеза же о крещении в 957 г. строится на шатких допущениях, слабо подкрепленных данными источников. Собственно Ольга могла совершить и несколько поездок в Византию. Константин описал прием 946 г., но княгиня могла побывать в Константинополе и в 954 г. или 955 г., что не противоречит датировке ПВЛ.

Христианским именем Ольги стало имя Елена. Летопись говорит, что Ольга приняла это имя в память мате-

ри императора Константина Великого равноапостольной Елены. Однако некоторые исследователи полагают, что это известие является "идеологической конструкцией XI в." и Ольга была названа в честь жены Константина VII[234]. Эта деталь "свидетельствует о глубоком политическом содержании крещения русской княгини"[235] и, возможно, о стремлении Византии "установить с ее помощью христианство на Руси как официальную религию"[236]. Одновременно, правда не слишком удачно, Ольга стремилась установить контакты и с Римом.

Ольга умерла 11.7.969 г. и была похоронена по христианскому обряду. В 1007 г. ее останки были перенесены в Десятинную церковь, построенную в 996 г. Русская православная церковь причислила Ольгу к лику святых как первую христианку в княжеской семье.

Сыном Игоря и Ольги ПВЛ называет Святослава, но точно его рождение не датирует. Известно лишь, что в 945–946 гг. Святослав был ребенком. Ипатьевская, Воскресенская и другие летописи отмечают рождение Святослава под 942 г.[237] Это, впрочем, противоречит другим летописным данным: ведь Игорь родился в конце 870-х гг., Ольга – в 880-х, самое позднее в начале 890-х гг., а поженились они в 903 г. Получается, что только через 40 лет у двух пожилых людей родился сын. Соответственно возникает необходимость каким-то образом объяснить летописные сведения. Иногда предположения на этот счет сводились к нигилистическому отношению к начальной генеалогии Рюриковичей вообще. Так, С.П. Толстов писал о "мафусаиловом" возрасте Игоря и Ольги ("настоящие Авраам и Сарра"), "сознательной фальсификации родословной", о том, что "генеалогия Рюриковичей до Святослава шита белыми нитками", полностью согласившись с мнением М.Н. Тихомирова, что целью летописца было "историческое обоснование прав династии Ярослава Мудрого, пришедшего на Киевский стол из Новгорода при помощи варяжских наемников"[238]. Л.Н. Гумилёв полагал, что Святослав вовсе не был сыном Игоря (или сыном другого Игоря, но не Игоря Рюриковича)[239]. Б.А. Рыбаков на основании даты 942 г. "передвинул" рождение Ольги на 30 лет вперед[240]. Другие исследователи пытались "восстановить" "пропущенные" поколения. Как бы то ни

было, принимая дату 942 г., придется исключить родственную связь Святослава не только с Игорем, но и с Ольгой. Однако источников, позволяющих поставить эту связь под сомнение, нет. Во всех летописях и у иностранных авторов, таких, как Константин Багрянородный и Лев Диакон, Святослав назван сыном Игоря и Ольги. Следовательно, или надо признать, что Святослав приемный сын княжеской четы, или что было два Игоря (Рюрикович и второй, убитый древлянами), или поставить под сомнение датировку 942 г. Два первых пути были бы источниковедчески не корректны и являлись бы простым домысливанием ситуации, поскольку свидетельств каких бы то ни было источников, пусть даже косвенных, которые могли бы подтвердить эти положения, в распоряжении исследователя нет. Для третьего пути, напротив, могут возникнуть некоторые основания[241]. Согласно "Летописцу Переяславля-Суздальского" Владимир, умерший в 1015 г., прожил 73 года, т. е. родился в 941–942 гг., а ведь он не был первенцем Святослава[242]. Титмар Мерзебургский писал, что Владимир "дожил до преклонного возраста", "отягченный годами", что вряд ли можно отнести к человеку, умершему в возрасте 50 с небольшим лет[243]. По мнению П.П. Толочко, посажение Святославичей в 970 г. князьями может свидетельствовать об их достаточно взрослом возрасте[244]. По данным В.Н. Татищева, сославшегося на Ростовскую и Новгородскую летописи, Святослав родился в 920 г.[245] Это известие, очевидно, было учтено Н.М. Карамзиным, предложившим датировать рождение Святослава примерно 933 г. (ему было 12 лет в 945 г.)[246]. И наконец, сообщение Константина Багрянородного ("Об управлении Империей", гл. 9): сын Ингора Сфендослав сидел в Немогарде (большинство исследователей видят в этом ойкониме Новгород – историографический обзор дан в комментарии к сочинению Константина)[247]. По-видимому, Святослав княжил в Новгороде до того, как официально стал князем Киевским, т. е. до осени 944 г. Х. Ловмяньский полагал, что о княжении Святослава в Немогарде Константин знал уже во время заключения русско-византийского договора 944 г., где Святослав был представлен своим послом Вуефастом[248]. По мнению комментаторов Константина, упоминание княжения

Святослава может служить датирующим признаком для всей 9-й главы: около 944 г.[249] В таком случае совершенно непонятно, как двухлетний младенец мог княжить в таком крупном центре Руси, да еще и посылать своего представителя на переговоры (ср., впрочем, мнение А.Ю. Карпова, который полагает, что участие в переговорах представителя Святослава "было обязательным и носило этикетный характер вне зависимости от возраста князя"[250], но не объясняет почему). Конечно, можно предположить, что за Святослава правил кормилец Асмуд[251], т. е. и княжение, и посольство были простыми формальностями; но тогда какой они имели смысл? Княжичи на Руси могли принимать участие во взрослой жизни с семи-восьми лет, но чтобы младенец двух лет был представлен особо на внешнеполитических переговорах и формально был князем во втором по значению русском городе (причем Константин пишет, что Святослав именно "сидел", княжил, а не просто владел, т. е. предполагаются какие-то элементы реального действия) — такого никогда не бывало ни до, ни после Святослава.

Всё это позволяет сделать вывод, что Святослав родился раньше 942 г., возможно, в начале 920-х гг. — на 20 лет ранее датировки Ипатьевской летописи. Ошибку можно объяснить, предположив, что около 942 г. родился не Святослав, а кто-то из его сыновей. На еще одну сторону этой проблемы обратил внимание С.М. Соловьёв[252]. По летописям известен рассказ о том, что мать Святополка Окаянного была приведена Ярополку в жены Святославом, причем первоначально она была монахиней[253]. Если за этой легендой стоит исторический факт, то в 970 г. Ярополк уже был женат, что плохо согласуется с датой рождения Святослава в 942 г. Соловьёв объяснил это тем, что князья могли женить и своих малолетних детей, даже если невеста намного старше: "разница лет при многоженстве ничего не значила". Однако само летописное известие лишний раз свидетельствует о сложности рассматриваемой проблемы.

При анализе датировки рождения Святослава бросается в глаза аналогия с таким же поздним рождением Игоря. По летописным данным, Игорь в момент смерти Рюрика был еще очень мал (по Воскресенской — двух лет от роду). Святослав как бы повторяет эту ситуацию: ему

примерно три года (если признать, что Игорь погиб поздней осенью 944 г., то Святославу тоже было два года). При Игоре — воспитатель Олег, который фактически является самостоятельным князем вплоть до смерти. При Святославе — Ольга, которая также удерживает бразды правления в своих руках очень долго. Может быть, с помощью аналогии с Игорем летописец попытался объяснить фактическую узурпацию власти Ольгой, представив Святослава ребенком?

О.М. Рапов привел также интересное соображение по поводу присутствия Святослава в войске перед битвой с древлянами. Само по себе это представляется маловероятным, поскольку детей, а тем более княжичей, в Древней Руси на битву не брали (ср. с эпизодом 1153 г., когда галичане не допустили Ярослава Осмомысла в сражение, хотя он был много старше Святослава по возрасту)[254]. О.М. Рапову принадлежит также еще одна версия о дате рождения Святослава. Первоначально исследователь принял 920 г. годом рождения князя, но затем предположил, что Святослав родился в 927 г. (у Игоря и Ольги было два сына с именем Святослав: один, упомянутый В.Н. Татищевым, родился в 920 г. и вскоре умер, второй, будущий великий князь, — в 927 г.). Основанием для этого послужила запись в Воскресенской и Ипатьевской летописях под 6450 г. о смерти болгарского царя Симеона, после которого следовало сообщение о рождении Святослава ("в се же лето родился Святослав у Игоря"). Поскольку Симеон умер в 927 г. и если летописец пользовался "особым хронографом", где фиксировались события византийской, болгарской и русской истории, то и Святослав родился тоже в 927 г.[255] Запись о смерти Симеона датирована 6450 (942) г. и в Лаврентьевской летописи[256]. Еще Д.С. Лихачёв объяснил неправильную датировку тем, что Симеон скончался в 15-й индикт, который приходился и на 927 и на 942 гг. (в "Хронике Продолжателя Георгия Амартола", которым пользовался составитель ПВЛ, смерть Симеона датирована по индикту), эту мысль повторил и О.М. Рапов[257].

С критикой предположения Рапова выступил А.Ю. Карпов, справедливо отметивший, что известие о рождении Святослава не зависит от сообщения о смерти Симеона. Он объяснил появление Святослава в Ипатьев-

ской и Воскресенской летописях хронологическими расчетами их составителей, которые исходили из малолетства Святослава в момент смерти Игоря[258]. Действительно, само наличие в Лаврентьевской редакции ПВЛ отдельной записи о смерти Симеона подтверждает отсутствие первоначальной связи обоих сообщений. Если Святослав родился раньше, то получается, что Ольга просто отстранила сына от верховной власти, захватив в свои руки управление страной. В Скандинавии женщины могли играть заметную роль в политической жизни, хотя от престолонаследия и устранялись[259]. В договоре 944 г. Ольга представлена собственным послом, третьим по счету после посланников Игоря и Святослава. Описание приема Ольги у Константина Багрянородного рисует схожую картину. Г.Г. Литаврин отметил, что дары, поднесенные послам Святослава (в отличие от послов Ольги), были чрезвычайно скромными. Цифры денежных сумм настолько малосопоставимы, что Литаврин заключил: "...объем полномочий княгини во время малолетства Святослава следует трактовать не как простое регентство, а как абсолютное полновластие, при котором окружавшие подраставшего наследника люди занимали третьеразрядное место в киевской придворной иерархии"[260]. На это обратил внимание и О.М. Рапов, заметив, что Константин мельком упомянул послов Святослава, а во время второго приема послов князя уже и не было[261]. Ольга везде действует самостоятельно, действительно являясь полноправной правительницей государства. Но когда же реально начал княжить Святослав?

Традиционно в отечественной историографии приводят даты княжения Святослава как 964–972 (соответственно Ольги – 945–964), но в летописях ничего не сообщается о передаче Ольгой власти сыну в 964 г. Просто сообщается, что он "возмужал" (странно поздно – в 22 года, если исходить из даты его рождения под 942 г., в таком случае "регентство" Ольги слишком затянулось) и начал военные походы[262], что отнюдь не свидетельствует о начале самостоятельного княжения. Резкий переход Святослава к активным внешнеполитическим действиям истолковывался некоторыми историками как государственный переворот[263]. С этим, в частности, связан факт неудачи миссии Адальберта, а следовательно, и

всей политики христианизации, проводимой Ольгой. Языческая сила взяла верх, и власть ушла из рук христианской партии. Но в любом случае и добровольная передача[264], и государственный переворот предполагают прежде всего захват рычагов управления, контроля над внутренней ситуацией. В случае Святослава это не наблюдается. Он проявляет исключительно внешнеполитическую активность, его внимание направлено вовне Руси (он даже хочет остаться в Переяславце на Дунае), а Ольга постоянно находится в Киеве и даже пытается защищать город от печенегов (968 г.)[265]. Я полагаю, что Ольга никогда не отдавала свою власть сыну. Она до смерти сохраняла положение полновластной правительницы, а бурная военная деятельность Святослава, буквально рвавшегося за пределы Руси, ясно показывает, КТО на самом деле управлял государством. Интересно отметить, что Святослав, вернувшись из очередного похода, раздал сыновьям уделы на Руси только после смерти матери (в 970 г.), когда уже вся власть полностью принадлежала ему. Отношения Ольги и Святослава, вероятно, были сложными. Некоторые исследователи (например, Н.Л. Пушкарёва) рисуют их радужными, трогательными, исполненными добротой и почтением[266]. При этом ссылаются на статьи в ПВЛ под 955 г., где говорится о том, что Ольга, несмотря на отказ Святослава креститься, любила его, и под 969 г., когда Ольга попросила сына повременить с очередным военным походом, поскольку была при смерти[267]. Сын послушал мать, но в этом нет ничего особенного, что свидетельствовало бы о безграничном почтении и преданной любви. В других местах присутствуют иные слова: "Се же... гневашеся на матерь" (ПВЛ под 955 г.)[268], говорится о негативном отношении Святослава к христианству, объясняющемся и влиянием языческой дружины, и, очевидно, противодействием попыткам Ольги приобщить сына к христианству. После смерти Ольги Святослав, судя по всему, занял по отношению к христианам резко отрицательную позицию. Узурпация власти Ольгой объясняет ошибочное, а может быть, и сознательное уменьшение возраста Святослава летописцами.

Интересно, что, принадлежа к варяжской по происхождению династии, Святослав носил чисто славянское

имя. Этот факт, по мнению Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, "является важным свидетельством быстрой — в третьем поколении — ассимиляции династии русских князей в славянской среде"[269]. У Константина Багрянородного и Льва Диакона имя князя передано как "Сфендослав", что показывает сохранение в то время в славянском языке носовых гласных[270]. Факт первоначального княжения Святослава в Новгороде можно рассматривать по сути как самое раннее проявление династической традиции Рюриковичей сажать на новгородский стол старшего сына, наследника или одного из сыновей великого князя (аналогии — Владимир Святославич, Вышеслав и Ярослав Владимировичи, Владимир Ярославич, Мстислав Великий и др.). Таким образом, подчеркивалось и единство двух важнейших древнерусских центров, и особое положение Новгорода в системе древнерусского государства. Святослав начал эту традицию, возникшую почти сразу после оформления Киева как древнерусской столицы (Игорь — первый киевский князь-Рюрикович).

С именем Святослава связан ряд легенд, обнаруживающих параллели в других культурах и у других народов. Так, начало бою с древлянами в 946 г. положил Святослав, бросив в древлянскую рать копье. Как показала Е.А. Рыдзевская, этот обычай начала битвы широко известен в скандинавских сагах, в древней Германии и других странах и, очевидно, восходит к древнеримской традиции объявления войн. Испытание Святослава дарами тоже находит аналогии в скандинавской традиции, но связь здесь скорее обратная (конунг Сигурд из "Гнилой Кожи" и император Алексей Комнин, Сигурд был женат на дочери Мстислава Великого — Малмфрид)[271].

Военная деятельность Святослава была чрезвычайно активной[272]. Весной 972 г. князь погиб в стычке с печенегами у Днепровских порогов (ПВЛ рассказывает, как хан Куря сделал из черепа Святослава чашу для вина, полагая, что таким образом к нему перейдут достоинства этого человека)[273].

Очевидно, что третье поколение Рюриковичей состояло не из одного Святослава. Помимо двух его двоюродных братьев в договоре 944 г. упомянуто еще несколько человек, которые, по всей видимости, принадлежали к

династии. Это расположенные в тексте между Игорем и Акуном имена: Владислав, Предслава, Сфандра, Турод, Фаст, Сфирька[274]. Два первых имени — славянские, Сфандра названа женой некоего Улеба. Сам Улеб в договоре не упомянут, а потому С.М. Соловьёв полагал, что Сфандра была уже вдовой[275]. Но в тексте она названа именно женой, поэтому Улеб в 944 г. мог быть жив. В историографии делались попытки проследить генеалогию этих лиц, но все они базировались на чистой логике расположения имен в тексте, что само по себе не дает возможности достоверно восстановить картину. Однако два лица из этого списка упоминаются В.Н. Татищевым, ссылавшимся на Иоакимовскую летопись[276]. Улеб (Глеб) был братом Святослава, христианином, во время репрессий против христиан в 971 г. принял мученическую смерть от руки старшего брата. Это известие никакими другими источниками не подтверждается. Улеб и Глеб — имена разные, оба имеют скандинавское происхождение: Улеб — Oleifr, Глеб — Gudleifr[277]. О.М. Рапов, с доверием отнесшийся к татищевским известиям, предположил, что имя Улеба было вычеркнуто из договора редактором или летописцем по каким-то причинам (непонятно только, почему осталось имя "жены Улеба"). Поскольку Улеб был христианином, он являлся естественным союзником византийцев, поэтому в 970-х гг. его считали "предателем интересов собственной страны" и "потому вычеркнули его имя из истории" в начале XII в., при составлении ПВЛ[278]. Такое объяснение кажется странным, поскольку в представлении православного летописца Улеб должен был выглядеть мучеником, принявшим смерть за веру Христову, а значит, его фигуру следовало особенно выделить. Ничего же подобного не произошло, и достоверность татищевского известия сложно подтвердить. Думается, в тексте договора имя Улеба, некоего родственника Рюриковичей и мужа Сфандры, стояло. После посла Игоря-"племянника" здесь значится Улеб — посол Владислава; может быть, в тексте какая-то ошибка, и Улеб таким образом превратился из князя в посла? Славянское имя Владислав заставило некоторых историков считать его братом Святослава[279]. Предположение о личности Предславы сделал В.Н. Татищев. В Иоакимовской летописи упоминались

жена Святослава и мать Ярополка и Олега – некая венгерская княжна. Татищев отождествил ее с Предславой договора 944 г. и представил эту гипотезу как утверждение[280]. Предслава стала "кочевать" по генеалогическим работам дореволюционных компиляторов, иногда "превращаясь" в княжну болгарскую[281]. Кроме того, Сфандру Татищев интерпретировал как Эфанду, одноименную жене Рюрика и названную так "в память" о ней[282].

Из всего вышесказанного получается довольно логичная схема: великий князь Игорь, его сын и наследник Святослав, Ольга, племянник Игоря Игорь, еще два сына Игоря – Улеб и Владислав, жена наследника Предслава, жена второго сына великого князя Сфандра, потом трое неизвестных и еще один племянник Игоря Рюриковича Акун. Историки пытались предложить и другие варианты: например, Улеб – племянник Игоря Рюриковича[283], Предслава и Сфандра – дочери двух племянников Игоря Рюриковича[284] и т. д. Войтович полагает, что Улеб и Предслава могли быть детьми Игоря не от Ольги, а от другой жены, и Улеб мог быть даже старше Святослава[285]. Но все это догадки, предположения. Источники же не дают нам ответа на вопрос, кем были все эти перечисленные в договоре люди, названные между двумя племянниками Игоря Рюриковича. Ясно лишь, что род Рюриковичей был разветвленным и не ограничивался именами Игоря, Ольги и Святослава.

Помимо одной жены, матери Ярополка и Олега (которую Л.В. Войтович, основываясь на утверждении Татищева, "сделал" дочерью венгерского князя ташконя[286]), Святослав имел наложницу Малушу, мать Святого Владимира. С ней тоже связана одна генеалогическая гипотеза. По сообщениям летописей, Малуша было дочерью некоего Малка Любечанина, сестрой Добрыни (воеводы Владимира), ключницей княгини Ольги. По сути она являлась рабыней. Ольга за что-то ее недолюбливала и преследовала, в гневе отослав из Будутиной веси, где родился Владимир и где находилось село, принадлежавшее княгине (Никоновская летопись)[287]. Больше о Малуше ничего не известно. Однако историки пытались прояснить ее происхождение и даже биографию. Еще Д.И. Прозоровский отождествил Малка Любечанина с древлянским князем Малом[288]. "Глобальную" теорию на

этот счет высказал А.А. Шахматов[289]. Основной ход его мысли таков: в ПВЛ упоминается сын Свенельда Мстиша или Мистиша (т. е., очевидно, Мстислав) под 945 г., а также другой сын — Лют, которого убил Олег Святославич в 975 г., из-за чего и вспыхнула усобица между сыновьями Святослава. Статью 975 г. об этом убийстве Шахматов определил как вставку, а Люта отождествил с Мстишей, поскольку в Новгородской IV летописи и в Симоновом сказании о создании Печерской церкви князь Мстислав Владимирович Храбрый назван Мстиславом Лютым (т. е. Мстислав Лютый — некая фольклорная связка). Далее, по мнению Шахматова, конфликт с древлянами в 945 г. произошел оттого, что Игорь попытался собрать дань, принадлежавшую Свенельду. Враги схлестнулись в борьбе, и сын Свенельда Мстиша (он же Лют) убил Игоря. Теперь, оказывается, этот Мстиша-Лют являлся древлянским князем Малом, так как Длугош называл Мала Мискиней, а Густынская летопись и М. Стрыйковский — Нискиней. Мал-Мискиня-Лют-Мстислав-Мстиша тождествен Малку Любечанину, так как Добрыня (сын Малка) в фольклоре фигурирует с отчеством Никитич (т. е. Нискинич, Мискинич и т. д.), а сам Мал был не обязательно князем Искоростеня, а князем Кольца, т. е. Клеческа (ссылка на позднейшее Сказание). Таким образом, Мал Колчанин тождествен Малко Любечанину (летописец просто ошибся в передаче прозвища); кроме того, Ольга могла выслать семью древлянского князя в Любеч (!). Этот князь Мал, он же Мал Колчанин, он же Малко Любечанин, тождествен Люту Свенельдичу, Мискине, Нискине, Мстиславу Лютому, Мстише Свенельдичу, Никите Залешанину. Соответственно Малуша оказалась дочерью этого многоименного персонажа. При этом она еще отождествлена Шахматовым с некоей Малфредью, о смерти которой ПВЛ сообщает под 1000 г. (Малфредь-Малуша-Малка). Дочь Мстислава Великого Малфредь (собств. Малмфрид) была названа, таким образом, в честь своей пра-пра-пра-прабабки. Свенельда летописец, оказывается, тоже путал и называл иногда Блудом. В целом у Шахматова получается такая генеалогия: 1) Свенельд; 2) Мал-Мискиня-Нискиня-Мстиша-Лют-Малко Любечанин-Никита Залешанин-Мстислав Лютый, князь Кольца-Клеческа, убий-

ца Игоря, отправленный Ольгой в Любеч; 3) Малуша-Малка-Мадфрида-Малфредь и Добрыня (Никитич и т. д.); 4) Владимир, сын Малуши. Так Шахматов связал воедино чуть ли не всех известных деятелей Руси X в.

Несмотря на то что эта гипотеза чрезвычайно уязвима и с источниковедческой (Шахматов опирался на поздние прочтения имен и источники сомнительной достоверности, например легенды и фольклор), и с лингвистической (тождество имен Шахматов не доказал, в некоторых случаях оно просто невозможно) точек зрения, она (или отдельные ее элементы) была принята некоторыми учеными, в частности Д.С. Лихачёвым, В.А. Пархоменко, Н.Т. Беляевым, Е.А. Рыдзевской и другими[290]. Против подобных построений резко выступил Х. Ловмяньский, назвавший гипотезу Шахматова "рискованным домыслом", основанным на "фантастическом предположении"[291]. Б.А. Рыбаков писал, что соответствующая глава книги Шахматова является "самым неубедительным местом" и "нагромождением натяжек"[292]. Это действительно так: гипотеза построена на слишком смелых допущениях; если усомниться хотя бы в одном из них, все "здание" неизбежно рушится. Приведем лишь самые простые смысловые контраргументы (наиболее обстоятельный разбор шахматовских построений и их критика содержатся в работах А.В. Соловьёва и А. Поппэ[293]).

1. Малфредь, упоминаемая ПВЛ под 1000 г., могла и не быть матерью Владимира, поскольку в источниках ничего не говорится о ее родстве с князем. Имя Малфредь восходит к скандинавскому Malmfridr[294]. Поэтому ее отождествление с чисто славянским именем Малуша невозможно. Имя Свенельд происходит от скандинавского Sveinaldr[295]. Мал, Малко, Добрыня, Мстислав (Мстиша) — имена чисто славянские. Кроме того, Иоакимовская летопись у Татищева упоминает жену Владимира с именем Малфредь. Соединение в одной статье известий о смерти двух жен князя кажется вполне естественным.

2. Трудно предположить, что ни один летописец не отметил родства Владимира с Малфредью, если бы она действительно была его матерью.

3. Город Клеческ, как показал Б.А. Рыбаков, далек от древлянской земли и находился на самом деле в земле дреговичей[296]. Первое упоминание о нем в летописях от-

носится только к 1127 г.[297], его существование в X в. необходимо еще доказать.

4. Если Игоря убил сын Свенельда, а Ольга жестоко расправилась с древлянами, почему сам Свенельд, отец убийцы, был воеводой и у Ольги, и у Святослава?

5. По мнению Б.А. Рыбакова, трудно предположить, что летописец мог неправильно назвать деда Владимира, "этого прославленного князя"[298]. Судя по обрывочному известию, летописец знал деда Владимира только по имени.

6. Почему Рогнеда назвала Владимира "робичичем", т. е. сыном рабыни, когда его предком был Свенельд, якобы владевший древлянами и уличами, а матерью — "природная" русская княжна?

7. Почему Свенельд был воеводой Ярополка, а не своего прямого потомка (правнука) Владимира? И каким образом прадед мог быть воеводой у сводного брата своего правнука?

8. Наконец, простейший генеалогический подсчет: Малуша родилась до 944/45 г. Следовательно, Мал — никак не позже 920, а Свенельд — не позже 900 г. (это лишь самые крайние даты, если исходить из 20 лет между поколениями). Получается, что 80-летний старик активно действовал в событиях усобицы Святославичей. Если же признать возможность рождения Святослава в начале 920-х гг., то предположения Шахматова выглядят абсолютно фантастичными.

9. Почему древлянская земля, если она был наследственным владением Малуши, а значит, и Владимира, отошла по разделу Святослава не законному ее наследнику, а Олегу?

Все эти несообразности ставят выводы Шахматова под серьезное сомнение, а его гипотезу делают крайне натянутой.

Мать Владимира упоминается также в скандинавских сагах, правда, без имени: в двух редакциях "Саги об Олаве Трюггвасоне" монаха Одда и в "Большой саге об Олаве Трюггвасоне"[299]. У конунга Гардарики Вальдамара была старая, дряхлая мать ("Большая сага..." говорит даже, что она была настолько немощна, что лежала в постели). Она считалась языческой пророчицей, и многие ее предсказания сбывались. В Гардарики существовал

обычай: в первый день йоля (языческий зимний праздник, впоследствии отождествленный с Рождеством), вечером, мать Владимира выносили в кресле в палату, ставили напротив места князя, и старая пророчица предсказывала будущее. Владимир относился к матери с большим уважением и почтением, спрашивал ее, не угрожает ли какая опасность Гардарики и т. д. В один из вечеров княгиня предсказала рождение в Норвегии Олава Трюггвасона, впоследствии побывавшего на Руси.

Мотив пророчества распространен в средневековой литературе. Исследователи приводили аналогии из скандинавских саг, из Библии и других культурных традиций[300], но, думается, это не может служить основанием для признания данного мотива чисто фольклорным и не имеющим под собой никакой реальной исторической основы. Другой вопрос, кто скрывается под именем матери Вальдамара. Ф.А. Браун полагал, что здесь имеется в виду бабка Владимира — Ольга; таким образом, в саге она предстает сразу в двух образах: матери князя и его жены Аллогии[301]. Вероятность воспоминаний об Ольге, отразившихся в образе пророчицы, признавали и признают и другие исследователи, в том числе Е.А. Рыдзевская и Т.Н. Джаксон[302]. Никак не могу принять такую трактовку! Сага ясно говорит о матери конунга, а не о бабке. Ольга же пророчицей никогда не была, тем более языческой, она стала христианкой, чего не могли не знать в Скандинавии. Ведь та же Аллогия выступает в саге в качестве непосредственного инициатора крещения Вальдамара. Русские источники называют Ольгу "мудрой", но это нисколько не равнозначно эпитету "вещая" (который закрепился за образом Олега). Нигде нет упоминаний о колдовстве и волховании Ольги, да и странным кажется само по себе "раздвоение" ее образа в саге. Очевидно, речь в данном случае может идти скорее о Малуше. Конечно, определить хронологию событий, описанных сагой, невозможно. По приблизительным датировкам, Олав был на Руси с 977/78 по 986/87 г.[303], поэтому упоминание сагой Малуши в целом может соответствовать хронологической канве истории Рюриковичей.

Глава 3

РЮРИКОВИЧИ В КОНЦЕ X – НАЧАЛЕ XI в.

Четвертое поколение Рюриковичей

Рождение сыновей Святослава в летописях не датировано, но, если исходить из рождения Святослава около 920 г., можно заключить, что, вероятно, к 972 г. им было лет 20–30. Княжение Ярополка плохо освещено источниками. Судя по всему, в первый период его правления большое влияние в политической жизни принадлежало Свенельду, который согласно ПВЛ стал инициатором усобицы Святославичей. После того как Олег погиб, задавленный массой людей и конских трупов в городском рве у Овруча, а Владимир бежал в "землю предков", Скандинавию, Ярополк объединил русские земли и ненадолго стал единовластным правителем Руси. К 978–979 гг. относится целый комплекс известий Никоновской летописи о внешнеполитической деятельности Ярополка: поход князя на печенегов и возложение на них дани, приход на службу в Киев орды некоего Илдея, посольства из Константинополя и Рима[1]. О византийском посольстве сообщается и в Воскресенской летописи[2]. Отношение к этим сообщениям в историографии было неоднозначным, некоторые историки признают их достоверность[3]. В Никоновской летописи под 6487 г. отмечены также солнечные и лунные затмения. Хронологическая проверка показывает, что действительно в 978–979 гг. могли иметь место затмения Луны и Солнца. Наличие исторических оснований в известиях Никоновской и Воскресенской летописей вероятно. Если это так, то, по-видимому, христианство в правление Ярополка могло получить определенную свободу для развития на Руси. Иоакимовская летопись от

мечает: "Ярополк же бе муж кроткий и милостивый ко всем, любяше християны, и асче сам не крестися народа ради, но никому не претяше... нелюбим есть у людей, зане християном даде волю велику..."[4]. Владимир, напротив, опирался на язычество, что видно из сообщений ПВЛ об установлении идолов в Киеве. Вышеназванные свидетельства способствовали возникновению в историографии образа Ярополка как приверженца христианства, который хотя сам крещен и не был[5], но под влиянием бабки Ольги или жены-гречанки испытывал к новой вере симпатии[6]. Другие историки писали об ориентации Ярополка на Запад в сторону формировавшегося католичества[7], а некоторые даже предположили крещение князя по западному обряду[8]. Однако в источниках нет никаких упоминаний о крещении Ярополка, за исключением известия Пискарёвского летописца под 980 г. (Ярополк княжил 50 лет, последние 17 христианином), которое носит явно фантастический характер[9]. Совершенно однозначно против возможности крещения Ярополка говорят следующие факты:

1. В источниках, которые свидетельствуют о "любви" Ярополка к христианам, ничего не сообщается о его крещении, а Иоакимовская летопись даже отмечает, что князь христианином не являлся.

2. Ярополк был многоженцем. Одной из его жен была пленная монашка-гречанка, приведенная к нему еще Святославом[10], а другой собиралась стать Рогнеда, отказавшая в том числе и на этом основании Владимиру. Причем гречанка в это время была жива и вскоре родила Святополка.

3. Под 1044 г. ПВЛ сообщает о перезахоронении Ярополка и Олега в Десятинной церкви и крещении останков братьев (!)[11]. В противоречии с этим находится известие ПВЛ под 977 г. о захоронении Олега в поле у Овруча и сохранении его могилы еще во времена составления летописи[12]. Однако "могилой" на Руси считалось не только захоронение, но и ритуальное место, курган — "памятник", поэтому несоответствие двух летописных свидетельств может быть кажущимся.

Если Ярополк и был заинтересован в христианстве, то его крещение оказалось невозможным, очевидно, из-за противодействия дружины (ср. с аналогичной ситуацией у Святослава), хотя киевляне своего князя поддерживали

(Блуд смог осуществить свой план убийства только в Родне). Археологические раскопки показывают, что Родень был одним из старых христианских центров Руси[13], поэтому бегство туда Ярополка выглядит естественным[14]. По данным ПВЛ, убийство Ярополка произошло в 980 г.[15] Но Иаков Мних отмечает, что Владимир вступил в Киев 11 июня 978 г.[16] ПВЛ под 6360 г. говорит, что Владимир княжил в Киеве 37 лет[17]. Это дало повод некоторым историкам (например, А.В. Назаренко) утверждать, что тем самым летопись согласна с датировкой Иакова Мниха (1015 – 37 = 978)[18]. На самом деле это не так, поскольку известие о 37 годах правления Владимира помещено в общий хронологический список княжений первых Рюриковичей. Если мы проанализируем список в целом (а не будем вырывать из него отдельные фразы), то разительных противоречий с летописной хронологией не найдем. Очевидно, в данном случае летописец использовал "включающий" счет, т. е. включал в общее число лет каждого правления и год начала правления, и год его конца. Это видно уже на примере хронологических рамок 1054–1113 гг., т. е. от смерти Ярослава до смерти Святополка II, когда летописец указал 60 прошедших лет (хотя при "формальном", линейно-арифметическом счете их 59: 1113 – 1054 = 59). Княжение Ярослава – 40 лет (1054 – 1015 = 39), Владимира – 37 (в таком случае надо вычитать 36: 1015 – 36 = 979), Ярополка – 8 (979 – 972 = 7), Святослава – 28 (972 – 945 = 27), далее число лет княжения Игоря указано как 33 (945 – – 912 = 33), хотя по идее должно было быть 34 (вероятно, летописец считал первым годом княжения Игоря 913 г., в таком случае, исходя из "включающего" счета, Игорь действительно княжил 33 года), затем княжение Олега в Киеве – 31 год (912 – 882 = 30). Такой подсчет объясняет то, что летописец указал период от смерти Святослава, т. е. от 972 г., до смерти Ярослава, т. е. 1054 г., 85 лет (при "формальном" счете всего 82: 1054 – – 972 = 82), суммировав княжения Ярополка, Владимира и Ярослава: 8 + 37 + 40 = 85. Поэтому датировка в ПВЛ под 6360 г. указывает на начало княжения Владимира не 978, а 979 г. Исходя из этого, предположения Е.Е. Голубинского, а вслед за ним и А.В. Назаренко о том, что летописец считал началом княжения Яро-

полка 970 г., когда тот был посажен отцом в Киеве (970 + 8 = 978)[19], неверны. Летописец считал правление Ярополка от гибели Святослава, что видно и из перечня 6360 г., и из известия ПВЛ под 6481 (973) г.: "начал княжить Ярополк". Кстати, если принять 973 г. за первый год княжения Ярополка, то получается, что он действительно княжил восемь лет (973, 974, 975, 976, 977, 978, 979 и 980 гг.). Никакого существенного противоречия известия ПВЛ по этому поводу не содержат. Остается неясной датировка Иакова Мниха: Владимир сел в Киеве в восьмое лето "по смерти отца своего Святослава", 11 июня 6486 г. Это означает, что согласно Иакову Святослав погиб в 6478 г., т. е. в 970 г. По летописи же, Святослав погиб весной 6480 г., и восьмое лето после его смерти будет приходиться на 6488 г. (т. е. как раз на 980 г.). Очевидно, датировка Иакова неточна. Можно предположить, что как раз он и исходил в своих расчетах из факта начала киевского княжения Ярополка в 970 г., неверно сопоставив его с гибелью Святослава. Тем не менее исследователи пытались опереться на дату 978 г. и исходя из этого как-то объяснить известия Никоновской и Воскресенской летописей за 978 и 979 гг. Так, А.В. Назаренко полагает, что эти известия первоначально могли не иметь хронологической сетки и содержать только относительную хронологию событий ("в такое-то лето...")[20]. Очевидно, что этот вывод основан лишь на предположении. О.М. Рапов свидетельство Никоновской летописи о "знамениях в луне, и в солнце, и в звездах" сопоставил с появлением кометы 975 г., которая была видна в течение 80 дней (это подтверждают византийские источники и история Асох'ика)[21]. Но под "знамением" в небесах в русских источниках подразумевались зачастую совершенно разные астрономические явления, в том числе и затмения[22]. В данном случае, как мне кажется, имелись в виду именно затмения, потому что "знамения" были "в луне и в солнце...", а кометы никоим образом с ними не связаны. Как уже говорилось, хронологический анализ подтверждает возможность затмений в 978–979 гг.

Таким образом, представляется невозможным признать датировку смерти Ярополка Иаковом Мнихом, т. е. 978 г., хотя, может быть, месяц и день вокняжения Владимира в Киеве отмечены точно.

Рассматривая биографию Ярополка, следует остановиться на гипотезе о его возможной женитьбе, которую недавно выдвинул А.В. Назаренко. В двух немецких источниках — "Генеалогии Вельфов" (1125/26 г.) и зависящей от нее "Истории Вельфов" (1160-е гг.) — содержится известие, что дочь некоего "знаменитейшего" графа Куно из рода Энинген вышла замуж за "короля ругов", т. е. короля Руси. В них упомянуто и родственное окружение графини: ее матерью, т. е. женой Куно, была Рихлинт, дочь Оттона Великого. От этого брака у Куно родились четверо сыновей — Экберт (маркграф Штаденский), Леопольд, Лютольд и Куно — и четверо дочерей: первая Ита, вышла замуж за гр. Рудольфа, имела сыновей Генриха и Вельфа и дочь Рихгард; вторая дочь вышла замуж "за кого-то из Райнфельденов, родоначальника Церингенов"; третья — за "короля ругов" и четвертая — за графа Андекс (по "Истории Вельфов" — за графа Дисен; это, впрочем, один род). Известие давно привлекало внимание зарубежных историков, в трудах которых были уточнены генеалогия и хронология жизни упомянутых в них персонажей. При этом использовался и другой источник — запись X в. в "Книге побратимов" швабского монастыря Райхенау (подробный анализ историографии дан А.В. Назаренко[23]). Возникла следующая картина. Граф Куно оказался тождествен швабскому герцогу Конраду (ум. в 977 г., гц. с 983 г.). Конрад был женат также на некоей Ютте (вероятно, уже в то время, когда он был графом). Помимо всех вышеперечисленных детей у него был также сын Германн (Германн II), герцог Швабии, отец императрицы Гизелы (р. в 990-х гг.), умерший в 1003 г. Вероятным именем четвертой дочери Куно-Конрада было Кунигунда, второй — может быть, Юдита, третьей (той, которая вышла замуж за правителя Руси) — Рихлинт (?). Дочь Оттона Великого по имени Рихлинт неизвестна, поэтому историки пытались усложнить генеалогическую связь Куно с Оттоном[24]. Если все-таки исходить из данных "Генеалогии Вельфов", то Рихлинт могла родиться где-то в промежутке между 930 и 950-ми гг. (последний известный ребенок Оттона Великого — Оттон II — родился в 955 г.), но могла быть и какой-то младшей дочерью Оттона — малоизвестной. Интересно, что в этом случае русская "королева" доводи-

лась Оттону III двоюродной сестрой. Судя по условному генеалого-хронологическому счету, дети Куно родились во второй половине X в. Сын старшей дочери Куно Иты – Вельф II – умер в 1030 г., его сын, т. е. правнук Куно, – в 1055 г. юношей, а значит, родился незадолго до 1030 г. На этом основании А.В. Назаренко предположил, что брак Иты и графа Рудольфа состоялся около 970–980 гг.[25], хотя на самом деле он мог быть заключен и позже. Таким образом, рождение младших детей Куно вряд ли можно датировать ранее 960–970-х гг.

В отечественной историографии были предприняты две попытки определить загадочного "короля Руси". Н.А. Баумгартен предположил, что графиня Энинген вышла замуж за Владимира Святославича и что это был его последний брак, состоявшийся после смерти византийской принцессы Анны, т. е. после 1011 г. По его мнению, именно дочь Куно имелась в виду Титмаром Мерзебургским, писавшим, что 14 августа 1018 г. Болеслав Храбрый захватил в Киеве в плен мачеху Ярослава, т. е. жену Владимира[26]. Эта версия была поддержана В.Д. Королюком, В.Т. Пашуто, М.Б. Свердловым[27]. Второе мнение принадлежит А.В. Назаренко, который обратил внимание на то, что в "Генеалогии Вельфов" и в "Истории Вельфов" Куно фигурирует как граф, а не как герцог, т. е. запись о его потомстве может быть отнесена ко времени до 983 г. Следовательно, датировку брака графини и русского "короля" следует отодвинуть на 970-е гг. Поэтому исследователь решил, что мужем графини должен был стать Ярополк Святославич: переговоры об этом велись в 976–977 гг., но "брачный договор остался нереализованным" (из-за гибели Ярополка в 978 г.; эта дата, как говорилось выше, очень сомнительна), однако «успел как факт попасть в сделанную как раз в это время при дворе Вельфов запись по поводу брака Рудольфа и Иты... или какой-то иной документ, оказавшийся в руках составителя "Генеалогии Вельфов"»[28]. Историк провел тщательный анализ внешнеполитической обстановки в Германии, Польше, Чехии и на Руси в то время, чтобы доказать возможность такого династического союза.

Можно ли считать эту гипотезу убедительной? Возникают серьезные возражения. Во-первых, весьма условна хронологическая привязка брачного возраста "графини

Энинген" к концу 970-х гг. Генеалогический счет поколений плохо с этим согласуется. Вероятно, дети Куно рождались начиная с 960-х гг. Ита могла выйти замуж за Рудольфа в конце 970-х гг., но источники свидетельствуют, что у Куно было пять сыновей и четыре дочери, а среди дочерей русская "королева" названа третьей. Лишь при очень сильном допущении можно предположить, что она уже в 977—978 гг. "была готова" стать женой русского князя. В источниках о браке Куно-Конрад назван графом, что может свидетельствовать о рождении его дочерей до 983 г. Но это вряд ли означает, что все они к тому времени уже вышли замуж. Во-вторых, Ярополк христианином не был, а брак христианской графини с языческим князем был невозможен. А.В. Назаренко попытался снять возражение, допустив, что реально брак не состоялся, а велась лишь подготовка к нему (и соответственно к крещению Ярополка). В таком случае непонятно, почему в обоих источниках о браке говорится как о свершившемся факте. И наконец, из сообщений ПВЛ известно, что Ярополк совсем незадолго до своей гибели сватался к Рогнеде и получил согласие. Таким образом, его матримониальные планы с Германией выглядят малоубедительными. Общий же анализ внешней политики может служить только косвенным аргументом.

С другой стороны, сложно предположить, что мужем графини стал Олег Святославич, так как о нем вообще очень мало свидетельств, и христианином он также, судя по всему, не был. Единственным христианским государем Руси был Владимир (с конца 980-х гг.), значит, гипотеза Н.А. Баумгартена кажется не столь уж невероятной. Однако она плохо согласуется с хронологией и генеалогией немецких источников о браке. Представляется идеальным вариант брака в 980—990-х гг., но в это время мы не знаем русского князя-христианина. Следовательно, или брак графини имел место после 1011 г., и в этом случае она была женой Владимира, или известие немецких источников в какой-то своей части ошибочно. Думается, пока решить этот вопрос невозможно и любые предположения остаются на уровне слабоаргументированных гипотез.

В.Н. Татищев, ссылаясь на М. Стрыйковского, отмечает, что у Ярополка от гречанки родился сын "прежде,

нежели Владимир на ней женился"[29]. Это противоречит данным летописей о рождении Святополка уже после гибели Ярополка. Но нельзя исключить и ошибки Стрыйковского, имевшего в виду Святополка (хотя он и говорит о нем как сыне Владимира от гречанки). Во всяком случае ни о каких детях Ярополка русские источники не упоминают.

Интересны также поздние сообщения о потомках Олега Святославича, сохранившиеся у Б. Папроцкого и Я.А. Коменского (конец XV – начало XVI в.). Б. Папроцкий отметил, что сын Олега Святославича был отправлен отцом в Чехию из-за возможной опасности со стороны Ярополка. Этот князь якобы стал предком моравского рода баронов Жеротинов. А Я.А. Коменский приводит еще более фантастичную историю: некий русский князь Олег (брат Ольги или племянник Ярополка) в 939 г. был избран царем независимой Моравии, воевал с венграми, но потерпел поражение и умер в Польше[30]. Несмотря на позднее происхождение и очевидный вымысел, в этих известиях могли найти отражение и элементы исторической реальности. Возможно, Олег каким-то образом был связан с Чехией, что согласовывается с внешнеполитической ситуацией в Восточной Европе в то время. Данные о наличии у Олега сына до 977 г. могут косвенно свидетельствовать о ранней дате рождения Святослава.

Помимо трех Святославичей княжеская династия имела и других представителей. Возможно, какие-то сведения об этом сохранились в скандинавской саге и Никоновской летописи. В "Саге о Бьёрне" (отрывки опубликованы в "Россике" Е.А. Рыдзевской) рассказывается о том, как однажды некий Кальдимар, близкий родственник конунга Вальдамара (т. е. князя Владимира), пошел на последнего войной. Кальдимар был моложе Вальдамара, но имел одинаковое с ним право на княжение, почему и решил захватить власть. Кальдимар охарактеризован сагой как рослый, сильный, величественный воин, умелый в борьбе и очень смелый. Узнав о приближающейся опасности, Владимир предложил Кальдимару половину своего княжения, поскольку их права были равны, но Кальдимар отказался и заявил, что хочет владеть всем княжеством. Войска готовились к битве. Никто из

приближенных Вальдамара не хотел вступить в противоборство с Кальдимаром, только один Бьёрн, находившийся в то время на службе в Гардарики, вызвался сразиться с врагом. В результате Бьёрн убил Кальдимара, а войско претендента было рассеяно. После этого некоторое время герой оправлялся от ран, а на следующий год уехал на родину, в Норвегию. По приблизительной хронологии, восстанавливаемой Рыдзевской для саги, Бьёрн пробыл на Руси с 1008 по 1010 г., "три зимы", т. е. описываемое столкновение с Кальдимаром относится примерно к весне 1009 г.[31] Безусловно, рассказ саги носит эпический характер (широко распространенный мотив поединка перед боем). Историки отмечали "искусственность" имени Кальдимара (Ф.А. Браун), видели в рассказе преломление легенд об основании Переяславля, борьбе Ярополка и Владимира, Ярослава и Святополка, Ярослава и Мстислава, даже Ярослава и Редеди[32]. Определенные мотивы саги легендарны, хотя на основании совпадения легенд о поединках нельзя говорить о зависимости саги от легенд ПВЛ (такой "бродячий" мотив можно найти в какой угодно эпической традиции). Любопытным представляется в связи с сагическим рассказом сообщение Никоновской летописи под 1000 г. Здесь говорится, что некий Володарь с помощью половецких сил подошел к Киеву, "забыв благодеяния господина своего князя Владимира, демоном научен". Владимир в то время находился в Переяславце на Дунае. Против Володаря выступил знаменитый богатырь Александр (Алёша; это имя на Руси было уменьшительным и от "Алексей", и от "Александр") Попович, который убил Володаря вместе с братом. Половцы были разгромлены, а Владимир "возрадовался"[33]. После этого в летописи говорится о посольстве от папы и следуют другие, не имеющие отношения к делу сообщения. Свидетельство Никоновской летописи обладает значительным "налетом" легендарности. Сведения об Александре Поповиче не отличаются достоверностью, поскольку появляются лишь в поздних московских летописях XV–XVI вв., относящих действия этого героя то к XIII, то к XII в., то, как в данном случае, к началу XI в.[34]

Половцы появились в южнорусских степях только в 1030–1050-х гг. (может быть, в летописи имелись в виду

печенеги), пребывание Владимира на Дунае выглядит также легендарно. Но указание имени Володаря позволяет сопоставить его с известием о Кальдимаре. Имена Володарь и Владимир достаточно близки; Кальдимар, по замечанию Рыдзевской, вероятно, видоизмененное Вальдамар. В "Красивой коже" и других скандинавских памятниках, упоминающих брак датского короля Вальдемара и Софии, отец последней князь Володарь Глебович из полоцкой династии именуется Валадом[35]. Сопоставление имен Володарь и Кальдимар, думается, возможно. По хронологии рассказы летописи и саги близко подходят друг к другу. Датировки событий в Никоновской летописи по сравнению с датировками тех же событий в ПВЛ для конца X – начала XI в. смещены на два года вперед, следовательно, войну с Володарем можно датировать примерно 998 г. Совпадает и мотив поединка героев перед битвой: противника (Володаря, Кальдимара) с неким богатырем (а не с самим князем). Вероятно, известия саги и Никоновской летописи каким-то образом могли быть связаны друг с другом. Однако родственные отношения Владимира и Володаря-Кальдимара отмечены только в саге, в Никоновской летописи Володарь выступает в качестве какого-то приближенного князя. Конечно, все попытки восстановить родство Владимира с Володарём были бы неоправданной смелостью, но сопоставление этих двух сообщений показывает, что на самом деле династическая и генеалогическая ситуация в роде Рюриковичей была гораздо сложнее, чем это может показаться из рассказов ПВЛ.

Семья святого Владимира

Семейство святого Владимира давно находится в поле зрения историков, однако первое обобщение всех сведений по данному вопросу было предпринято в отечественной историографии Н.А. Баумгартеном. Он насчитал у Владимира 17 детей, привел их биографические данные и высказал ряд гипотез, некоторые из которых оказались недостаточно обоснованны-

ми[36]. В 1977 г. О.М. Рапов привел очень краткие сведения о 12 сыновьях Владимира, касающиеся их владений[37]. Л.В. Войтович также сжато указал в своей работе 16 Владимировичей[38], а Д.В. Донской довел их число до 24, но и эти генеалоги отметили лишь минимум сведений, не вдаваясь в источниковедческие и историографические подробности[39]. Казалось бы, генеалогия этого поколения Рюриковичей проста.

В ПВЛ под 988 г. перечислены 12 сыновей Владимира: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав[40]. Там же говорится и о том, что отец раздал сыновьям уделы. Произошло это после крещения Руси (летописная датировка — 988 г.). Конечно, процесс раздачи земель не мог происходить одномоментно, поскольку большинство сыновей Владимира к тому времени были еще младенцами. Видимо, в ПВЛ все эти данные были сведены воедино под одним годом, а в действительности наделение землями происходило постепенно, по мере того как сыновья подрастали[41]. Тем более что подобное распределение земель носило и определенный политико-религиозный смысл, так как княжичи и их воеводы должны были способствовать утверждению и распространению христианства в своих землях. Четыре старших (по ПВЛ) сына получили: Вышеслав — Новгород, Изяслав — Полоцк, Святополк — Туров, Ярослав — Ростов[42]. Затем произошло наделение Святослава Белгородом, ставшим новым центром древлянской земли, Всеволода—Владимиром-Волынским, Мстислава (Храброго) — Тмутараканью[43], т. е. эти трое сыновей получили новые города (Владимир и Белгород были основаны самим Владимиром, а Тмутаракань завоевана). После смерти Вышеслава в Новгороде сел Ярослав, Борис получил Ростов, а Глеб — Муром[44]. О Станиславе, Позвизде и Судиславе большинство летописей вообще в это время не сообщают. Княжичи были в своих землях, судя по всему, не полноправными владетелями, а скорее наместниками, следившими за аккуратными поставками дани в Киев[45]. Впрочем, центробежные тенденции со временем усиливались, появилось стремление к независимости, что выразилось в отказе Ярослава платить отцу дань в 1014 г. и, по всей видимости, в мятеже Святополка (1012—1013 гг.).

Но эти события произошли уже в самом конце Владимирова княжения.

Определить старшинство детей Владимира практически невозможно. Ясно лишь, что Вышеслав, Изяслав и Святополк были тремя старшими[46]. Ярослав же, идущий третьим по списку и четвертым при раздаче земель, был на самом деле значительно младше (см. далее). Сам список жен и детей Владимира (ПВЛ под 980 г.) не может быть использован при определении старшинства, так как князь был многоженцем-язычником. Можно лишь с некоторой степенью условности отметить, что Мстислав Храбрый был младше Ярослава (ПВЛ под 1026 г.), а Борис, Глеб, Судислав — самыми младшими[47].

Вышеслав. Был старшим сыном Владимира и получил в удел Новгород, куда по традиции направлялся старший сын князя, наследник[48]. ПВЛ сообщает, что матерью Вышеслава была некая чешка (980 г.)[49], но его имя стоит после имен детей Рогнеды и после Святополка, сына гречанки. Этот факт дал возможность Б.И. Яценко предположить, что на самом деле в тексте стояло имя другого сына Владимира — Вячеслава, но летописец по ошибке или сознательно заменил его Вышеславом[50]. В то же время Яценко почему-то считал Вышеслава сыном Рогнеды, имя которого оказалось замененным в том же отрывке ПВЛ неким Мстиславом. Такое допущение, однако, остается лишь недоказуемым предположением. Думается, в списке семейства Владимира летописец не соблюдал порядок старшинства, указав сначала мать будущего киевского князя Ярослава, а потом его главного противника, тоже киевского — князя Святополка. Вышеслав же умер при жизни отца, был личностью второстепенной и поэтому стоял после своих более знаменитых братьев. У Татищева со ссылкой на Иоакимовскую летопись мать Вышеслава именуется варяжкой Оловой[51]. Очевидно, в основе данного упоминания лежат сведения о недолгом пребывании Владимира в Скандинавии, куда он бежал после гибели Олега. В имени Олова чувствуется некоторая искусственность (женская форма от Олав?). Тем не менее факт женитьбы на скандинавке в целом неплохо вписывается в те данные о жизни Владимира в период до 980 г., которы-

ми мы располагаем по летописи. С.М. Соловьёв, например, считал, что первый раз Владимир женился в Новгороде, где он княжил первоначально, или в Скандинавии — до того как стал великим князем, будучи еще совсем молодым (18 лет, по мнению историка)[52]. Версия ПВЛ о чешке, как показал А.В. Назаренко, также может найти подтверждение в общей внешнеполитической ситуации в Восточной Европе в конце 970-х гг. (Назаренко связывает чешский брак Владимира с направленностью его политики против Ярополка, который ориентировался на Германию. Ср., однако, возражения А.Ю. Карпова: наличие чешек в гареме Владимира "свидетельствует не о династическом союзе князя-язычника с чешским правителем-христианином, а скорее о военных действиях русского князя против Чехии".)[53] В любом случае Вышеслав родился незадолго до 980 г., где-то в 978/979 гг. Его новгородское княжение завершилось в 1010 г., когда он скончался[54]. Более источники не содержат никаких сведений о нем.

В "Саге об Олаве Трюггвасоне" упоминается жена конунга Вальдамара, т. е. Святого Владимира, некая Аллогия (или Аурлогия), красивая и мудрая, "умнейшая из всех женщин". Она владела половиной княжеской дружины, содержала ее на свои средства и сыграла большую роль в судьбе молодого Олава, когда он оказался в Гардарики. Аллогия была язычницей, но затем стала ревнительницей христианства. Произнеся мудрую речь на тинге в защиту новой веры, она убедила конунга Вальдамара креститься и сама крестилась вместе с ним ("Большая сага об Олаве Трюггвасоне"). В общей сложности имя этой княгини встречается, по подсчетам Т.Н. Джаксон, в четырех вариантах саги об Олаве, в том числе и в "Хеймскрингла"[55]. С. Кросс, специально исследовавший сагу об Олаве, полагал, что под именем Аллогии в саге скрывается княгиня Ольга, первая христианка в княжеской семье, славившаяся своей мудростью. Отражение образа Ольги исследователь видит и в рассказе о старой матери Владимира. Но ко времени пребывания Олава на Руси Ольги уже давно не было в живых. Поэтому Кросс полагает возможным признать соединение исторических припоминаний об Ольге с образом другой княгини — Рогнеды, которая в силу своей оппозиционности Владимиру

могла доброжелательно отнестись к Олаву как представителю древнего королевского рода[56]. Е.А. Рыдзевская в целом соглашалась с Кроссом, считая, что имя Рогнеды могло быть вытеснено именем более известной Ольги в своеобразной переделке — Аллогия[57]. Но тогда возникает вопрос: почему скандинавское имя Ольга было передано в саге не в скандинавской форме Хелга, а в иной интерпретации? Н.А. Баумгартен сопоставил известие саги с известием Татищева и предположил, что под именем Аллогия скрывается первая жена Владимира Олова[58]. В этом случае имя Аллогия опять-таки остается не объясненным. Совершенно понятно, что рассказ о крещении Владимира никак не согласуется с образом Оловы, скорее здесь действительно имелась в виду Ольга. Но само по себе смещение двух образов в один вполне вероятно в произведении такого жанра, как сага. Если легендарная Олова была скандинавкой, то тогда совершенно естественным оказывается ее покровительство соотечественнику Олаву Трюггвасону. Г.В. Глазырина предположила, что первый, скандинавский, брак Владимира, заключенный, когда тот еще был князем Новгорода, нашел косвенное отражение в сообщении "Саги об Ингваре Путешественнике" о замужестве дочери шведского конунга Эрика Победоносного, мужа Сигрид Гордой и отца Олава Шётконунга (отец жены Ярослава Мудрого — Ингигерд), за "конунгом фюлька с востока из Гардарики", состоявшемся, по условной хронологии саги, не ранее 974/75 г. и не позднее 995 г., что согласуется со временем пребывания Владимира в Скандинавии и данными Татищева[59].

С именем Вышеслава связано и предположение Л.В. Войтовича о том, что в той же саге об Олаве Вышеслав фигурирует под именем Виссавальда, русского конунга, сватавшегося к шведской принцессе Сигрид и убитого по ее приказу (по условной хронологии саги это произошло около 994—995 гг.)[60]. Такая версия малоприемлема, поскольку противоречит датировке смерти Вышеслава, указанной Татищевым (в ПВЛ под 988 г. говорится о том, что Вышеслав умер в Новгороде), и этимологии имени Виссавальд, однозначно интерпретируемого всеми исследователями как Всеволод. В скандинавской интерпретации имя Вышеслав могло звучать скорее как

Виссалейв (по аналогии: Ярослав—Ярислейв, Борислав — Бурислейв и т. д.)[61].

Изяслав. Старший сын Владимира от Рогнеды, полоцкой княжны, дочери некоего пришедшего "из-за моря" Рогволода, ставшего князем в Полоцке. На предложение Владимира Рогнеда ответила отказом ("не хочу разуть робичича"), так как была просватана за Ярополка и не считала себе ровней сына рабыни. Владимир захватил Полоцк, убил отца и братьев Рогнеды, а саму княжну насильно взял в жены (980 г.)[62]. Археологические раскопки показали, что в конце X в. древнейший Полоцк был сожжен и разрушен, а новый город стал отстраиваться только в начале XI в. на другом месте[63]. Этимология имен Рогволода и Рогнеды позволяет считать их скандинавами: Рогволод — Rognvaldr, Рогнеда (Рогнедь) — Ragnheidr[64]. Слова летописи о приходе Рогволода "из-за моря" можно считать подтверждением тому. Крайнюю позицию в данном вопросе занял Н.Т. Беляев, предположивший, что Рогволод и Рогнеда принадлежали к династии норвежских Инглингов, т. е. были потомками Харальда Прекрасноволосого, поскольку последний имел сына Рёгнвальда от некоей финской колдуньи Снефрид (Снегурки)[65]. Потомки Рёгнвальда, по произвольному предположению Н.Т. Беляева, и переселились на Русь. При этом, кроме совпадения имен, Беляев отметил мотив волхования в истории полоцких Рюриковичей (Всеслав Вещий, правнук Рогнеды, был рожден от "волхования" и сам был знаменитым кудесником) — аргументы явно недостаточные и натянутые. Впрочем, в историографии существовало мнение и о местном, кривичском, происхождении Рогволода. Так, по мнению А.Н. Насонова, слова "из-за моря" были лишь данью традиции, производившей всех древних исторических героев Руси из других стран. При этом Насонов сопоставил известие о Рогволоде с широко распространенными легендами "о выезде" предков различных дворянских родов, что вряд ли корректно, в силу хотя бы совершенной разновременности обоих элементов сопоставления. Впрочем, по Насонову, слова "из-за моря" не дают географической конкретизации, и Рогволод мог быть представителем балтийских славян[66]. Л.В. Алексеев развил предположения

Насонова, предложив этимологию имени как Рог-волод, т. е. "володетель рога", владелец мыса[67] (какого в таком случае?). Сложно согласиться с таким мнением. Слова "из-за моря" в русской летописи обозначают Балтику (ср. со статьей 859 г.: "Варяги из заморя взимали дань..."). В то же время Рогволод носит скандинавское имя (славянская этимология Алексеева остается недоказанной), что позволяет предположить в нем скорее варяга.

Начиная с А.А. Шахматова, летописная датировка брака Владимира подвергается сомнению[68]. В своем опровержении Шахматов опирался на статью Лаврентьевской летописи под 1128 г., где также содержится история женитьбы Владимира и Рогнеды. Там несколько по-иному описываются события, поскольку в качестве свата выступает Добрыня, и все переговоры Владимир ведет через него. Кроме того, там же сообщается, что во время этого предприятия Владимир был еще "детеск", т. е. совсем молод (что, очевидно, и обусловило роль Добрыни)[69]. В связи с этим, как думал Шахматов, известие о женитьбе под 980 г. является вставкой, а само событие имело место намного раньше, около 970 г., когда Владимир был совсем юным и только-только укрепился в Новгороде. Такая позиция нашла поддержку в историографии[70]. При этом многие историки были введены в заблуждение датировкой в ПВЛ возраста Ярослава — 78 лет, которая, как это будет показано ниже, является ошибочной[71]. Перенос даты брака нарушает всю логику событий и делает их абсолютно неестественными. Сложно представить себе, как робичич Владимир еще при жизни своего отца мог "отбить" невесту старшего брата-наследника. Это стало бы началом широкой междуусобной войны на Руси уже сразу после 970 г. Захват же Полоцка незадолго до 980 г., т. е. до открытой войны Владимира с Ярополком, был со стороны новгородского князя естественной попыткой добиться нейтрализации или даже заручиться поддержкой важного центра Руси, ориентировавшегося на Киев, а значит, на Ярополка. Это был сильный и рассчитанный удар, сразу ослабивший коалицию Ярополка (кроме Киева, Ярополка поддерживали Полоцк, Родень, а также, вероятно, другие города). Поэтому десятилетний разрыв двух звеньев одной событий-

ной, политической цепи, базирующийся к тому же на весьма условных допущениях (Владимир не был "детеск" даже в 970 г.), представляется неоправданным.

Легендарные мотивы рассказа о женитьбе Владимира неоднократно отмечались исследователями, связывавшими их с германо-скандинавским эпосом[72]. Е.А. Рыдзевская привела аналогии из "Хеймскрингла", где насильно взятые в жены героини потом пытаются убить своих мужей[73]. В русском предании тоже присутствует этот мотив: Радзивилловская, Никоновская и другие летописи под 1128 г. рассказывают о том, как однажды Владимир заснул в своем дворце, а Рогнеда попыталась его заколоть. Но Владимир проснулся и хотел было казнить жену, однако их маленький сын Изяслав вступился за мать (Рогнеда сама дала сыну меч), и Владимир отослал Рогнеду с Изяславом в город Изяславль[74]. Рыдзевская предположила: русское предание было заимствовано в Скандинавии (в частности, через Олава Трюггвасона, жившего на Руси). Взаимосвязь легенд возможна (хотя, надо заметить, это всего лишь приблизительные параллели), что лишний раз доказывает тесные связи Древней Руси со Скандинавией, а также и их независимое развитие.

По малодостоверным сведениям Татищева, опиравшегося на Иоакимовскую летопись, Рогнеда якобы получила от Владимира новое, славянское имя — Гориславa[75]. Искусственность этого имени очевидна: оно как бы отражало печальную историю жизни Рогнеды. Следует отметить, что исторические источники не зафиксировали случаи бытования на Руси двойных языческих имен, скандинавского и славянского. После крещения Владимира согласно ПВЛ Рогнеда жила "на Лыбеди" (там в начале XI в. находилось село Предславино, названное, вероятно, в честь дочери Владимира и Рогнеды)[76]. Лаврентьевская летопись под 1128 г. говорит, что Владимир построил для Рогнеды с сыном в Полоцкой земле новый город Изяславль[77]. Под Изяславлем княгиня основала монастырь, куда и постриглась, приняв имя Анастасия (Тверская летопись и др.)[78]. Недалеко от города и монастыря находилось оз. Рогнедь. Археологические раскопки показывают, что на месте Изяславля уже в конце X — начале XI в. существовали и детинец, и посад[79]. Поэтому, думается, можно согласиться с О.М. Раповым,

писавшим, что именно Изяславль мог быть центром христианизации Полоцкой земли[80]. Смерть Рогнеды в летописях отмечена 1000 г. (ПВЛ, Радзивилловская, Тверская летописи и др., в Никоновской — 1002 г.[81], но в этой части все датировки Никоновской летописи отличаются от ПВЛ на два года). Тем не менее Рогнеда упомянута под своим языческим именем, а не как Анастасия. ПВЛ сообщает, что у Владимира и Рогнеды были четыре сына и две дочери[82]. Если принимать датировки ПВЛ, то Изяслав родился в 980 г., умер в 1001 г. (по Никоновской летописи соответственно в 1003 г.)[83]. В Никоновской летописи приводится характеристика Изяслава: "Бысть же сей князь тих, и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин и иноческый, и прилежа почитанию Божественых писаний, и отвращаяся от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготръпелив"[84]. Как видим, она носит самый общий характер и могла быть применена к какому-нибудь другому князю. Тем не менее В.Е. Данилевич объяснил такую набожность Изяслава влиянием матери[85]. На мой взгляд, характеристика Никоновской летописи слишком абстрактна, чтобы делать на ее основании какие-либо выводы. Татищев перепутал тексты, связав этот отрывок с именем Всеслава, малолетнего сына Изяслава, скончавшегося в 1003 г.[86]

Следующим по старшинству сыном Владимира ПВЛ называет Святополка, но целесообразнее закончить перечисление детей Рогнеды, и поэтому весь последующий порядок носит условный характер.

Мстислав старший. Упоминается в ПВЛ под 980 г. как второй сын Рогнеды, но более о нем сведений нигде нет[87]. Можно предположить, что он умер в младенчестве. То, что среди сыновей Владимира далее упоминается еще один Мстислав — Мстислав Храбрый, дало основание исследователям подвергнуть сомнению существование этого князя: в генеалогических справочниках и исторических работах он не упоминается. Б.И. Яценко даже предположил, что Мстислав был придуман летописцем для замены Вышеслава, якобы тоже являвшегося сыном Рогнеды[88]. Но на самом деле Вышеслав был сыном чешки (или варяжки), и поэтому выводы Яценко остаются неподтвержденными. Думается, что в существовании

двух одноименных сыновей Владимира нет ничего необычного (такое нередко случалось у Рюриковичей и в более позднее время).

Ярослав-Георгий (Мудрый). Сын Владимира и Рогнеды Ярослав был выдающимся политическим деятелем Древней Руси. Однако такие детали его биографии, как даты рождения и смерти, оказались слишком неясными. Традиционно историки исходили из определения возраста Ярослава по летописной статье о его смерти под 1054 г., где говорится, что князь прожил 76 лет[89]. Поэтому в историографии утвердилась дата рождения Ярослава — 978 г., хотя на самом деле, если летописец использовал "включающий" счет (а он использовал его, что видно на примере статьи 852 г.), Ярослав должен был родиться в 979 г. (точнее, в 6487 г.). Это, однако, никак не согласуется с летописной датой женитьбы Владимира на Рогнеде (980 г.), и летопись противоречит сама себе. В то же время ряд свидетельств (некоторые из них были проанализированы О.М. Раповым[90]) показывает, что Ярослав прожил примерно 65—66 лет и родился незадолго до 988 г. Под 1016 г. в летописях содержится указание на возраст Ярослава — 28 лет (следовательно, родился в 988—989 гг.). ПВЛ отмечает: "И бы тогда Ярослав Новегороде лет 28", чего быть никак не может, так как сначала новгородским князем был Вышеслав. Ипатьевская летопись называет возраст 18 лет, что тоже неприемлемо, поскольку Ярослав не мог родиться после крещения Владимира[91]. Самое главное — исследование скелета Ярослава после вскрытия его гробницы в Киевской Софии в 1939 г. Тогда была опубликована целая серия статей, посвященная этому событию (Д.Г. Рохлин, В.В. Гинзбург, Е.А. Рыдзевская, М.М. Герасимов и М.К. Каргер). Анализ костей Ярослава привел Рохлина и Гинзбурга к выводу, что Ярослав прожил не 76 лет, а, по крайней мере, на восемь лет меньше (скелет принадлежал мужчине 60—70 лет, Гинзбург определил примерный возраст как 66 лет)[92]. Тогда же прояснился и вопрос о знаменитой хромоте Ярослава. В Тверской летописи содержится известие о чудесном выздоровлении больного отрока в момент ссоры родителей[93]. "Прядь об Эймунде" свидетельствует о ранении Ярослава в ногу во время осады Киева (период усобицы Владимировичей)[94]. ПВЛ уже под

1016 г., т. е. в самом начале усобицы, упоминает хромоту Ярослава (возможно, это либо перенесение данности на более раннее время, либо отражение легкой хромоты 30-летнего молодого человека). Рохлин пришел к заключению, что Ярослав в грудном возрасте перенес гнойное поражение, приведшее к подвывиху правого тазобедренного сустава в раннем детстве, что в результате задержало нормальное развитие примерно на два года. Затем Ярослав оправился и начал ходить, но уже в зрелом возрасте получил травму правого коленного сустава, что сделало его хромцом на всю жизнь[95]. Таким образом, возраст Ярослава подвергся значительной корректировке. О.М. Рапов на основании этого предположил, что Ярослав родился в 988 г., при этом ученый основывался на выводе Рохлина о двухлетнем периоде хромоты в детстве и на собственном определении года крещения Руси как 990 г. (Тверская летопись связывает "исцеление" Ярослава с этим событием)[96]. Но рассказ Тверской летописи четко к хронологии не привязан, а датировка крещения Руси окончательно в историографии не определена (и вряд ли будет когда-нибудь четко установлена). Если исходить из летописной датировки, то Ярослав мог родиться около 986 г., что в целом согласуется и с медицинским исследованием, и с летописной датировкой женитьбы Владимира и Рогнеды. О.М. Рапов предположил, что летописец сознательно увеличил возраст Ярослава, дабы обосновать законность его прав на киевский стол, узурпатором которого тот являлся[97]. Думается, такое объяснение вполне приемлемо.

По медицинским данным, рост Ярослава был 172–175 см; исследователи сделали вывод о легкой возбудимости и быстрой раздражимости Ярослава[98]. Последнее согласуется с образом Ярослава в "Саге об Эймунде", где князь предстает человеком осторожным, хитрым, коварным (Е.А. Рыдзевская почему-то назвала эти качества "дипломатичностью" и "нерешительностью"), а также в своде "Гнилая кожа", где Ярослав описан раздражительным, самолюбивым, резким в минуты гнева[99]. С годами, возможно, эти качества развивались, так как усиливалась и хромота (с соответствующими изменениями костей ног, позвоночника и т. д.). Справедливо отмечал Рохлин, что неупоминание в летописях "пиров" Ярослава с дру-

жиной напрямую могло зависеть от этого физического недостатка. Видимо, Ярослав не был "дружинным" князем, как Владимир, и может быть, в этом причина его обращения к церкви, к культуре, что обеспечило Ярославу благодарное почитание летописцев и в конечном итоге прозвание "Мудрый" (единственному из всех русских князей).

Ярослав получил от отца в держание Ростовскую землю, очевидно, в самом начале XI в. После смерти Вышеслава Ярослав был переведен в Новгород[100]. По идее новгородским князем должен был стать следующий по старшинству сын Владимира — Святополк, но он не пользовался доверием отца (Владимир тоже не являлся старшим наследником Святослава, однако стал новгородским князем в 970 г.). Тот факт, что Ярослав в этом случае обошел Святополка, мог сыграть роль в разжигании усобной борьбы между братьями. В 1014 г., возможно, по примеру старшего брата, составившего ранее заговор против отца, Ярослав отказался отправлять дань в Киев. Владимир начал готовиться к походу, но Бог "не дал дьяволу радости", усобица не началась из-за смерти Владимира[101]. Вскоре вспыхнула война с братом Святополком, из которой Ярослав вышел победителем (об этом см. далее).

Дата смерти Ярослава в историографии вызывала споры. Летописи датируют ее 6562 г., в Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской I содержатся следующие датировки: 20 февраля, в субботу первой недели Великого поста, в день св. Федора[102]. Если предположить, что статья ПВЛ дана по мартовскому стилю, что само по себе вряд ли верно, то получается, что Ярослав скончался 20 февраля 1055 г. Однако это совсем не согласуется с датировкой по субботе, поскольку Пасха в 1055 г. приходилась на 16 апреля, а суббота "Фёдоровской" недели — на 4 марта. Последнюю дату принял как верную Н.П. Шляков[103]. Одно из древних граффити Киевской Софии, открытое С.А. Высоцким, сообщает о смерти "царя нашего" 20 февраля 6562 г. Очевидно, что речь идет о Ярославе. В 1054 г. Пасха была 3 апреля, а суббота "Фёдоровской" недели — 19 февраля, что близко подходит к датировке, указанной в Ипатьевской летописи. Граффито дало возможность Б.А. Рыбакову предполо-

жить, что смерть Ярослава в источниках датируется 6562 сентябрьским годом и что она произошла в ночь с 19 на 20 февраля, чем и объясняется разница в один день в датировках. Однако детальное изучение надписи, предпринятое В.К. Зибровым, позволило ему усомниться в этом выводе и предложить свою датировку — 17 февраля 1052 г., которая представляется поспешной, так как не объясняет хронологическую разницу в два года между предложенным вариантом прочтения даты граффити и датой летописи[104].

Ярослав, очевидно, был женат дважды. Второй брак носил политический характер: женой Ярослава стала шведская принцесса Ингигерд, дочь Олава Шётконунга, которая в крещении получила имя Ирина, что доказывается летописной записью 1037 г. и известием митрополита Илариона в "Слове о законе и благодати"[105]. Ингигерд скончалась 10 февраля 1050 г.[106], и, хотя в летописях не сообщается о месте ее захоронения, можно думать, что таковым являлась Киевская София. В пользу этого говорит и исследование В.В. Гинзбурга после вскрытия гробниц в 1939 г., когда был обнаружен скелет женщины северного типа, прожившей около 56 лет[107]. Если это Ингигерд, то она родилась примерно в 994 г. Брак Ярослава датируется Исландскими анналами 1019 г.[108] В других источниках, сообщающих о браке, точных датировок нет (Адам Бременский называет Ингигерд "Инград"), "Хеймскрингла" и др.)[109]. Приблизительные датировки "Хеймскрингла" и "Красивой кожи" Е.А. Рыдзевская определяет как 1020 г.[110] Существует иная датировка, базирующаяся на примерной хронологии "Пряди об Эймунде": когда Эймунд появился на Руси, то уже застал в Новгороде Ингигерд. Исходя из последовательности описываемых в саге событий, приезд Эймунда произошел летом 1016 г., поэтому ряд историков датировали брак Ярослава 1016 г. или даже более ранним временем [А.И. Лященко — 1016 г., М.Б. Свердлов — 1015 г. (впоследствии изменил свое мнение), А.Б. Головко — 1015 г., П.П. Толочко — 1014 г.[111]]. С критикой этой позиции выступил А.В. Назаренко, полагающий, что приезд Эймунда на Русь мог состояться и позже, а по примерной ("относительной") хронологии "Саги об Олаве Святом" (на основе которой, по его мне-

нию, была вычислена дата в Исландских анналах) получается, что сватовство Ярослава состоялась во второй половине 1018 г., а брак с Ингигерд — весной—летом 1019 г.[112] Тем не менее следует помнить, что скандинавские саги — источник особого характера и устанавливать на их основании хронологию можно лишь приблизительно. Разумеется, такие расчеты не могут быть решающими аргументами при определении каких-либо датировок по сравнению с конкретными датировками других источников. "Прядь об Эймунде" создавалась значительно позже описываемых в ней событий, и "перемещение" образа Ингигерд (который, конечно же, был очень близок скандинавам, поскольку русская княгиня была их соотечественницей) на более раннее время в сагическом рассказе выглядит вполне естественно. Именно понимание особенностей саг как исторических источников дало основание Т.Н. Джаксон признать трудность определения хронологии по данным "Саги об Олаве Святом"[113]. Основываясь на Исландских анналах, исследовательница считает датировку 1019 г. "единственно верной"[114]. Думается, с этим нельзя не согласиться: Олав выдал дочь за Ярослава лишь после того, как последний окончательно укрепился в Киеве. Первым ребенком Ярослава от этого брака был Владимир, родившийся в 1020 г.

Имеются сведения и о еще одной жене Ярослава и старшем сыне князя Илье, который скончался 1019/20 г.[115] Титмар Мерзебургский упоминает: когда Болеслав вступил в Киев (14 августа 1018 г.), он взял в плен членов княжеской семьи, в том числе и жену Ярослава, брошенную на произвол судьбы[116]. Очевидно, что Илья был сыном этой первой жены[117]. Более того, вероятно, ее скелет был обнаружен во время все того же вскрытия гробницы в Киевской Софии в 1939 г. В.В. Гинзбург исследовал его и пришел к выводу, что эта женщина североевропейского типа умерла в возрасте примерно 30—35 лет[118]. Это согласуется с уже имеющейся информацией: к 1019 г. первая жена Ярослава умерла, следовательно, она могла родиться около 984—989 гг., т. е. была примерной ровесницей Ярослава. Она и попала в плен к Болеславу, но нам не известно, чем закончились переговоры об обмене пленными, поскольку хроника Титмара обрывается из-за смерти автора 1 декабря 1018 г. По

мнению А.В. Назаренко, княгиня "в результате пережитых бедствий, тягот дальнего пути или по какой-либо иной причине" умерла осенью 1018 г.[119]

И Гинзбург, и Назаренко называют первую жену Ярослава Анной, канонизированной Православной церковью в 1439 г. История канонизации такова. Старший сын Ярослава и Ингигерд Владимир, князь Новгородский, был похоронен в основанном им Новгородском Софийском соборе. В 1439 г. архиепископ Евфимий II перенес останки его и "его матери" и установил память новым святым 4 октября (день смерти Владимира)[120]. Сообщение об этом отразилось в новгородском летописании, но в Новгородской I летописи мать Владимира не названа по имени, что, конечно, не означает его незнание в 1439 г., при канонизации[121]. Тем не менее имя этой матери Владимира появляется в источниках впервые только в XVI в. — Анна (Жалованная грамота Ивана Грозного 1556 г. о днях поминовения государевых предков, Новгородская III летопись при описании церемонии перенесения мощей и далее в более поздних источниках[122]). В 1654 г. состоялось перенесение мощей митрополитом Макарием (на новое место опять-таки в пределах Новгородской Софии), о чем сообщается в "Кратком летописце новгородских владык" с упоминанием имени матери Владимира[123]. Кроме того, источники первой половины XVII в. упоминают о находящемся в соборе захоронении жены Владимира — Александры[124]. Однако при описании событий 1564 г. сведения об этих останках отсутствуют, "и воспоминания о них навсегда исчезают из источников"[125]. Упоминание имени матери Владимира в новгородской традиции ввело многих историков в заблуждение. Н.М. Карамзин предположил, что Ингигерд-Ирина перед смертью приняла постриг с именем Анны[126]. Эта гипотеза нашла продолжение в историографии и даже отразилась в энциклопедиях (см., например, Энциклопедию Бр. и Еф.). Но исследование останков Киевской Софии показало, что Ингигерд и Анна — два разных лица. Кроме того, известия о традиции принимать перед смертью схиму или постриг прослеживаются лишь с конца XII — начала XIII в.[127] Поэтому позднее историки писали о двух женах Ярослава — Анне, умершей до 1019 г., матери Ильи, и Ингигерд-Ирине, матери

всех остальных детей Ярослава[128]. Очевидно, что в Новгородской Софии покоятся останки некоей женщины, называвшейся с XVI в. Анной, но имела ли она отношение к семье Ярослава, сказать сложно. В.Л. Янин верно заметил, что "если действительно на первоначальном месте погребения останки князя Владимира и этой женщины покоились в одной могиле, то она может быть идентифицирована с его женой, не известной нам по имени", которую в XVII в. именовали Александрой, но могила которой куда-то "затерялась". «Таким образом, мать Владимира "Анна" – лицо сугубо мифическое, а приписываемые ей мощи в лучшем случае могут оказаться останками жены Владимира»[129]. С другой стороны, возможно, что какое-то местное предание действительно помнило первую жену Ярослава – Анну (этот брак мог быть заключен, когда Ярослав был князем в Новгороде) и связало ее имя с именем новгородского князя, сына Ярослава. Но слишком нечеткие упоминания не дают достаточных оснований для уверенности в том, что первую жену Ярослава действительно звали Анной, а жену Владимира Ярославича – Александрой. Если первая жена Ярослава умерла в 1018 г., то логично предположить ее захоронение в Киеве, а не в Новгороде. Таким образом, можно говорить о двух браках Ярослава, но имя его первой жены остается неизвестным.

Саги подробно сообщают об Ингигерд, в том числе и о том, что она получила в качестве "свадебного дара" от Ярослава Ладогу (среди прочих источников известие об этом содержится в "Хеймскрингла"). Анализ этих сообщений привел Г.В. Глазырину к выводу, что скорее всего этот рассказ является малодостоверным, противореча "имущественно-правовому состоянию общества Скандинавии и Руси в начале XI в."[130] В "Пряди об Эймунде" говорится, что Ингигерд и Олав Харальдсон (Олав Святой), за которого она ранее была просватана, "любили друг друга тайной любовью"[131]. Вероятно, Ингигерд не очень устраивал брак по расчету, тем более с физически ущербным, хромым человеком. Популярный образ Ингигерд не только нашел отражение в королевских сагах, но и оказал влияние на такой жанр скандинавской литературы, как "саги о древних временах": по наблюдениям Глазыриной, большинство персонажей этих саг, носящих

имя Ингигерд, фигурируют в сюжетах, связанных с Русью[132].

От Ингигерд у Ярослава было шесть сыновей; Владимир (1020–4.10.1052), Изяслав-Дмитрий (1024–3.10.1078), Святослав-Николай (1027 – 27.12.1076), Всеволод-Андрей (1030–13.4.1093), Вячеслав-Меркурий (между 1033 и 1036–1057), Игорь-Георгий (1036–1060) – и четыре дочери: Елизавета, Анна (Агнесса), Анастасия и не известная по имени. Вся семья Ярослава была изображена на фресках Софии Киевской, теперь сохранились лишь фрагменты.

Всеволод. Младший сын Владимира и Рогнеды, родился, возможно, незадолго до 988 г. Его уделом был Владимир-Волынский, построенный в 992 г.[133] Вероятно, Всеволод скончался еще до 1015 г. По мнению Д.И. Зубрицкого, А.М. Андрияшева, И. Шараневича, после смерти Всеволода Волынь и Галич были отданы другому сыну Владимира – Святославу[134]. Л.В. Войтович полагает, что Всеволод умер до 1008–1013 гг., когда Волынь перешла к Турову[135]. Однако эти предположения не точны, так как из "Сказания о Борисе и Глебе" известно, что Борис княжил первоначально на Волыни, а потом Владимир вывел его оттуда, опасаясь близкого соседства со Святополком[136]. По всей видимости, после смерти Всеволода Волынским князем стал Борис. В скандинавских источниках: "Саге об Олаве Трюггвасоне" монаха Одда, "Хеймскрингла", "Отдельной саге об Олаве Святом" Снорри Стурлусона, "Легендарной саге об Олаве Святом" – упоминается, что к Сигрид, дочери Скёглар-Тости и вдове шведского конунга Эрика Победоносного, приезжали свататься женихи[137]. Все саги говорят о конунгах: Харальде Гренландце из Упланда (фюльке Вестфольд) и некоем Висивальде (или Висавальде) из Аустрвега или Гардарики (т. е. из Руси). "Сага об Олаве Трюггвасоне" Одда сообщает, что среди женихов был некий Торир, соратник Олава Святого, а одна из редакций "Отдельной саги об Олаве Святом" Снорри свидетельствует, что всего женихов было семь (упомянуты по именам только Харальд и Висавальд). Сватовство кончилось тем, что ночью после пира Сигрид приказала поджечь дом, где находились женихи, которые и погибли в огне вместе со своими дружинниками (часть

дружинников перебили люди Сигрид). Своим поступком Сигрид хотела проучить "мелких" конунгов свататься к ней и получила за это прозвище Суровая или Гордая (она была родной бабушкой Ингигерд). Согласно Исландским анналам Харальд был убит в 994/95 г. (сватовство состоялось практически сразу после смерти Эрика, который еще до этого разошелся с женой)[138]. Имя Висавальд однозначно интерпретируется как Всеволод.

Начиная с Олафа Далина, существует версия, что Висавальдом был князь Всеволод Владимирович, изгнанный из Руси междуусобной войной. Эту позицию поддержали Ф.А. Браун, А.Е. Пресняков, Д.С. Лихачёв, Н.Н. Ильин, Б.А. Рыбаков, Н.Ф. Котляр, О.М. Рапов и другие[139]. При этом, чтобы "примирить" датировку саг с данными русских летописей, говорилось, что, возможно, Всеволод отправился в Швецию из-за разрыва с отцом. Тем не менее на несообразности хронологии обращалось внимание[140]. Всеволод родился не ранее 980 г., а погиб уже в 995. Рыдзевская полагала, что в сагах упоминается какой-то другой русский князь, не известный летописям. Другие историки затруднились высказать какие-либо однозначные предположения[141].

Действительно, хронологии саг и летописей не совпадают. Всеволод был четвертым сыном Рогнеды (по статье ПВЛ 980 г.), он родился между 980 и 988 гг. В списке статьи под 988 г. Всеволод стоит пятым после Вышеслава, Изяслава и Святополка. Однако здесь налицо явная тенденциозность летописца, так как Ярослав на самом деле был значительно младше и никак не мог родиться раньше Святополка. В то же время ощущается явная зависимость перечня 988 г. от перечня 980 г., порядок сыновей Рогнеды совпадает (исчезает лишь гипотетический Мстислав "старший"). Следовательно, попытка выделить Ярослава и поставить его на первое место налицо. Поэтому можно предположить, что Всеволод был вторым сыном Рогнеды и четвертым Владимира, таким образом, он мог родиться в начале 980-х гг. Следовательно, к 995 г. ему могло быть самое большее 13—14 лет. В этом случае история его сватовства к Сигрид, которая к тому же была намного его старше, выглядит невероятной, хотя в самом факте появления Всеволода в Скандинавии нет ничего неестественного, так как и его мать

Рогнеда имела, вероятно, варяжское происхождение, и отец провел некоторое время в тех краях. В сагах Висавальд показан действующим абсолютно самостоятельно, никаких упоминаний о его предшествующей жизни, семье, к которой он принадлежал, нет. Сложно представить также, что Сигрид могла назвать сына великого киевского князя "мелким конунгом". Таким образом, или Висавальд-Всеволод был каким-то дальним родственником Владимира, а не его сыном, может быть, даже каким-то мелким князем на Руси, или события, описываемые сагами, произошли гораздо позже, в начале XI в. В последнем случае придется допустить, что авторы саг искусственно соединили имя русского князя, каким-то образом погибшего в Скандинавии, с историей женихов Сигрид. Думается, сопоставить образ "мелкого конунга" Висавальда с Всеволодом Владимировичем нельзя.

Предслава (в историографии также иногда Переслава[142]). Дочь Владимира и Рогнеды, по имени которой называлось сельцо Предславино, сыграла определенную роль в событиях усобицы Владимировичей: она сообщила Ярославу об убийстве Бориса (согласно ПВЛ), а потом укрывала одного из сторонников погибшего князя[143]. В ряде летописей (например, в Тверской, Софийской I, Новгородской IV) говорится, что после захвата Киева Болеслав обесчестил Предславу и увез ее с собой в Польшу[144]. Аналогичные сведения приводит и Титмар Мерзебургский, писавший, что на одной из попавших в плен сестер Ярослава, "которой он и раньше добивался, беззаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав"[145]. Аноним Галл отметил, что, узнав об отказе, Болеслав пришел в ярость, что и послужило даже одной из причин похода на Русь[146]. Это мнение утвердилось в последующей польской историографии, например у Яна Длугоша[147]. Историки предпринимали попытки датировать возможность установления данного династического союза. В.Д. Королюк полагал, что сватовство Болеслава приходилось на конец 1017 — начало 1018 г., поскольку третья жена Болеслава — Эмнильда — умерла в 1017 г., а на четвертой — Оде — князь женился в феврале 1018 г.[148] Такое предположение распространено в историографии (С. Закшевский — вторая половина 1017 г., В.Т. Пашуто — октябрь 1017 г., А.Б. Голов-

ко — аналогично Королюку[149]). А.В. Назаренко показал, что на самом деле дата смерти Эмнильды остается неопределенной и исходя из этого счел возможными более широкие хронологические рамки — между 1013 и 1017 гг. При этом, опираясь исключительно на анализ международной обстановки, исследователь предпочел начало 1017 г.[150] Действительно, следует говорить о времени после осени 1016 г., поскольку Ярослав стал киевским князем только в этом году, а польские источники отмечают, что Болеслав посылал сватов именно к Ярославу. Однако в "Истории..." В.Н. Татищева под 1014 г. содержится известие о посольстве Болеслава к Владимиру, в котором были также послы чешские и венгерские, просившие князя выдать двух своих дочерей за правителей соответствующих государств[151]. Имена дочерей не называются, но при описании ухода Болеслава из Киева в 1018 г. Татищев отмечает, что князь забрал с собой тех самых двух дочерей, которые ранее были просватаны за чешского и венгерского правителей (браки не состоялись, по логике татищевских известий, вероятно, из-за смерти Владимира и изменения политической обстановки на Руси). Данные В.Н. Татищева во многом согласовываются с данными Титмара и Анонима Галла, но датировка 1014 г. остается необъяснимой. Если принять мнение Назаренко о более ранней смерти Эмнильды, тогда она становится реальной. В этом случае матримониальные планы Болеслава можно рассматривать как следствие его неудачного похода на Русь в 1013 г. (Титмар), хотя это событие Татищевым и не упомянуто. С другой стороны, в известиях о сватовстве Болеслава к Владимиру или к Ярославу путаница обоих киевских князей объяснялась тем, как выстраивал тот или иной хронист логическую цепочку событий.

О дальнейшей судьбе Предславы в Польше ничего не известно. Титмар упоминает, что велись переговоры об обмене пленными, но чем они закончились, неясно: хроника обрывается из-за смерти автора. Л.В. Войтович предположил, что в Польше Предслава и умерла, так как во время русско-польских переговоров уже при Казимире и в процессе обмена пленными ее имя не упоминается[152]. Но, как видим, это предположение "от обратного".

Не известная по имени дочь. ПВЛ сообщает, что у Владимира от Рогнеды было две дочери, но имени второй не называет[153]. В других источниках упоминается еще ряд Владимировых дочерей:

1. Одна, возможно, была женой венгерского герцога Ласло Сара (Лысого"), принадлежавшего к династии Арпадов ["Будская хроника" XIV в., "Хроника" Генриха Мюгельна XIV в., "Хроника венгров" Яноша Туроци (вторая половина XV в.), "Генеалогия венгерских королей" Иоанниса Пистория из Ниды (конец XVI – начало XVII в.)][154]. Венгерские источники XIV в. не указывают ни имени, ни происхождения русской жены Ласло. Но в историографии начиная с М. Вертнера (1892 г.) получила распространение гипотеза о том, что женой Ласло была дочь Владимира по имени Премислава (Н.А. Баумгартен, В.Т. Пашуто, Л.В. Войтович, Д.В. Донской)[155]. При этом учитываются весьма неопределенные данные "Истории..." В.Н. Татищева. Ласло Сар, внук Ташконя, был двоюродным братом Иштвана Святого и дядей королей Эндре I (муж дочери Ярослава Мудрого – Анастасии) и Белы I (сыновья брата Ласло – Вазула).

2. Титмар сообщает, что Болеслав захватил в Киеве в общей сложности девять дочерей Владимира, среди которых была и Предслава[156]. Но сложно сказать, насколько эти данные достоверны. ПВЛ под 1018 г. и Киево-Печерский патерик ("Слово о Моисее Угрине") сообщают о двух сестрах Ярослава, попавших в плен. По мнению А.В. Назаренко, эти сведения восходят к списку 980 г., где говорится о двух дочерях Владимира от Рогнеды[157]. В этом случае данные Титмара остаются уникальными.

3. Одну из них называет Ян Длугош, который также пишет лишь о двух захваченных дочерях Владимира – Предславе и Мстиславе[158]. По мнению А. Семковича, Длугош спутал имена сына Владимира – Мстислава Храброго и неизвестной дочери Владимира, увезенной в Польшу[159]. Однако ничего удивительного в существовании женской формы имени Мстислав нет.

4. В "Саксонской всемирной хронике" (XIII в.) сообщается о том, что мать одного из сыновей маркграфа Саксонской северной марки Бернхарда II – Оттона – происходила из Руси[160]. Этот Оттон в 1057 г. возглавил

мятеж против малолетнего короля Генриха IV и тогда же погиб. У хрониста Ламперта Херсфельдского, современника этих событий, Оттон назван сыном Бернхарда от "неравного брака" с некоей славянкой[161]. Несмотря на такие нечеткие сведения, Н.А. Баумгартен предположил, что жена Бернхарда была дочерью Владимира[162]. Эту интерпретацию подхватили В.Т. Пашуто, Л.В. Войтович, Д.В. Донской[163]. При этом Баумгартен и Войтович неверно указали генеалогию Бернхарда, показав его сыном маркграфа Дитриха, когда на самом деле было два Бернхарда: один — сын Дитриха, а другой — сын первого Бернхарда. Исходя из хронологии можно предположить, что русский брак Бернхарда II состоялся в начале XI в. (по мнению А.В. Назаренко, в 1020-е гг.[164]). В этом случае жена маркграфа могла быть дочерью Владимира. Но дело в том, что в источниках не говорится о ее княжеском происхождении, это — просто какая-то "славянка" из Руси. По справедливому замечанию А.В. Назаренко, вряд ли брак с дочерью киевского князя мог быть неравным[165]. Таким образом, нет достаточных оснований для того, чтобы считать жену Бернхарда русской княжной.

Святополк-Пётр Ярополчич, или Владимирович, Окаянный. Третий сын Владимира (ПВЛ)[166]. После захвата Киева и убийства Ярополка Владимир взял в жены некую гречанку, бывшую жену брата, которая ранее была монахиней; потом ее захватил в плен Святослав, а Ярополк расстриг "красы деля лица ее"[167]). Через некоторое время гречанка родила Святополка (вероятно, в самом конце 980 или в начале 981 г.). В.Н. Татищев, ссылаясь на Иоакимовскую летопись, называет ее Предславой (вслед за ним упоминают это имя Т. Мальгин, П. Хавский и другие компиляторы)[168]. Возможно, это имя у Татищева появилось по аналогии с именем одной из дочерей Рогнеды.

Важнее другое. Легенда о происхождении Святополка "от двух отцов", как уже неоднократно отмечалось исследователями, была призвана объяснить злодейства этого князя, а потому и получила довольно широкое распространение. Мотив о расстриженной монахине должен был усугубить негативное впечатление о Святополке, а значит, летописный рассказ носит скорее полулегендар-

ный, нежели реально-исторический характер. Тем не менее анализ так называемых "знаков Рюриковичей", проведенный В.Л. Яниным, М.П. Сотниковой, А.С. Хорошевым и другими исследователями, показал, что одна его форма в виде двузубца принадлежала старшей линии рода, а другая – в виде трезубца – младшей линии, начиная с Владимира. В этом случае форма знака может служить некоторым подтверждением происхождения Святополка от Ярополка; после Святополка двузубцы исчезают[169]. Косвенные данные о том, что отцом Святополка был все-таки Ярополк, содержит и "Хроника" Титмара Мерзебургского. Болеслав, захвативший в плен жену, мачеху и сестер Ярослава, предлагает последнему обменять их на свою дочь (жену Святополка). При этом Святополк находится в Киеве. Следовательно, сестры Ярослава могли и не быть одновременно сестрами Святополка, а значит, Святополк мог быть сыном Ярополка[170]. Такое равнодушие Святополка к жене и дочерям Владимира объясняется тем, что Святополк не считал эту семью родной, и даже если он был сыном Владимира, все равно отцом его не признавал, полностью отстранившись от судьбы мачехи и сестер. Летопись также создает впечатление о настороженном отношении Владимира к Святополку, что вполне естественно, учитывая неясное происхождение последнего. Вероятно, далеко не теплые чувства испытывал и Святополк к своему "отцу". После крещения Руси Владимир послал Святополка на княжение в землю дреговичей, столицей которой был Туров[171]. Вместе с тем, по данным Летописца Переяславля-Суздальского и "Сказания о Борисе и Глебе", Святополк получил Пинск, где, по предположению О.М. Рапова, и жил[172]. Археологические раскопки не выявили в Пинске слоев конца X – начала XI в.[173], поэтому сложно сказать, существовал ли этот город во время Святополка. По мнению П.Ф. Лысенко, Туровское княжество по своему значению среди русских земель уступало лишь Киеву и Новгороду (где правили Владимир и Вышеслав), а также Полоцку (где находился Изяслав). Такое значение этому региону, по его мнению, придавали важное западное направление внешней политики Киева и Припятский водный путь[174]. Но этот вывод не кажется достаточно убедительным. Земля дреговичей не отличалась высоким

экономическим развитием и во многом в то время представляла собой дикий, лесистый и необжитой край[175]. С другой стороны, этот регион находился на незначительном удалении от Киева, и Владимир, вероятно, имел возможность держать сына под контролем. Далее на запад находилась Польша, где княжил Болеслав I Храбрый, активно устанавливавший матримониальные связи со многими европейскими династиями. Так, три его дочери от первого брака были выданы за скандинавских правителей: Гейра — за Олава Трюггвасона, Астрид — за ярла Сигвальди, Гунихильд — за датского конунга Свена[176]. На одной из дочерей польского князя женился и Святополк.

Сведения об этом браке содержатся прежде всего в "Хронике" Титмара Мерзебургского (IV книга). Историк рассказывает о семье Болеслава: "Она (Эмнильда, третья жена Болеслава. — *Авт.*) родила двух сыновей... а также трех дочерей, из которых одна — аббатисса, вторая вышла замуж за графа Хреманна, третья — за сына короля Владимира, о чем я еще скажу"; далее (VII книга): "Имея троих сыновей, он (т. е. Владимир. — *Авт.*) дал в жены одному из них дочь нашего притеснителя герцога Болеслава, вместе с которой поляками был послан Рейберн, епископ колобжегский". Имя этого сына Владимира — Святополк — сообщается хронистом чуть позже, в VIII книге[177]. Известие носит отвлеченный характер, в общем контексте хроники никак не соединяясь с другими событиями по хронологии. Во-вторых, данные о браке Святополка сообщаются Саксонским анналистом; они приводятся после описания похода Болеслава на Киев в 1013 г. и до сообщения о заговоре Святополка и Рейнберна против Владимира. Однако этот источник второй половины XII в. в данном случае является лишь компиляцией известий Титмара и самостоятельной ценности не имеет[178]. Наконец, косвенное и весьма глухое указание на родство Святополка с Болеславом содержит и "Хроника" Галла Анонима, которая не приводит по этому поводу никаких конкретных фактов[179]. Таким образом, хроника Титмара, написанная буквально по следам описываемых событий, является единственным источником при датировке брака Святополка. Здесь следует принять во внимание ход дальнейших событий, связанных с

Рейнберном и дочерью Болеслава, которые описаны тем же Титмаром. Узнав, что Святополк по наущению Болеслава намерен выступить против него, Владимир схватил и сына, и его жену, и Рейнберна и посадил всех в отдельные темницы. Рейнберн скончался в заключении. "Болеслав же, узнав обо всем этом, не переставал мстить, чем только мог", — свидетельствует Титмар, но содержания мести не раскрывает[180]. Ранее в хронике есть место, где рассказывается о походе Болеслава против Владимира летом 1013 г.[181] С учетом всех представленных данных и решается вопрос о времени брака Святополка.

Одна точка зрения заключается в том, что Святополк женился на Болеславне до 1013 г., а поход 1013 г. и был той самой обещанной местью, хотя и неудачной. При этом зачастую брак Святополка связывается со знаменитой миссией к печенегам Святого Брунона Кверфуртского (1008 г.), встречавшегося в Киеве с Владимиром и преследовавшего, возможно, какие-то политические цели. Данную гипотезу разделяют Р. Рёпель, С. Закшевский — 1009/10 г., Г. Роде — вскоре после 1008 г., А. Грабский, Н.Н. Ильин — 1012 г., В.Д. Королюк — конец 1009 — начало 1010 г., А. Власто — 1009 г., П.Ф. Лысенко — до 1013 г., Н.И. Щавелева — между 1008 и 1013 гг., Л.В. Войтович — около 1007 г.[182] Второе направление историографии базируется на предположении о заключении брака после 1013 г. в результате мирных переговоров по окончании русско-польского конфликта. Это мнение поддержали П.В. Голубовский, И. Линниченко, М.Б. Свердлов, И.М. Шекера, А.Б. Головко[183], причем главным аргументом последнего является порядок событий в известиях Саксонского анналиста. В 1980 г. новую версию попытался предложить О.М. Рапов. По его мнению, женитьба Святополка состоялась между 1002 и 1008 гг.[184] До 1002 г., как полагает исследователь, Русь и Германия находились в союзнических отношениях и сковывали агрессивные устремления Болеслава как на востоке, так и на западе. Установлению русско-германского союза способствовал якобы брак Владимира с византийской принцессой Анной, родная сестра которой Феофано была женой императора Оттона II и матерью Оттона III (на самом деле родственная связь Феофано и

Анны мифична. Феофано была всего лишь племянницей императора Иоанна Цимисхия[185]). Со смертью Оттона III такое положение нарушилось, и уже в следующем году Болеслав начал войну с Германией. Естественно, ему было необходимо нейтрализовать Русь путем заключения союза, скрепленного браком Святополка. Владимир тоже нуждался в мире с Польшей: он находился в состоянии войны с печенегами (Никоновская летопись под 994 г.). Заключение брака после 1008 г. Рапов оспаривает, поскольку в этом году начинается новое сближение Руси с Германией, о чем свидетельствует радушный прием Владимиром Брунона, доверенного лица Генриха II. Одновременно с помощью Брунона Русь заключила мир с печенегами, "и происки Болеслава на западной границе не представляли для нее серьезной опасности". Кроме того, Рапов считает невозможным заключение брака после 1013 г., потому что В.Н. Татищев упоминает о переговорах Болеслава с Владимиром в 1014 г. и сватовстве польского князя к дочери Владимира (вероятно, Предславе)[186], что само по себе исключает брак Святополка. А.В. Назаренко отметил, что "все попытки уточнить датировку между 1005/07 и 1015 гг. являются сугубо гипотетическими", но поскольку гл. IV, 58, "в которой Титмар сообщает о браке Святополка, входит в дополнения к IV книге, начатой хронистом в конце 1013 или 1014 г.", "хронологически в браке Святополка и Болеславны можно, вообще говоря, усматривать не причину, а следствие похода 1013 г.". Причинами русско-польского конфликта в 1013 г. в таком случае могут являться: желание Болеслава захватить Червеньские города, важные пункты на стратегическом пути Киев–Краков–Прага–Регенсбург; вопрос о влиянии в прусско-ятвяжских землях. Однако считать гипотезу о браке после 1013 г., по мнению историка, доказанной нельзя[187].

Итак, определились три версии: между 1002 и 1008 гг.; между 1008 и 1013 гг. (поход Болеслава как месть) и между 1013 и 1015 гг. (результат мира после похода). Если обратиться к данным генеалогии, т. е. к возможной датировке женитьбы Болеслава на Эмнильде, то получится, что Болеславна родилась не ранее 991 г.[188]). Титмар перечисляет детей Эмнильды: сыновья Мешко и Оттон и

три дочери, из них жена Святополка третья. Вероятно, это перечисление по старшинству. Тогда рождение Болеславны смещается на конец 990-х гг. Следовательно, датировка Рапова практически отпадает, а датировка 1008–1009 гг. ставится под сомнение. В первом случае надо также учесть, что "колобжегский епископ примерно до 1007 г. вряд ли мог оказаться в свите польской княжны, так как был скорее духовником Болеславны, освобожденным от своих пастырских обязанностей в епархии, упраздненной около 1007 г."[189] Кроме того, Рапов ошибочно считает Брунона "доверенным лицом" Генриха II, из чего делает вывод о русско-немецком сближении после 1008 г.[190]

Следовательно, остаются два варианта: до войны 1013 г. и после нее. Связь женитьбы Святополка с миссией Брунона может иметь косвенное подтверждение в факте присутствия одного из сыновей Владимира у печенегов в 1008 г., однако по имени он не называется, а Брунон ничего не сообщает ни о Рейнберне, ни о польской княжне[191]. Косвенным аргументом против второго варианта может служить упомянутое Татищевым под 1014 г. посольство Болеслава к Владимиру (см. ранее). Но это известие Татищева слишком неясно, а возможность заключения сразу двух династических браков может быть реальной. С другой стороны, если предположить брак как результат похода 1013 г., то в чем заключалась упомянутая Титмаром "месть" Болеслава? А.Б. Головко полагает, что Болеслав подговаривал печенегов к нападению на Киев, что и произошло, по мнению историка, в конце 1014 – начале 1015 г.[192] Сделать вывод о существовании в то время печенежской опасности позволяет указание ПВЛ о том, что Владимир направил Бориса из Киева навстречу печенежским отрядам[193]. Но не следует забывать, что летописи не содержат указаний о каком-нибудь столкновении Бориса со степняками, и, вероятно, слухи о их появлении оказались ложными. Во всяком случае наиболее естественной формой мести со стороны Болеслава была бы организация нападения на Русь, каковое и произошло в 1013 г. (поход Болеслава на Русь уже после смерти Владимира не может рассматриваться в качестве мести. Святополк тогда уже стал киевским князем, а Титмар определенно пишет о

мести до смерти Владимира). Таким образом, думается, брак Святополка был заключен незадолго до 1013 г., вероятно, в начале 1010-х гг. Инициатором в данном случае мог выступать Болеслав, поскольку его заинтересованность в союзе с Русью ввиду постоянных польско-германских войн начала XI в. не подлежит сомнению.

Поход Болеслава в 1013 г. окончился не слишком удачно из-за раздоров поляков и их союзников печенегов, поэтому логично предположить о сохранившемся status quo в положении Святополка. Титмар прямо пишет, что Святополк вплоть до смерти Владимира находился в темнице; "впоследствии, сам ускользнув, но оставив там жену, он бежал к тестю"[194]. Русские летописи, прежде всего ПВЛ, отмечают пребывание Святополка в это время в Киеве или в Вышгороде, что отнюдь не означает его свершившегося освобождения. Разумеется, Святополк мог выйти на свободу сразу же после смерти отца. С другой стороны, ПВЛ говорит о вокняжении Святополка в Киеве[195], в то время как Титмар — о его бегстве в Польшу, которое, по ПВЛ, произошло только после поражения под Любечем (6524 г.). Это несоответствие приводило многих историков в недоумение, заставляя по-своему интерпретировать ход событий (см., к примеру, версии В.Д. Королюка, А.Б. Головко[196]). Однако А.В. Назаренко убедительно доказал, что слово "впоследствии", употребленное Титмаром, не свидетельствует о немедленном бегстве Святополка в Польшу, это бегство могло случиться и позже, а Титмар, очевидно, не был информирован о русских событиях 1015—1016 гг., в том числе и о Любечской битве[197]. По сообщению того же Титмара, Болеславна оказалась в плену у Ярослава, и польский князь пытался "обменять" свою дочь на жену, мачеху и сестер Ярослава[198]. Но результат этих переговоров, а следовательно, и судьба жены Святополка остались неизвестными.

При рассмотрении дальнейшей биографии Святополка нужно хотя бы вкратце остановиться на событиях знаменитой усобицы Владимировичей 1015—1019 гг., тем более что в нее были вовлечены многие сыновья киевского князя. В русских источниках события усобицы представлены следующим образом (за основу взяты со-

общения ПВЛ)[199]. Владимир умер в Берёстове 15.7.1015 г.; затем в Киеве спешно вокняжился Святополк, который убил трех своих братьев: Бориса, Глеба и Святослава (лето – ранняя осень 1015 г.); весть о смерти братьев от сестры Предславы дошла до Ярослава, который собрал войско и пошел войной на Святополка. Наступила осень, начался 6524 г. Войска три месяца стояли по обоим берегам Днепра у Любеча. Начались заморозки, Днепр покрылся льдом. В происшедшем сражении Святополк был разбит и бежал в Польшу, а Ярослав вокняжился в Киеве. Судя по ходу рассказа, Любечская битва произошла поздней осенью 1015 г. (6524 г. в ПВЛ – сентябрьский). В 1017 г., по ПВЛ, "Ярослав пошел в Киев, и погоре церкви". По сведениям Новгородской I летописи, в этом году Ярослав ходил на Берестье, взял его и вернулся домой[200]. По мнению А. Поппэ и А.В. Назаренко, вторая часть фразы ПВЛ свидетельствует о пожаре одной из церквей в Киеве, что сопоставляется со сведениями Титмара о киевском пожаре в 1017 г.[201] В 1018 г. Болеслав со Святополком идут войной на Русь, у Буга разбивают войско Ярослава, который бежит в Новгород, а оттуда даже намеревается отправиться в Скандинавию. Между тем Болеслав и Святополк занимают Киев, и Святополк становится киевским князем. Пробыв несколько месяцев в Киеве, Болеслав уходит в Польшу, так как его людей начинают убивать жители Руси. Ярослав из Новгорода с дружиной идет на Киев; Святополк, полагая, что не в состоянии оказать сопротивление, бежит к печенегам. Ярослав становится киевским князем вторично, а в 1019 г. встречается с печенежским войском Святополка на р. Альте (где погиб Борис) и разбивает его. Святополк бежит куда-то на запад и погибает неизвестно где.

Из латинских источников наибольшую ценность представляет "Хроника" Титмара, которая написана практически во время рассматриваемых событий[202]. Здесь говорится о том, что Владимир разделил свои владения между двумя сыновьями, а третий (Святополк) сидел в тюрьме. На самом деле, конечно, сыновей у Владимира было больше. Под "вторым" сыном исследователи подразумевали то Бориса (А.Б. Головко), то Брячислава, племянника Ярослава и Святополка (А.В. Назаренко)[203].

То, что эти "братья" могли находиться в разной степени родства, — естественно, если исходить из объяснения А.И. Лященко о том, что князья называли друг друга условно братьями[204]. Но в принципе имя "второго" брата не имеет значения: по ходу повествования он больше и не появляется (ср. общий мотив "троичности" для русской традиции и соответствующую "троичность" сыновей Владимира в "Пряди об Эймунде")[205]. В "Хронике" (VII, 65) говорится о захвате королем Руси (Ярославом) какого-то города, принадлежавшего Болеславу; затем Болеслав вторгся на Русь, возвел на престол брата Ярослава, т. е. Святополка, "долго пребывавшего в изгнании", и "довольный вернулся" на родину. Исследователи обычно сопоставляли эти известия с захватом Берестья в 1017 г. и походом Болеслава на Русь в 1018 г. Однако "довольное" возвращение Болеслава плохо сопоставимо с возвращением 1018 г., почти бегством. А.В. Назаренко показал, что сведения о возвращении Болеслава в 1018 г. не успели войти в хронику Титмара, поэтому он предположил, что здесь имеются в виду какой-то не известный другим источникам поход на Русь и восстановление Святополка на престоле одного из городов, ранее ему принадлежавших[206]. Таким городом мог быть Туров или какой-нибудь другой. Но в таком случае не совсем понятным становится статус Берестья, который, хотя и находился на границе Польши и Руси, тем не менее, судя по всему, Польше не принадлежал. С другой стороны, далее в "Хронике" (VIII, 32) Титмар вновь говорит о захвате Ярославом города, но на этот раз принадлежавшего Святополку. В этом известии как раз и можно увидеть аналогию с захватом Берестья в 1017 г. (август-сентябрь, по мнению М.Б. Свердлова[207]), которое могло принадлежать Святополку. Тем более что затем следует фраза: "На город Киев, чрезвычайно укрепленный, по наущению Болеславову часто нападали враждебные печенеги, пострадал он и от сильного пожара". Пожар, по Титмару, произошел в 1017 г. Эти сопоставления позволили историкам говорить и о нападении печенегов в 1017 г., и о киевском пожаре в 1017 г. (видимо, пользуясь хроникой Титмара, Татищев пометил оба события 1017 г.[208]). В целом пассаж о захвате города, печенегах и пожаре вырывается из контекста рассказа о походе Болеслава в 1018 г.

На мой взгляд, в первом отрывке (VII, 65) можно видеть упоминание не только некоего не известного другим источникам похода Болеслава на Русь, но и о захвате какого-то польского города. В данном случае это упоминание не тождественно захвату Берестья. Тогда и захват польского города, и ответный удар Болеслава, приведший к укреплению (возможно, временному) Святополка в каком-то русском городе, можно условно отнести к 1016 г.

Далее в "Хронике" (VIII, 31–33) Титмар подробно рассказывает о походе Болеслава на Русь: Бужское сражение датируется 22 июля, а захват Киева – после недолгого сопротивления – 14 августа 1018 г. Таким образом, известия Титмара в целом согласуются с рассказом ПВЛ (многого Титмар не знал, что вполне естественно).

Из скандинавских источников события 1015–1019 гг. упомянуты в "Пряди об Эймунде Хрингссоне" и "Саге об Ингваре Путешественнике". "Прядь об Эймунде Хрингссоне" (называемая в нашей историографии и "Сагой об Эймунде") относится к разряду королевских саг, сохранилась в составе "Саги об Олаве Святом", написана в конце XIII в.[209] На русский язык переводилась несколько раз (в том числе О.И. Сенковским), последний перевод принадлежит Е.А. Рыдзевской (опубликован и Т.Н. Джаксон)[210]. Повествование саги таково. Конунг Гардарики Вальдимар перед смертью наделил своих троих сыновей землями, причем старшему досталась бóльшая часть владений отца: Бурицлав княжил в Кэнугарде, Ярицлейв – в Хольмгарде и Вартилав – в Палтескье. Узнав о смерти Вальдимара, в Гардарики отправились потомки Харальда Прекрасноволосого Эймунд Хрингссон и Рагнар Агнарссон. Они приехали к Ярицлейву и его жене Ингигерд. Заключив договор на год, викинги стали служить Ярицлейву. Вскоре началась война, спровоцированная Бурицлавом, и в битве у какой-то реки Бурицлав был разбит и бежал в Бьярмаланд, а Ярицлейв занял его владения. Летом и зимой было мирно, а договор с Эймундом закончился. Тогда Ярицлейв и Эймунд продлили договор еще на год, поскольку Эймунд узнал, что Бурицлав не погиб (как полагали), а жив и идет снова войной на Ярицлейва. Бу-

рицлав осадил город, где находился Ярицлейв. Во время осады Ярицлейв был ранен в ногу, но Бурицлав вторично был разбит и бежал. Снова думали, что он погиб. Следующие лето и зима прошли в мире, вновь закончился срок договора, а Бурицлав опять пошел войной на Ярицлейва, на этот раз из Тюркланда. Тогда Эймунд еще раз продлил договор, но теперь варяги тайно убили Бурицлава и принесли его отрубленную голову Ярицлейву. Войско, лишенное предводителя, распалось. После очередных мирных лета и зимы Эймунд с варягами ушел служить Вартилаву в Палтескья. Но это уже выходит за рамки усобицы.

Литературную форму саги, ее определенную повторяемость (три года службы, три столкновения с Бурицлавом, три совета Эймунда и т. д.) отмечали многие исследователи (Р. Кук, Е.А. Рыдзевская, Е.А. Мельникова, Т.Н. Джаксон и др.[211]). Тем не менее в рассказе содержится ряд реалий: Вальдимар — князь Владимир, Ярицлейв — Ярослав (князь Хольмгарда-Новгорода), его жена Ингигерд, Вартилав, конунг Палтескья — Брячислав, князь Полоцка, Кэнугард — Киев, где княжил Святополк, Тюркланд — степной мир, печенеги, союзники Святополка в войне, наконец, Бьярмаланд — район Беломорья. Историки пытались восстановить хотя бы относительную хронологию саги. Так, А.И. Лященко, сопоставляя рассказ саги и летописи, пришел к выводу о появлении Эймунда на Руси летом 1016 г.[212] По мнению А.В. Назаренко, опиравшегося на хронологию событий, предшествующих приключениям Эймунда на Руси, Эймунд прибыл на Русь осенью 1019 г., когда уже Ярослав был женат на Ингигерд[213] (что совпадает с датировкой и Исландских анналов). Но, по справедливому замечанию Т.Н. Джаксон, «мы не можем полагаться на "относительную хронологию саги"», поскольку "Пергамен с Плоского острова", в составе которого до нас дошла сага, "не является единой сагой и ее составитель не сумел до конца упорядочить хронологию включенных в рукопись саг, а потому соединение различных текстов в этой рукописи порой весьма условно с хронологической точки зрения"[214]. Тем не менее события саги и события летописи совпадают[215]. Рассказ о первом столкновении Ярицлейва и Бурицлава соответствует Любечской битве, происшед-

шей у Днепра. Рассказ о нападении Бурицлава на город соответствует осаде Киева печенегами. Хороним "Тюркланд" указывает на связь Бурицлава-Святополка со степняками. Ранение Ярослава на крепостной стене (следовательно, происшедшее примерно в 1017 г.) находит подтверждение в антропологическом исследовании его скелета. По летописи, после Любечской битвы Святополк бежит в Польшу, по саге — в Бьярмаланд, т. е. на северо-восток. Но можно сказать, что "до составителей Пряди дошли сведения о бегстве Святополка в отдаленные земли, а для северных авторов территориями, окраинными по отношению к Гардарики, и выступал как раз Бьярмаланд"[216]. Таким образом, отдельные элементы сагического рассказа соответствуют летописному повествованию. Если Любечская битва произошла поздней осенью 1015 г., то, исходя исключительно из внутренней хронологии саги (которая, разумеется, вряд ли соответствует хронологии реальных событий), Эймунд прибыл на Русь и заключил договор с Ярославом осенью 1015 г. Потом он продлил его на год, в течение которого весной-летом 1017 г. на Киев напали печенеги, потом еще на год, до конца 1018 г., а потом ушел к Вартилаву. По этой хронологии Бурицлав погиб в 1018 г. Присутствие Ингигерд уже во время прибытия Эймунда на Русь в сагическом рассказе выглядит естественно, так как она была весьма популярна в древнескандинавской литературе и ее образ, разумеется, сопоставлялся с образом Ярослава. Таким образом, реальную хронологическую сетку для саги создать нельзя, а отдельные элементы ее рассказа являются отголосками реальных событий усобицы, разумеется, преломленных в результате долгого бытования в устной среде.

Однако вызывает естественный вопрос история третьего витка борьбы конунгов. И здесь неизбежно встает проблема странного имени Бурицлав. Эта форма соответствует имени Болеслав (ср. его употребление в "Саге об Олаве Трюггвасоне", в "Хеймскрингла"[217]). То, что Святополка называли Болеславом, комментаторы саги объясняют тем, что оба они были союзниками, а в некоторых летописях Болеслав даже выступает в качестве главного члена этого тандема (сообщается даже, что именно он вокняжился в Киеве)[218]. В то же время нель-

зя исключить и какой-то связи имени Бурицлав с именем Борис, которое происходит от славянского Бориславъ[219]. Основанием этому может служить описание сагой убийства Бурицлава, которое, как показал Н.Н. Ильин, соответствует описанию убийства Бориса в ПВЛ[220]. Часть исследователей выступила против подобной трактовки (частично В.Д. Королюк, затем О.М. Рапов, А.В. Назаренко, Т.Н. Джаксон, Н.И. Милютенко и др.[221]). Другие попытались более взвешенно подойти к сопоставлению источников.

Н.Н. Ильин, впервые обративший внимание на совпадение рассказов об убийствах Бурицлава и Бориса, пришел к выводу об условности летописных датировок гибели Бориса и Глеба и о сомнении в причастности хотя бы к первому из них Святополка. При этом, опираясь на данные Титмара о быстром бегстве Святополка в Польшу (которые, как мы видели ранее, весьма условны), историк счел возможным говорить о появлении на Руси Святополка только в 1018 г.[222] Исходя из этого получалось, что основным противником Ярослава на первом этапе усобицы выступал именно Борис. Несмотря на то что В.Д. Королюк назвал гипотезу Н.Н. Ильина о некоторой тождественности Бурицлава и Бориса "малоубедительной", он тем не менее, также опираясь на неверно толкуемое известие Титмара, счел возможным отметить убийство Бориса и Глеба лишь после закрепления Святополка в Киеве в 1018 г.[223] Кроме того, оба историка посчитали описания Любечской и Альтской битв тождественными (битва на месте убийства Бориса — агиографический прием) и предположили, что была всего одна битва между Ярославом и Святополком в 1019 г. Наиболее законченное воплощение гипотеза Ильина нашла в работе А.Б. Головко[224]. Его выводы оказались настолько оригинальны, что А.В. Назаренко даже назвал их фантастическими[225]. Головко посчитал, что Бурицлав — это не некий собирательный образ, поглощающий, как писал Н.Н. Ильин, "всех тогдашних врагов Ярислейфа"[226], а только Борис. В этом случае Владимир разделил Русь между Борисом, князем Киева, и Ярославом — князем Новгорода; третий "наследник", Святополк, по Титмару, сидел в тюрьме (потом он вырвался и бежал к Болеславу). До 1018 г. Ярослав боролся только с Бори-

сом. Ярослав захватил Киев, летом 1017 г. Борис вместе с печенегами осаждал его, впоследствии Эймунд и его сообщники убили Бориса. Затем в 1018 г. Болеслав захватил Киев, а в 1019 г. произошла битва Святополка с Ярославом, перенесенная ПВЛ на 1016 г. (в этом Головко соглашается с выводами Ильина и Королюка), Ярослав стал киевским князем вторично. Крайнюю позицию по рассматриваемому вопросу занял специалист по научному атеизму Г.М. Филист, чья популярная книга, рассчитанная на сенсацию, построена полностью на отрицании всех летописных данных и носит ненаучный характер[227].

Более осторожно, но с учетом весьма убедительного сопоставления Ильиным обоих рассказов об убийствах, высказались В.Л. Янин, М.Х. Алешковский и А.С. Хорошев[228]. При этом Хорошев убедительно показал, что хронологическая привязка рассказа об убийстве Бурицлава к 1018 г. искусственна, ведь сага не историческая хроника, а во многом художественное произведение. Думается, в саге образы Святополка и Бориса могли сместиться. По мнению Хорошева, вполне возможно говорить о причастности Ярослава к убийству Бориса, которое могло произойти в том же 1015 г. Если Борис поддерживал Святополка, то его гибель была выгодна Ярославу. Что касается Глеба, то причастность к его смерти Святополка вряд ли может быть оспорена. Таким образом, гипотеза Ильина о том, что в пассаже саги о третьем витке усобной борьбы описана гибель именно Бориса, полагаю, имеет право на существование. В этом случае считать описание убийства Бурицлава гибелью Святополка, как это сделал А.И. Лященко[229], представляется затруднительным.

В "Саге об Ингваре Путешественнике" (относится к разряду "саг о древних временах") содержится краткое сообщение о событиях усобицы, но здесь героем предстает другой Эймунд, сын Аки и отец Ингвара Путешественника. У Эймунда с Бурислейвом было пять битв, "и в последней Бурислейв был взят в плен, ослеплен и привезен к конунгу"[230]. Мотив об ослеплении врага широко распространен в сагах. Вероятно, сага об Ингваре донесла отголоски событий, более подробно описанных в "Пряди об Эймунде".

Сложно согласиться с мнением Н.Н. Ильина и В.Д. Королюка о тождественности Любечской и Альтской битв. Основанием для этого служат отсутствие подробностей сражения и его место (там же, где погиб и Борис). Таких аргументов недостаточно для сомнений в летописном рассказе. В ПВЛ есть четкое сообщение о том, что Альтское сражение произошло в пятницу. Поход Святополка с печенегами был последней попыткой вернуть престол, после триумфа Болеслава так просто сдаться Святополк не мог. Его поражение оказалось столь сильным, что князь потерял рассудок. Мучимый манией преследования, Святополк окончил свою жизнь в какой-то пустыне между "чехами и ляхами", где его могила была и во времена составления ПВЛ[231]. Существовали предания, что его поглотила земля и из этого места еще долго распространялось зловоние. Фразу ПВЛ часто трактуют конкретно: Святополк направился в Польшу, где был и ранее, но погиб на польско-чешской границе. Интересно в этом случае замечание, сделанное еще О.И. Сенковским, отметившим, что выражение ПВЛ является калькой славянской поговорки, бытовавшей в Польше: "межи Чахы и Ляхы", т. е. неизвестно где[232]. Новгородская традиция не только рассказывала о "дыме из могилы", но и давала конкретное направление бегства – печенежскую степь. Такую версию принял Н.Н. Ильин[233]. Куда на самом деле отправился Святополк и где он окончил свои дни, по всей видимости, навсегда останется загадкой[234]. Анализируя рассказ о бегстве и гибели Святополка, И.Н. Данилевский (также разделяющий мнение о возможном участии Ярослава в убийстве Бориса) выделил библейские мотивы в летописном повествовании. По мнению исследователя, сравнение в летописи Святополка с Авимелехом дает двойственную характеристику этого князя, поскольку в Библии упомянуты два Авимелеха: один – братоубийца, другой – царь, дважды не совершивший греха. Таким образом, летописец намекал на возможность неоднозначной оценки Святополка[235]. При этом историк ссылается на значение слова "окаянный" – "несчастный", "жалкий", "многострадальный" в подтверждение гипотезы Ильина (это значение прозвища отмечал еще и Н.М. Карамзин)[236]. Последний аргумент

представляется неоднозначным, поскольку слово "окаянный", возможно, происходит от имени Каина, библейского братоубийцы (далее в тексте ПВЛ упоминаемого) и применительно к Святополку как раз и могло подтверждать его деяния.

Святослав. Следующими сыновьями Владимира ПВЛ называет Святослава и Мстислава Храброго, родившихся от какой-то "другой" чешки[237]. У Татищева мать Святослава названа Малфридой, а мать Мстислава и Станислава — Адилью (Алелью)[238]. Вероятно, Татищев заимствовал Малфриду из сообщения ПВЛ о ее смерти в 1000 г. (при этом кто она такая, неясно, но ее имя стоит рядом с Рогнедой, что позволяет предположить в ней одну из языческих жен Владимира)[239]. Никоновская летопись называет Малфриду "богатырем Малвредом сильным", который умер в 1002 г. (датировки Никоновской летописи в этой части опережают датировки ПВЛ на два года)[240]. В других источниках существует путаница в определении детей чешки: в Тверской летописи это и Святослав, и Станислав, и Судислав, и некий Болеслав[241], М. Стрыйковский считает детьми чешки Святослава и Станислава[242]. В то же время имя Малфрида-Малфредь-варяжское (см. раздел о Святославе), поэтому сложно считать ее чешкой. Поздние историки совсем запутали сведения источников: например, у Т.С. Мальгина Адиль оказывается гречанкой — матерью сразу Святополка, Мстислава и Станислава[243]. Л.В. Войтович полагает, что Владимир мог жениться на чешке после западного похода на волынян и хорватов в 981 г., а сама невеста могла быть хорватской княжной. Матерью Мстислава Войтович считает Адель, к Малфриде или Адели он приписывает и Станислава, и Судислава[244]. Отвлекаясь от домыслов, вслед за ПВЛ можно только признать чешское происхождение Святослава и Мстислава, но определить имя их матери невозможно. Совершенно неясно, откуда у Татищева, ссылающегося на Иоакимовскую летопись, могло появиться имя Адель (Татищев интерпретирует его как Адельгейд).

Святослава Н.А. Баумгартен и Л. Войтович поставили в своих работах раньше Ярослава, т. е. четвертым сыном Владимира[245]. Это может быть и так, учитывая более позднюю дату рождения Ярослава. К тому же Святослав

пал жертвой усобицы, что также не случайно, вероятно, он был чем-то опасен Святополку. От отца Святослав получил в держание Древлянскую землю, столицей которой был в свое время Искоростень; новым центром княжества стал Белгород, построенный Владимиром как крепость в 991 г.[246] В 1015 г. Святослав бежал в Венгрию, но в пути его настигли посланные Святополком люди и убили[247]. Однако в отличие от Бориса и Глеба Святослав не был канонизирован церковью. О.М. Рапов пытался объяснить этот факт тем, что Святослав, очевидно, искал помощи в Венгрии, может, даже для захвата великокняжеского стола в обмен на какие-то территории или на подчинение русской церкви Риму (король Иштван I ориентировался на западное христианство)[248]. Близость Святослава к Венгрии позволила ряду историков предположить, что женой князя была венгерская герцогиня, может быть, даже принцесса – дочь Иштвана[249]. Но никаких определенных данных на сей счет нет, и гипотезы остаются только логическими предположениями. Местные предания сохранили место гибели Святослава – "поле Святославово", "Синоводское поле", около местечка Сколье, на берегу реки Опор, по дороге в Венгрию (соврем. Львовская обл. Украины)[250]. Здесь же якобы Святослав и был похоронен. Раскопки кургана показали, что это захоронение знатного дружинника XI в., им мог быть и Святослав[251]). Интересно, что у Святослава был сын Ян, родившийся в 1000 г. (Никоновская летопись – 1002 г., откуда, возможно, и у В.Н. Татищева)[252]. Значит, Святослав родился в самом начале 980-х гг. и был ненамного младше Святополка, чем и представлял для него угрозу. Имя Ян свидетельствует о возможном браке Святослава с чешкой или венгеркой или о его происхождении от чешки. Дальнейшая судьба Яна абсолютно неизвестна. Т. Мальгин почему-то называет Яна Ярославом и пишет о его смерти в 1028 г., но откуда появились эти сведения, неясно[253].

Мстислав-Константин (Храбрый). Он стал князем в далекой Тмутаракани (вернее, в Тмуторокане)[254]. Первое упоминание о деятельности Мстислава относится к 1022 г. Тогда Мстислав отправился в поход на касогов (территория Западного Кавказа); навстречу ему вышло воинство местного князя Редеди (иногда Редеги), и в

поединке перед битвой Мстислав, обратившись к заступнице Богородице, убил Редедю и потом возложил на касогов дань. Вернувшись домой, Мстислав заложил церковь Богородицы, которая еще при Несторе стояла в Тмутаракани[255]. О борьбе Мстислава с Редедёй упоминается и в "Слове о полку Игореве", где Боян поет песнь "храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы касожьскыми"[256]. Смерть Редеди, по мнению А.В. Гадло, способствовала выходу Руси на Кавказ и включению в систему ее политических связей коренных этнических групп северокавказского региона, в частности и адыгов (касогов)[257]. На Кавказе учтены только две северокавказские легенды, связанные с Редедёй. Фольклорные мотивы с упоминанием Редеди-Уорреддэд исследовались в отечественной науке, возможно его сопоставление с русским богатырем Рахтой (Рагдаем?) и с мордовской дружкой — уредевом[258].

В 1023 г. Мстислав вступил с Ярославом в борьбу, в результате которой был осуществлен раздел земель между братьями (1026 г.), и Мстислав сделал столицей своих владений Чернигов, где заложил Спасо-Преображенский собор, который и доныне остается древнейшим архитектурным памятником Руси[259]. В 1031 г. Мстислав и Ярослав отвоевали у Польши Червеньские города, а в 1036 г. (по ПВЛ, в Софийской I летописи — в 1034 г.) Мстислав умер, разболевшись на охоте, и был похоронен в Спасо-Преображенском соборе[260]. Все его владения перешли к Ярославу. Летопись сохранила нам словесное его описание: могуч телом, красив лицом, с большими глазами, храбрый, милостивый, любил дружину без меры[261]. По мнению А.П. Новосельцева, с кавказской политикой Мстислава можно связать и походы русов на Кавказ в 1030—1031 гг., известия о которых сохранились в местных хрониках, причем русы были союзниками алан и дагестанцев против касогов. Мстислав был союзником Византии (после похода 1030 г. русы ушли на территорию Империи) и каким-то образом связан с печенегами, которые сразу после смерти Мстислава напали на Русь[262].

В византийских источниках Мстислав упоминается под именем Νεσιουλαβος у Скилицы и Кедрина в сообщении о смерти архонтов Руси Мстислава и Ярослава (датирова-

но весной 6544 г., 4-м индиктом, что соответствует весне 1036 г., а значит, дата совпадает с летописной) и наследовании им Зинислава (очевидно, Изяслав Ярославич)[263]. По мнению Т.Н. Джаксон (вслед за Р. Куком), в образе Вартилава "Пряди об Эймунде" отразились черты Мстислава Владимировича[264] (странно, что исследовательница считает возможным соединение двух персонажей в одном образе Вартилава, но почему-то категорически отрицает возможность соединения также двух персонажей в образе Бурицлава). Основанием для этого служит заключение между Вартилавом и Ярославом мирного договора, по которому Вартилав завещал после смерти свой удел Ярославу. Однако обстоятельства заключения договора обставлены в "Пряди об Эймунде" чисто легендарными подробностями: ведущая роль здесь принадлежит Ингигерд, Вартилав получает в держание Киев, а правителем Полоцка становится сам Эймунд. Да и можно ли сопоставлять мир в "Пряди..." с миром Мстислава и Ярослава, когда известно, что в 1021 г. Ярослав воевал с Брячиславом, и, вероятно, на этом их столкновения не окончились. Единственное, что роднит Вартилава и Мстислава, это упоминание о переходе владений Вартилава к Ярославу. Ведь у Брячислава остался сын Всеслав, который и стал его наследником. Но можно ли доверять сообщению "Пряди...", которая, вполне возможно, недостоверно освещает ряд моментов владения русскими землями (Эймунд правит в Полоцке, а Рёгнвальд в Ладоге)? И Мстислав никогда не был киевским князем, как сагический Вартилав (ср. мнение А.И. Лященко о мифичности земельных условий договора[265]).

Имя жены Мстислава Анастасии, как и христианское имя самого князя, известно по Любечскому синодику[266]. Сын Мстислава Евстафий умер в 1033 г., очевидно, в молодом возрасте[267]. Один из "знаков Рюриковичей", возможно принадлежавший ему, исследован С.В. Белецким[268]. В поздних родословных легендах сохранилось предание, что дочь Мстислава была выдана отцом замуж за одного из сыновей Редеди, получившего при крещении имя Роман. От этого брака произошли русские дворянские роды Сорокоумовых-Глебовых, Лопухиных, Ушаковых и др.[269] Это типичная родословная легенда, в которой родам был придуман знаменитый родоначаль-

ник. Родословие от Рсдеди представляет собой крайне недостоверный перечень имен с большими хронологическими проблемами.

Вячеслав. Историков давно удивлял тот факт, что такой крупный древнерусский город, как Чернигов, не был уделом никого из сыновей Владимира. Это дало повод к утверждению о существовании там местной династии или другой ветви Рюриковичей[270]. Между тем у Татищева упомянут еще один сын Владимира — Вячеслав. Первый раз — в списке жен и детей князя: Вячеслав — сын "чехини"; при этом совершенно очевидно, что в данном случае имеется в виду Вышеслав, известный по ПВЛ[271]. Замена Вышеслава на Вячеслава кажется естественной, поскольку оба имени близки друг другу. Вячеслав — имя чешское (один из первых чешских святых-мучеников). Кроме того, имя Вячеслав впоследствии у Рюриковичей встречалось, а имя Вышеслав не употреблялось более никогда (правда, известна женская форма — Вышеслава). Путаница в именах, однако, далее у Татищева только усугубляется. В примечаниях историк разделяет Вышеслава и Вячеслава, отмечая, что Вячеслав получил от Владимира Чернигов и умер, вероятно, до 1024 г., поскольку в этом году он не упоминается в летописях, где ведется рассказ о захвате Чернигова Мстиславом[272]. Откуда появились данные о черниговском княжении Вячеслава — неизвестно. Возможно, они могли быть и простым домысливанием ситуации, гипотезой Татищева, отмеченной как факт (такое часто встречается в "Истории Российской"). Может быть, из татищевских известий Вячеслав перешел в "Родословие князей великих и удельных", составленное Екатериной II, и в "Зерцало российских государей..." Т. Мальгина[273]. Причем Мальгин также путал Вышеслава и Вячеслава, датировав смерть последнего 1012 г. (у Татищева смерть Вышеслава датирована этим годом). В советский период путаница продолжалась. Так, Б.Д. Греков тоже назвал Вышеслава Вячеславом[274]. А.Н. Насонов принял на веру предположение Татищева и писал о княжении Вячеслава в Чернигове[275]. Версию о Вячеславе развил Б.И. Яценко[276], предположивший, что сын "чехини" Вячеслав во время усобицы 1015—1019 гг. бежал в Чехию, откуда впоследствии вернул его сын Борис Вячеславич. Борис погиб в битве на Нежатиной Ни-

ве 3 октября 1078 г. (традиционно считают его внуком Ярослава Мудрого). Для того чтобы увязать свою теорию с сообщением ПВЛ, Яценко пришлось допустить, что в перечне 980 г. Вячеслава сознательно заменили Вышеславом, поскольку упоминание опального князя было нежелательным, а Вышеслав был сыном Рогнеды, и на его место в перечне поставили второе имя Мстислава. Такие сложные манипуляции с летописным текстом исходят исключительно из желания показать достоверность татищевских известий. При этом Яценко совершенно упускает из виду, что не только неясен источник сведений Татищева о черниговском княжении Вячеслава, но и само существование князя могло явиться плодом ошибки историка из-за схожести имен или по иным причинам (см. выше). Следовательно, принять гипотезу Яценко сложно хотя бы потому, что в вопросе достоверности отдается предпочтение не ПВЛ, а источнику крайне позднему, сведения которого к тому же далеко неоднозначны и неопределенны, — "Истории Российской" В.Н. Татищева. Все-таки один косвенный аргумент в пользу версии Б.И. Яценко возможен: Борис претендовал на Чернигов и даже пробыл там князем недолгое время; но и этот довод весьма шаток.

Станислав. Сын Владимира, очевидно, от "другой" чешки; в перечне сыновей Владимира под 988 г. он идет десятым, после Бориса и Глеба, а следовательно, является одним из самых младших сыновей великого князя[277]. Устюжский летописный свод сообщает, что после крещения Станислав не получил удела, так как был еще слишком мал: "А трех у себя остави: бе бо млади, Станислав, Судислав, Позвизд"[278]. Впоследствии Станислав был князем Смоленска[279]. Дальнейшая судьба его неизвестна, и в историографии он упоминается крайне бегло[280].

Болеслав. Упоминается единственный раз в Тверской летописи как сын Владимира и "чехини" и князь в "Великих Ляхех"[281]. Очевидно, летописец имел здесь в виду польского князя Болеслава Храброго, сыгравшего большую роль в событиях 1015—1019 гг.

Родислав (Родослав?). Сын Владимира и "другой" чешки, родной брат Станислава, упоминается лишь в Супрасльской летописи под 980 г. в перечне семейства Владимира[282]. В Никифоровском же списке на месте его

имени стоит имя Святослава[283]. Возможно, это ошибка или описка летописца. Ни в одном генеалогическом справочнике не упоминается.

Борис-Роман. ПВЛ указывает, что Борис и Глеб были сыновьями некоей болгарки[284]. Однако в статье 988 г. они стоят перед Станиславом, Позвиздом и Судиславом[285]. Логично предположить, что Владимир женился на болгарке после похода на болгар, упомянутого ПВЛ под 985 г. Но какие это были болгары — волжские или дунайские? Большинство историков полагают, что Владимир совершил поход на Волжскую Болгарию[286]. Препятствий для брака на болгарке, которая была мусульманкой, вроде бы не существовало. Много позже Андрей Боголюбский тоже женился на болгарке, именно волжской (в летописях и те и другие болгары именуются одним словом "болгары", а не "булгары", как часто в историографии называют волжских)[287]. Тем не менее некоторые историки полагали, что болгарка происходила из Дунайской Болгарии и, может быть, даже была царского рода[288]. При этом сравнивали имена Роман и Давид с именами, бытовавшими в правящей болгарской династии. Этот путь вряд ли приемлем исходя из того, что при крещении и Борис, и Глеб получили греческие имена, а имя Роман было распространенным в византийских династиях. Тесть Владимира носил это имя. Имя Борис имеет славянское происхождение, а имя Глеб — скандинавское[289]. Поэтому, опираясь на имена, делать выводы о происхождении князей нельзя. С другой стороны, неверное мнение о дунайском направлении похода 985 г. было утверждено Татищевым[290]. Ошибка возникла из-за того, что в древнейших источниках ("Память и похвала..." Иакова Мниха) сообщалось о походе Владимира в 985 г. на "серебряных булгар", что историком было понято как указание на сербов и болгар[291]. Вероятно, поэтому в поздней исторической литературе возникло имя болгарки — Милолика[292]. Якобы дунайское происхождение обоих братьев сопоставлялось с известным описанием летописи: Борис "светился царски". Кроме того, согласно Тверской и Иоакимовской летописям, Борис и Глеб были сыновьями византийской принцессы Анны[293]. Данная версия могла бы найти косвенные подтверждения и в вышеприведенных словах летописи, и в

указаниях на молодость братьев в рассказе об их гибели, и в "особой любви" Владимира к Борису. На них указывал еще С.М. Соловьёв[294]. Однако можно привести и ряд контраргументов:

1. Сведения о молодости братьев могли быть лишь агиографическим приемом (в "Сказании о Борисе и Глебе" им лет по 20)[295].

2. Сведения о "царском" происхождении вовсе не вытекают из фразы "светился царски". Возможно, это просто образное выражение. Владимира вполне могли называть и царем, его сына Ярослава так именовали (ср. граффити Софийского собора), Владимира называли "хаганом"[296], имя Василий происходит от "василевс", т. е. "царь".

3. Если бы братья были сыновьями Анны, автор ПВЛ не преминул бы об этом упомянуть, что и сделали позднейшие летописцы, видимо, стремясь связать факт крещения Руси с Византией (в котором немаловажную роль сыграла Анна) с именами первых русских князей — христианских мучеников. В таком случае логика была понятной: благодаря византийской принцессе Русь становится православной страной, а ее сыновья закономерно — князьями-мучениками. В этом случае возникла бы "обратная связь", попытка, исходя из имеющейся информации, определить "корни" святости, которая и привела к замене бесцветной "болгарыни" византийской принцессой. Поэтому отвергать известие ПВЛ о происхождении матери Бориса и Глеба из Волжской Болгарии было бы преждевременным. В "Сказании о Борисе и Глебе" говорится, что Владимир посадил Бориса сначала княжить на Волыни[297]. Это, очевидно, произошло после смерти Всеволода, так как он был старше Бориса. Потом Борис был князем Муромским, но Владимир держал его при себе в Киеве[298]. Затем после смерти Вышеслава Борис стал князем Ростова[299]. Убийство Бориса произошло в воскресенье, 24 июля 1015 г., т. е., по "официальной" житийно-летописной версии, через девять дней после смерти Владимира[300]. Сложно сказать, насколько эта дата реальна (ср. мнение Н. Ильина[301]). Интересно, что согласно "Сказанию..." Борис был женат еще до вокняжения на Волыни, но о его семье никаких сведений не сохранилось[302].

Глеб-Давыд. Имя Глеб имеет, вероятно, скандинавское происхождение. Это единственное скандинавское имя среди имен сыновей Владимира, и его появление в княжеской среде кажется примечательным. В.Н. Татищев писал, что Глеб первоначально княжил в Суздале[303], затем, когда Борис стал князем Ростова, Глеб начал княжить в Муроме[304]. В позднем "Житии князя Константина Муромского" сообщается, что муромцы не пустили нового князя в свой город и Глеб два года жил где-то неподалеку[305]. Убийство Глеба поваром Торчином (из степняков) произошло в понедельник, 5 сентября 1015 г.[306]

Позвизд-Василько (?). Имя Позвизда упоминается большинством летописей всего один раз в списке 988 г., одиннадцатым или двенадцатым по счету (рядом с Судиславом)[307]. Имя языческое и означает "ветер"; по М.В. Ломоносову, так именовался у славян "бог ветра, дождя и вёдра"[308]. После крещения Руси Позвизд, вероятно, не получил удела, поскольку был еще младенцем[309]. Ломоносов сообщает, что он родился от какой-то наложницы Владимира[310]. В Рогожском летописце в списке сыновей под 988 г. между именами Станислава и Судислава, т. е. как раз на том месте, где должно стоять имя Позвизда, стоит христианское имя Василько[311]. Данное известие уникально и позволяет пред- положить, что именно таким и было христианское имя этого князя. По данным Густынской летописи, Владимир дал Позвизду княжение на Волыни[312]. Ломоносов писал, что на Волыни Позвизд стал князем Луцка[313]. В летописях город упомянут впервые в 1085 г., но археологические раскопки показали, что он суще-ствовал уже в конце X — первой половине XI в.[314] Возможно, Ломоносов пользовался какими-то не дошедшими до нас источниками. Позвизд умер еще при жизни Владимира, что особо оговорено в Синодальном списке Родословной книги: "а князя Позвизда при отце не стало"[315].

Н.А. Баумгартен отождествил Позвизда с неким родичем Владимира Хрисохиром, упоминаемым византийскими источниками[316]. Однако Хрисохир действовал уже после смерти Владимира и поэтому гипотеза Баумгартена кажется малоубедительный.

Судислав. В ПВЛ под 988 г. в перечне Владимировичей Судислав указан последним, а под 980 г. он вообще не упоминается[317]. М.В. Ломоносов писал, что Судислав был сыном одной из наложниц Владимира[318]. После крещения Судислав не получил удела, так как был еще младенцем, но впоследствии стал князем Пскова. Никоновская летопись сообщает, что это произошло после смерти Вышеслава[319]. К 1010 г. Судиславу было уже более 20 лет, поэтому начать княжить он мог и раньше. В 1036 г., после смерти Мстислава Храброго, Ярослав, видимо, решил избавиться от последнего брата-конкурента. Судислав по ложному доносу был схвачен и посажен в поруб[320]. Пробыв в заключении 23 года, он был выпущен только Ярославичами в 1059 г. По обязательству перед ними постригся в монахи и умер в 1063 г., примерно 75 лет от роду[321]. Похоронен он был в Георгиевском монастыре Киева, где, вероятно, и монашествовал[322]. Татищев предположил, что редко упоминаемые летописями Судислав и Позвизд были на самом деле сыновьями Олега древлянского, усыновленными Владимиром[323], но это предположение ни на чем не основано.

До крещения Владимир вел свободный образ жизни, имея множество жен. Можно предположить, что известие ПВЛ об этом — преувеличение, чисто литературный прием, но такая ситуация находит подтверждение у Титмара, современника Владимира, отмечавшего необычайное женолюбие князя[324]. Затем Владимир женился на дочери императора Романа II Анне (род. 13. 3. 963 г.) и принял крещение, но хронология этого события неопределенна, как и дата крещения Руси. Не вдаваясь в литературу по данному вопросу (подробный анализ ее в связи с 1000-летием крещения Руси дан М.В. Бибиковым[325]), отмечу лишь дискуссию последних лет, представленную в работах О.М. Рапова (крещение в 990 г.)[326], Н.М. Богдановой[327], кн. Д.Д. Оболенского (в защиту традиционной датировки)[328], А.Л. Пономарёва и Н.И. Серикова (989 г.)[329]. В целом датировки колеблются между 988 г. и 990 г. Анна скончалась в 1011 г. и была похоронена в церкви Богородицы Десятинной (указание Титмара о захоронении в церкви Святого Климента, равно как и именование Анны Еленой, вероятно, ошибочны[330]).

Мария-Добронега. Под 1043 г. ПВЛ содержит сообщение: "В те времена выдал Ярослав сестру свою за Казимира, и отдал Казимир, вместо свадебного дара, восемьсот русских пленных, захваченных еще Болеславом, когда тот победил Ярослава"[331]. Хронология здесь неопределенна, так как фраза предварена словами "в те времена..."[332]. В других летописях происходит конкретизация: "того же лета..." (Воскресенская, Никоновская летописи), "той же осени..." (Софийская I летопись)[333]. Хронология брака зависит от сообщений о походах Ярослава на Мазовию, после которых и произошли свадьбы Марии и Казимира Восстановителя, Изяслава Ярославича и сестры Казимира Гертруды. Летописи говорят о трех русских походах на Мазовию: в 1041, 1041 или 1043 и 1047 гг.[334] В связи с этим датировка брачного союза "перемещалась": в Новгородской IV, например, указана осень 1041 г.[335] Таким образом, брак был заключен или в 1041, или в 1043 г. Брак Изяслава и Гертруды большинство историков относят к 1043 г.[336] Это, конечно, не означает, что тогда же не мог жениться и Казимир, однако сведения иностранных источников ставят такое положение под сомнение. Европейские источники в большинстве своем брак не датируют (Аноним Галл, Великопольская хроника), но свидетельствуют о том, что это произошло немного времени спустя после возвращения Казимира в Польшу, которое состоялось в 1039 г. (Саксонский анналист)[337]. Ян Длугош датирует свадьбу Казимира 1041 г.[338]

У Казимира и Марии было четверо сыновей. Старший, Болеслав Смелый, согласно Рочнику Красиньских родился в 1039 г.[339] Но в других источниках содержатся более поздние датировки (Длугош — 1042 г.[340]).

Отечественные историки решали вопрос о датировке брака по-разному. И. Линниченко определял ее между 1041 и 1045 гг.[341], Н.А. Баумгартен (посвятивший специальную работу Марии) — концом 1038 — началом 1039 г.[342], аналогично Н.Н. Ильин, В.Д. Королюк — 1039 г., А.Б. Головко, Н.И. Щавелева[343], Л.В. Войтович — 1042 г. (не аргументировано)[344]. Как видим, большинство, опираясь на Саксонского анналиста и Рочник Красиньских, предпочли более раннюю дату. А.В. Назаренко, полагая, что ряд сведений ПВЛ (в том числе и из-

вестие о женитьбе Казимира) восходят к рассказам о Моисее Угрине в "Житии Антония Печерского" (до нас не дошедшем), предположил, что "внутренняя относительная хронология событий в Житии, восстанавливаемая летописцем, опережала действительную на пять лет". Поэтому если сведения о браке Казимира, содержащиеся в ПВЛ, восходят к "Житию..." и если эти сведения обладали в нем относительной датировкой, то датировка ПВЛ (1043 г.) отражает фактическую датировку "Жития..." — 1038 г., что совпадает с данными Саксонского анналиста[345]. Это предположение основывается на допущении, что, во-первых, в "Житии..." содержалась информация о браке Казимира, а во-вторых, что ПВЛ датирует брак 1043 г. Но в первом случае уверенности в присутствии сведений о браке в не дошедшем до нас сугубо гипотетическом памятнике нет, а во втором — ПВЛ не датирует брак, так как предваряет рассказ неопределенным "в те времена". Поэтому выводы Назаренко зиждутся исключительно на предположениях типа "как бы могло быть, если бы...". По сути, только одно свидетельство — Рочника Красиньских — позволяет датировать брак Казимира 1039 г., в то время как свидетельства русских летописей и Длугоша отмечают 1041 г. Кажется не очень объяснимым заключение брака Казимира почти сразу по возвращении, что предполагает переговоры по этому поводу еще в 1038 г., когда Казимир находился в изгнании. Странно, что такой осторожный и расчетливый политик, как Ярослав, выдает сестру замуж за человека, только-только появившегося в своих владениях и даже не успевшего еще там толком закрепиться. Такие рискованные шаги были не в духе Ярослава. Однако со всей определенностью говорить о какой-либо датировке — 1039 г. или 1041 г. — сложно: данные Рочника и летописей слишком разноречивы, но очевидно, что свадьба состоялась не в 1043 г.

В качестве свадебного выкупа Казимир отправил на Русь 800 пленных, а Ярослав дал за сестрой большое приданое, о чем умалчивают русские летописи, но сообщают Галл Аноним и Длугош (последний даже пишет, что Польша обогатилась в результате этого брака)[346]. Вопрос о матери Марии также неясен. Густынская летопись и Ян Длугош считают ее дочерью Анны[347]. Но Казимир родил-

ся 25 июля 1016 г., а Анна скончалась в 1011 г., следовательно, Мария должна была быть на несколько лет его старше. Это несоответствие вкупе с предположением Баумгартена о последнем брака Владимира с дочерью гр. Куно Энингена породило мнение о том, что Мария и была дочерью графини[348]. Гипотеза Баумгартена, по всей видимости, нуждается в серьезной корректировке, и русский брак графини следует датировать более ранним временем. Тем не менее после смерти Анны Владимир женился еще раз, и эта последняя жена, "мачеха Ярослава", попала в плен к Болеславу в Киеве в 1018 г., о чем свидетельствует Титмар[349]. Но происхождение ее остается неизвестным. Мария вполне могла быть дочерью Владимира от этого брака.

В то же время Великопольская хроника сообщает: "...удивительным образом установив мир на польских землях, он (т. е. Казимир. – *Авт.*) взял себе в жены дочь князя Руси Романа, сына Одона, по имени Добронега, иначе именуемая Марией"[350]. Исследователи проходили мимо этого известия, и даже комментаторы хроники сочли его ошибочным. Но отцом Анны был византийский император Роман II. Не содержит ли известие хроники косвенного указания на происхождение Марии именно от этого брака? С другой стороны, необъяснимым остается появление некоего Одона (кстати, графиня Энинген была внучкой Оттона Великого).

Впервые имя польской княгини – Мария – появилось в письме папы Бенедикта IX, фальшивом документе якобы XI в. В Великопольской хронике она названа Добронегой-Марией, у Длугоша-Марией, в Рочнике Краковского капитула – Добронегой, в Густынской летописи – Марией-Доброгневой[351]. Тот же Длугош отметил, что в Польше Мария была вновь крещена в Краковском соборе и получила имя Доброгнева, а впоследствии была коронована[352]. Известие Длугоша ошибочно: во-первых, не была совершена коронация самого Казимира, а во-вторых, христианского имени Доброгнева не существует. Это, очевидно, языческое имя[353]. По мнению В. Семковича, И. Линниченко, Н.И. Щавелевой и других исследователей, имя Мария княжна получила уже в Польше, когда перешла в католичество[354]. В этом случае она должна была носить христианское имя уже на Руси, а

может быть, Мария и было ее христианским именем изначально.

Казимир скончался 28 ноября 1058 г. После его смерти Мария иногда вмешивалась в государственные дела, в частности в 1070-х гг. принимала бежавшего в Польшу короля Венгрии[355]. По сообщению Рочника Краковского капитула, Мария умерла в 1087 г.[356], оказавшись таким образом последней представительницей пятого поколения Рюриковичей. От брака Казимира и Марии пошла вся последующая династия Пястов.

В иностранных источниках упоминается еще несколько лиц, связанных родством с четвертым или пятым поколениями Рюриковичей (в начале XI в.).

Византийский хронист Георгий Кедрин, известия которого восходят к Иоанну Скилице, свидетельствует, что после смерти Владимира и его жены Анны (на самом деле, согласно ПВЛ, сначала умерла Анна, а потом Владимир) некий родственник князя по имени Хрисохир (Золоторукий) с отрядом в 800 человек достиг Пропонтиды (Мраморное море), у Абидоса сразился с византийцами, а затем вошел в Средиземное море и спустился к о. Лемнос, где погибли и он сам, и его соратники[357]. По приблизительной хронологии, установленной В.Г. Васильевским, это событие произошло между 1015 г. (смерть Владимира) и 1025 г. (смерть Василия II, до которой имели место описываемые события). Г.Г. Литаврин датировал это событие между 1022 и 1025 гг.[358] Еще А.А. Куник пытался перевести имя Хрисохира по-скандинавски: Гуллханд или Гуллмунд, но это предположение кажется достаточно сомнительным. Васильевский предположил, что Хрисохир представляет собой искажение какого-то русского имени[359]. Н.А. Баумгартен высказал мысль, что Хрисохир — имя какого-нибудь сына Владимира, бежавшего от усобицы 1015—1019 гг. Но исследователь отождествил его с Позвиздом Владимировичем, который, по русским источникам, умер еще до 1015 г.[360] Да и сама связь имен Позвизд и Хрисохир в этом случае остается совершенно необъяснимой. Васильевский же писал, что Хрисохир вряд ли мог быть кем-то из сыновей Владимира. Скилица называет его родственником, что не предполагает столь прямое родство[361]. Из всех Владимировичей неизвестна судьба только одного — Станислава, но отождествление его с

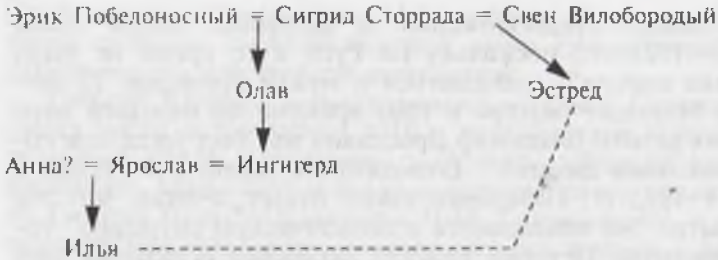
Хрисохиром маловероятно. Может быть, Хрисохир был представителем какой-то боковой ветви Рюриковичей и действовал по собственной инициативе.

Георгий Кедрин, заимствовавший многое у Скилицы, писал также, что в январе 1016 г. византийские войска с помощью брата Владимира — Сфенга победили хазар (очевидно, крымских) и взяли в плен местного правителя Георгия Цула[362]. Начиная с Н.М. Карамзина[363], в историографии утвердилось мнение, что под именем Сфенга имеется в виду сын Владимира — Мстислав Храбрый, княживший в Тмутаракани. И действительно, такие действия прекрасно вписываются во внешнеполитическую активность этого князя в Причерноморье и на Кавказе. Гипотезу Карамзина поддержали Н.А. Полевой, А.В. Соловьев[364]. Остается неясным, почему Кедрин именует Мстислава "братом" Владимира и почему дает это имя в такой интерпретации, когда, например, далее у того же Кедрина Мстислав назван именем, близким к славянской форме (см. раздел о Мстиславе Храбром). Поэтому сложно предположить в Сфенге Мстислава. Возможно, Сфенг тоже был каким-то дальним родственником Владимира, сведения о котором русские летописи не сохранили.

Наконец, свидетельство Адама Бременского в его "Истории гамбургской церкви" о том, что Кнут Великий, захвативший в 1016 г. английский престол, выдал свою сестру Маргарет-Эстред за нормандского графа Рикарда (умершего в Иерусалиме, деда Вильгельма Завоевателя). Потом граф прогнал ее, и Маргарет стала женой английского герцога Вольфа (Ульва). Какое-то время она была женой и "сына короля Руси"[365]. В историографии существовала точка зрения, что русский брак Эстред состоялся после убийства Ульва (1025—1028 гг.), т. е. был третьим по счету. Л.М. Сухотин, однако, полагал, что Эстред была женой Всеволода Владимировича, погибшего, как принято считать, в Скандинавии. Следовательно, он датировал брак до 1015 г., т. е. до смерти Владимира[366]. М.Б. Свердлов считает Эстред женой какого-то другого сына Владимира, погибшего в усобице 1015—1019 гг., возможно, Глеба (брак датируется в данном случае между смертью Свена Вилобородого, отца Эстред, в 1014 г. и смертью Владимира в 1015 г.)[367]. А.В. Назарен-

ко отверг предположения о датировке брака после 1025—1028 гг., поскольку на Руси в то время не было "сына короля", годившегося в мужья примерно 25-летней Маргарет (матери к тому времени по меньшей мере троих детей). Владимир Ярославич же "был тогда еще совершенным дитятей". Возможность заключения брака в 1014—1015 гг. Назаренко также отверг, считая, что это событие "не вписывается в политическую ситуацию" того времени. Историк уточнил датировки остальных двух браков Эстред. Он датировал назначение Ульва датским ярлом и его женитьбу зимой 1010— 1020 гг., а на основании данных французского хрониста XI в. Рауля Глабра пришел к выводу, что другим мужем Эстред был не граф Рикард, а его сын Роберт (отец Вильгельма Завоевателя, который родился не от датской принцессы, а от наложницы). Нормандский брак Эстред был весьма краток и приходился либо на время после смерти Ульва, либо примерно на 1017 г. Следовательно, русско-датский союз состоялся самое раннее в 1018/19 г. Далее исследователь предположил, что Эстред была женой Ильи Ярославича, старшего сына Ярослава Мудрого, умершего князем новгородским в 1019/20 г. Назаренко полагает, что к моменту смерти Илье Ярославичу было примерно 16 лет, т. е. он был сверстником Эстред, которая родилась не ранее 995 г.[368]

Гипотеза Назаренко интересна, но два момента ставят ее под сомнение. Во-первых, историк исходит из 978 г. как даты рождения Ярослава Мудрого, что само по себе неверно, так как Ярослав был примерно на 9—10 лет моложе (см. раздел о Ярославе Мудром). Таким образом, Илье в 1019 г. было самое большое 14—15 лет (если исходить из крайней позиции о рождении у Ярослава сына в таком же возрасте), т. е. он был по крайней мере лет на 6—7 моложе Эстред. При такой ситуации брак Ильи и Эстред становится сомнительным. Во-вторых, матерью Эстред была Сигрид Сторрада. К ней в свое время сватался русский конунг Виссавальд. Она была матерью Олава Шётконунга, т. е. бабкой Ингигерд. Кнут же был сыном Свена от первого брака[369]. Следовательно, по поколенному счету Эстред выходила замуж за пасынка своей племянницы. Генеалогия получается такой:



А.В. Назаренко отрицает возможность русского брака Эстред в 1014–1015 гг. Это мнение базируется на отсутствии "выгоды" в этом союзе как со стороны Дании, так и со стороны Руси. "Нет конкретных причин, которые могли бы в указанное время привести к такому политическому браку", – заключает историк[370]. Но отсутствие видимых причин не может служить поводом для отрицания самого факта, поэтому в данном случае следует исходить из факта, а не из возможной, гипотетической причины или ее отсутствия. Женитьба русского "принца" на Эстред могла быть или до 1017 г. (если вослед Адаму считать, что Эстред сначала вышла за нормандского графа, а потом за ярла Ульва), или после 1025–1028 гг., т. е. после смерти Ульва. Второй вариант маловероятен, поскольку сыновья Ярослава были тогда малолетними. В принципе можно предположить брак Эстред с сыном Мстислава – Евстафием, но Мстислав не был киевским князем, хотя и поделил с Ярославом Русь в 1020-х гг. В первом варианте Эстред вышла замуж до 1017 г., вскоре овдовела, а потом вышла за нормандского графа. Тогда мужем Эстред мог быть один из сыновей Владимира, который, вероятно, погиб, оставив ее вдовой. Из всех сыновей Владимира таковыми могли быть только Борис и Глеб. По данным "Жития", Борис был женат, поэтому можно допустить брак Эстред с кем-то из братьев-мучеников. В принципе мог быть возможен и брак Эстред с Ярославом (в этом случае Эстред могла попасть в плен к Болеславу), но тот был слишком хорошо известен на Севере Европы и сам являлся потом "королем Руси". Поэтому, думается, гипотеза Свердлова имеет право на существование.

Заключение

Династия, основанная Рюриком, правила русским государством в течение 740 лет (в 862—1598 и 1606—1610 гг.). Многие выдающиеся деятели российской истории были потомками этого князя. Так, по прямым мужским линиям от Рюриковичей происходили: боярин и воевода кн. М.И. Воротынский, писатель кн. В.Ф. Одоевский, воевода кн. В.М. Мосальский-Рубец, государственный деятель и композитор кн. М.А. Огинский, канцлер светл. кн. А.М. Горчаков, генерал-фельдмаршал светл. кн. П.М. Волконский, театральный деятель кн. С.М. Волконский, генерал-фельдмаршал кн. А.И. Барятинский, боярин кн. Б.М. Лыков-Оболенский, историк-археограф кн. М.А. Оболенский, историк-византинист, профессор кн. Д.Д. Оболенский, генерал-фельдмаршал кн. Н.В. Репнин, генерал-аншеф кн. В.М. Долгоруков-Крымский, историк и публицист кн. П.В. Долгоруков, политический деятель, кадет кн. П.Д. Долгоруков, историк кн. М.М. Щербатов, историк гр. П.С. Уварова (урожденная кн. Щербатова), государственный деятель кн. П.Д. Святополк-Мирский, поэт кн. П.А. Вяземский, анархист кн. П.А. Кропоткин, геолог, академик кн. П.Н. Кропоткин, историк В.Н. Татищев, адмирал З.П. Рожественский, поэт И.И. Дмитриев, композитор М.П. Мусоргский, архитектор П.М. Еропкин, воевода кн. А.М. Курбский, драматург кн. А.А. Шаховской, политический деятель, кадет кн. Д.И. Шаховской, архиепископ о. Иоанн (кн. Шаховской), писательница княж. З.А. Шаховская, премьер-министр кн. Г.Е. Львов, генерал-фельдмаршал кн. А.А. Прозоровский, арфистка княж. В.Г. Дулова, поэт

кн. Ф.Н. Касаткин-Ростовский, дипломат и генеалог кн. А.Б. Лобанов-Ростовский, писательница кн. З.А. Волконская (урожд. княж. Белосельская-Белозерская), архитектор кн. Д.В. Ухтомский, физиолог, академик кн. А.А. Ухтомский, кн. В.И. Шуйский (царь Василий Иоаннович), воевода кн. М.В. Скопин-Шуйский, воевода кн. Д.Д. Холмский, писатель М.А. Осоргин (Ильин), воевода кн. Д.М. Пожарский, художник кн. Г.Г. Гагарин, философ Н.Ф. Фёдоров, артист А.П. Ленский, князь-кесарь Ф.Ю. Ромодановский, дипломат кн. А.Я. Хилков и другие.

По женским линиям потомками Рюрика были П.А. Столыпин, гр. Л.Н. Толстой, И.М. Сеченов, А.Н. Оленин, А.Ф. Львов, В.Д. Поленов, М.А. Бакунин, Д.В. Веневитинов, гр. С.Ю. Витте, Е.П. Блаватская, П.Я. Чаадаев, М.М. Херасков, А.Н. Апухтин, А.С. Пушкин, Н.Н. Гончарова, Д.И. Фонвизин, А.С. Даргомыжский, Д.С. Дохтуров, гр. М.Ю. Виельгорский, И.П. Мятлев, кн. С.Н. и Е.Н. Трубецкие, В.В. Набоков, П.П. Скоропадский и многие другие. Несмотря на все перипетии судьбы и тяжелые годы и десятилетия (особенно в правление Ивана Грозного и после марта 1917 г.), во многих своих ветвях род Рюриковичей продолжается и сейчас. По своему историческому значению Рюриковичи — наиболее примечательный род в России и одна из самых выдающихся династий мира. Тем интереснее для нас его начальный период истории: происхождение и первые века жизни на русской почве. История рода в древнейшее время — это и история рождения и становления Древнерусского государства.

Появлению Рюрика в 862 г. на севере русских земель способствовали тесные связи этих территорий с Балтийским регионом. Возможно, сам Рюрик происходил от датской династии Скьёльдунгов и, возможно, местной славянской династии, а основанный им род был частью общего родословного древа североевропейских народов. В пяти первых поколениях Рюриковичей мы можем отметить по меньшей мере 35-40 представителей (вместе с женами — примерно 60), что свидетельствует о довольно большом составе, не уступавшем династиям ряда других европейских государств. О значении русского княжеского рода в тот период свидетельствуют и его матримони-

альные связи со Скандинавией и Византией, Польшей, Германией, Венгрией, вероятно, также с Волжской Булгарией и Чехией. Они "вплетали" династию Рюриковичей в широкий международный контекст, и само Древнерусское государство было тогда зоной активных межэтнических и межкультурных взаимодействий.

Конечно, многие вопросы начальной истории и генеалогии этого рода пока нельзя, да и вряд ли в будущем можно прояснить однозначно. Причины здесь в сегодняшнем состоянии источниковой базы: в краткости известий, множественности и неопределенности толкований, когда источник зачастую остается своеобразной "вещью в себе", не раскрывающей нам до конца своих "тайн". Но опыт показывает, что еще не все возможности исчерпаны. Использование новых методов современного источниковедения (по сути опирающихся на хорошо забытые старые), сопоставление и анализ известий памятников разных культур, выяснение ценности и достоверности их информации, возможность делать выводы лишь после тщательного и всестороннего изучения историографии — вот тот путь, который вкупе с междисциплинарным подходом позволяет нам приблизиться к воссозданию картины исторического прошлого России.

Примечания

К введению

1 *Безрогов В.Г.* Раннесредневековые генеалогии знатных родов в системе этнического самосознания // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 30.

2 *Толстов С.П.* Древнейшая история СССР в освещении Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 122.

3 *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Вып. 2. СПб., 1913. С. 375.

4 *Бессмертный Ю.Л.* "Анналы": переломный этап? // Одиссей за 1991. М., 1991. С. 10.

5 Цит. по: *Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории. М., 1997. С. 36.

К обзору источников и историографии

1 *Толстов С.П.* Древнейшая история СССР в освещении Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 122.

2 *Melnikova E.A.* The Eastern World of the vikings. Gothenburg, 1996. P. 110–112.

3 *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // Журн. Мин-ва народного просвещения. 1900. № 11. Отд. 2. С. 90–176.

4 См.: *Присёлков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 142–164.

5 Так, по мнению Б.М. Клосса, древнейшие известия Никоновской летописи "носят отчетливо легендарный характер или основаны на домыслах составителя" (*Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 187).

6 См.: *Шамбинаго С.К.* Иоакимовская летопись // Исторические записки. М., Л., 1947. № 21. С. 254–270.

7 См.: *Тихомиров М.Н.* О русских источниках "Истории Российской" // *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М., 1994. С. 51–52.

8 См.: *Фет Е.А.* Память и похвала князю Владимиру // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 288–290.

[9] *Пономарёв А.Л., Сериков Н.И.* 989 (6496) год — год крещения Руси: Филологический анализ текстов, астрология и астрономия // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 166, 182.

[10] Общий обзор скандинавских письменных источников применительно к древнерусской истории см.: *Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Древнескандинавские письменные источники по истории европейского региона СССР // Вопросы истории. 1985. № 10. С. 36–53.

[11] См.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР за 1988–1989 гг. М., 1991. С. 159 и сл.

[12] Там же. С. 12.

[13] См.: *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966.

[14] *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в польской латинской хронографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 15.

[15] Обзор византийских исторических сочинений дан в кн.: *Бибиков М.В.* Византийская историческая проза. М., 1996. С. 67 и далее.

К главе I

[1] Повесть временных лет (далее — ПВЛ). Ч. 1. М.; Л. 1950. С. 18–19.

[2] Там же. Ч. 2. С. 244–245.

[3] Никоновская летопись // Полн. собр. русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 9. М., 1965. С. 9–12.

[4] О дискуссиях по этим проблемам см.: *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965. Здесь же дается и историографический очерк за XVIII–XIX вв. Из последних работ см. также очерк: *Хлевов А.А.* Варяги на Руси: Научный спор и историческая реальность // Новый часовой. № 5. СПб., 1997. С. 7–18; *Он же.* Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

[5] *Шлёцер А.-Л.* Нестор. Т. 1. СПб., 1809. С. 233, 278–279, 303–307, 352, 377, 381–382; *Эверс И.-Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. Т. 1. М., 1826. С. 68–72; *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 1. М., 1829. С. XXXIV; *Бутков П.Г.* Оборона летописи русской, Несторовой от навета скептиков. СПб., 1840. С. 65 и сл.; *Погодин М.П.* Древняя Русская история до монгольского ига. Т. 1. М., 1871. С. 3–5.

[6] *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 33.

[7] *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история... // Избр. произведения. Т. 2. М., 1986. С. 82–83.

[8] *Мальгин Т.С.* Зерцало российских государей... СПб., 1790. С. 7–8, 49.

[9] *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. Т. 1. М., 1838. С. 16. Он высказал весьма любопытную версию о том, что Ладога (в отличие от Новгорода — Нового города) и есть тот Старый город ("Старгород"), существование которого можно допустить логически. Арцы-

башен предположил, что название "Ладога" является трансформацией шведского слова Aldrig, что в переводе означает "старый". Несмотря на искусственность такой этимологии, сама мысль заслуживает внимания.

10 *Полевой Н.А.* Указ соч. С. 18, 54.

11 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. I. СПб., 1842; М., 1988. Т. 1. Стб. 67–70.

12 *Иловайский Д.И.* История России. Т. 1. М., 1876. С. 320; *Он же.* Разыскания о начале Руси. М., 1882. С. 185–193.

13 *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. Ч. 1. СПб., 1876. С. 191–194.

14 Например, одна из работ Погодина называлась: "Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями" (1874)!

15 *Бестужев-Рюмин К.Н.* Древняя Русская история. СПб., 1879. С. 390.

16 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. I. Т. 1. М., 1988. С. 128–129, 292–294.

17 *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891. С. 15, 65, 91.

18 *Шахматов А.А.* Сказание о призвании варягов. СПб., 1904; *Он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

19 *Тиандер К.Ф.* Датско-русские исследования. Вып. 3. Пг., 1915. Особенно с. 175–180.

20 *Vernadsky G.* The Origins of Russia. Oxford. 1959. P. 207–208; *Он же.* Ancient Russia. New Haven. 1943. P. 277, 333–339, 341 – перевод: Древняя Русь. Тверь, М., 1996. С. 341–343, 381–382.

21 *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 452.

22 ПВЛ. Ч. 2. С. 234–235.

23 *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 295–306; *Он же.* Мир истории. М., 1987. С. 46–50.

24 *Толочко П.П.* Древняя Русь. Киев. 1987. С. 19–20.

25 *Браун Ф.А.* Варяги на Руси // Беседа. Кн. 6–7. Берлин, 1925. С. 300–338.

26 *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Cambridge (Mass.). Vol. 1. 1981. P. 27, 155.

27 *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 127, 269 и др. См. также: *Андусин Д.А.* Современный антинорманнизм // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 23–32.

28 *Lichačev D.* The Legend of the Calling – in of the Varangians and Political Purposes in Russian Chronicle-Writing from the second half of the 11th to the beginning of the 12th century // Scando – Slavica. Supplementum. Vol. 1. 1970. P. 170–185.

29 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 168; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1. М., 1904. С. 166.

30 *Пашуто В.Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Таллин. 1970. Вып. 15. С. 53.

31 *Новосельцев А.П.* Образование древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 3–20.

32 *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 42–55. Н.Н. Гринев также находит реальные подтверждения легенды в этнополитической ситуации Северной Руси и вероятности заключения с призванным князем договора (*Гринев Н.Н.* Легенда о при-

звании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 34–36, 41).

33 *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 205–214; *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 192–193. Анализу легенды о призвании варягов посвящена и недавняя работа А.Н. Кирпичникова (*Кирпичников А.Н.* Сказание о призвании варягов: Легенды и действительность // Викинги и славяне. СПб., 1998. С. 31–55). См. также: *Носов Е.Н.* Первые скандинавы в Северной Руси // Там же. С. 56–82.

34 *Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 160.

35 *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 6–13. Здесь же (с. 3–6) дан хороший историографический обзор проблемы.

36 *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* "Ряд" легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР за 1990 г. М., 1991. С. 219–229; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 116–128; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 277; *Melnikova E.A.* The Eastern World of the vikings. Gothenburg, 1996. P. 105.

37 *Мельникова Е.А.* Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 39–44; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о "призвании варягов" и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 44–57. См. также: *Мельникова Е.А.* Рюрик Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 142–159. Исследовательница считает, что Рюрик "стал" родоначальником древнерусского княжеского рода под пером летописцев начиная примерно с середины XI в. Аргументы традиционны: митрополит Иларион, Иаков Мних и княжеский именослов X – первой половины XI в. – и столь же малоубедительны.

38 *Гринев Н.Н.* Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 31–43.

39 *Свердлов М.Б.* Rorik (Hrørikr) í Gordum // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1994. С. 36–40. Отмечу, что этническая принадлежность Само является спорной (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995. С. 374–376).

40 Ср., впрочем, мнение о том, что "третий вопрос" начальной фразы ПВЛ имеет конфессиональный характер (*Мельникова Е.А.* Заглавие Повести временных лет и этнокультурная самоидентификация древнерусского летописца // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1998. С. 71; *Она же.* Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 153). Такая трактовка летописных слов мне представляется крайне натянутой.

41 *Эверс И.-Г.* Указ. соч. С. 287.
42 *Куник А.А.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903. С. 10.
43 *Томсен В.* Указ. соч. С. 65. Буквально — "могучий славой".
44 *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С. 390.
45 *Рыдзевская Е.А.* Указ. соч. С. 132; *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 193; *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1994. С. 23; *Она же.* Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника. Вып. 1. М., 1997. С. 88.
46 *Беляев Н.Т.* Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Сб. статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929. С. 241—242; *Pritsak O.* Op. cit. P. 155.
47 *Ловмяньский Х.* Рюрик Фрисландский и Рюрик "Новгородский" // Скандинавский сборник. Т. 7. Таллин, 1963. С. 222.
48 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 191—194.
49 Там же. С. 192.
50 *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. С. 304.
51 *Толочко П.П.* Указ. соч. С. 20; *Вилинбахов В.Б.* Волх и Рюрик — патронимы преданий и легенд новгородской земли // Русский фольклор. Вып. 13. 1972. С. 23.
52 ПВЛ. Ч. 2. С. 245. *Рыбаков Б.А.* Мир истории. М., 1987. С. 52—53 и далее; *Новосельцев А.П.* "Мир истории" или миф истории? // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 24—26.
53 *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 205—212, 214; *Рябинин Е.А.* Скандинавский производственный комплекс VIII в. из Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Вып. 25. 1980. С. 161—178; *Петренко В.П.* Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 83—90.
54 *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 212. По последним данным, датировка изменилась в сторону 867 г. (см.: *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о "призвании варягов"... С. 50).
55 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. М., 1993. С. 244; *Шаровольский И.В.* Сказание о мече Тюрфинге. Ч. 3. Киев, 1906. С. 30—33; *Рыдзевская Е.А.* Указ. соч. С. 85; Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 155, 161 и др.
56 *Рыдзевская Е.А.* Указ. соч. С. 43, 64; *Глазырина Г.В.* Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга / Старой Ладоги скандинавам) // Древнейшие государства Восточной Европы за 1991. М., 1994. С. 240—244.
57 *Носов Е.Н.* Происхождение легенды о призвании варягов и балтийско-волжский путь // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 100—105; *Кирпичников А.Н.* Указ. соч. С. 43—46; см. также: *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996.
58 См. о проблеме происхождения Новгорода: *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Указ. соч. С. 32—61.

59 *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 217–219; *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; *Он же.* Археологические памятники Новгородской земли VIII–X вв. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 85–107; *Он же.* Поселения IX–X вв. в окрестностях Новгорода // Новгородский край. Л., 1984. С. 123–127; *Кирпичников А.Н.* Указ. соч. С. 44–48.

60 Этимология названия "Хольмгард" прослежена Т.Н. Джаксон (*Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 256–257). По ее мнению, Хольмгард – название некоего укрепленного поселения (Холм-города), ставшего затем составляющей Новгорода. См. также: *Носов Е.Н.* Первые скандинавы в Северной Руси. С. 78–79. Свидетельства саг см.: *Снорри Стурлусон.* Младшая Эдда. Л., 1970. С. 12, 93; *Рыдзевская Е.А.* Указ. соч. С. 69, 71, 87; *Глазырина Г.В.* Сведения о "конунгах Руси" в сагах о древних временах // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1996. С. 14–17.

61 Путь из варяг в греки и из грек... М., 1996.

62 *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название "Русь" в этнокультурной истории древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38; *Они же.* Комментарий // *Константин Багрянородный.* Об управлении Империей. М., 1989. С. 294–307; *Янссон И.* Русь и варяги // Викинги и славяне. СПб., 1998. С. 27–28; *кн. Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций: Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 192–193. Эта точка зрения нашла отражение и в учебных пособиях: *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Указ. соч. С. 267–272; *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 77. В историографии даже бытует мнение о славяно-скандинавском симбиозе второй половины IX – первой половины X в. (*Кан А.С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 38–45), и в этом смысле трактуется само Древнерусское государство того периода (Восточноевропейская Нормандия // *Скрынников Р.Г.* Русь IX–XVII вв. СПб., 1999. С. 20–33). См. также: *Schramm G.* Die Herkunft des Namens Rus'. Kritik des Forschungsstandes // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Bd. 30. Berlin, 1982. Ср., напротив, мнение одного из ведущих археологов В.В. Седова (*Седов В.В.* Древнерусская народность. М., 1999. С. 65–67).

63 *Бугославский С.А.* К литературной истории "Памяти и похвалы" князю Владимиру // ИОРЯС АН. Т. 29. 1924. Л., 1925. С. 152; *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 57. Интерпретаторы этого источника (равно как и произведения митрополита Илариона) почему-то забывают, что по крайней мере в своей начальной части оно относится явно к публицистическим, а не к историко-летописным памятникам.

64 *Барац Г.М.* Происхождение летописного рассказа о начале Руси. Киев, 1913; *Петрухин В.Я.* К проблеме композиции Начальной русской летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1998. С. 95; *Он же.* "Начало Русской земли" в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 226. Однако сами по себе библейские аналогии в летописном тексте (многие из которых отнюдь не очевидны) еще не

отрицают реальности зафиксированных событий: форма подачи материала не может быть оправданием для недоверия к его содержанию.

65 Новгородская 1 летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 164, 471.

66 ПВЛ. Ч. 2. С. 214.

67 Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 231. Сведения о Гостомысле нашли отражение и в исторических сочинениях XVII в., например в "Повести о Словене и Руссе" (первая треть XVII в.) (*Лаврентьев А.В., Турилов А.А.* "Повесть о Словене и Руссе" ("Сказание о Великом Словенске") – о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи: Тезисы 15-й конференции. М., 1996. С. 19–25), в "Синопсисе" И. Гизеля (?) (*Чистякова Е.В., Богданов А.П.* "Да будет потомкам явлено...". М., 1988. С. 56).

68 *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 233.

69 ПВЛ. Ч. 2. С. 214; *Лихачёв Д.С.* "Софийский временник" и новгородский политический переворот 1136 года // Ист. записки. № 25. М., 1948. С. 251 и др.

70 *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 60.

71 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. М., 1994. С. 108–110.

72 *Шлёцер А.-Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 303, 378, 381, 425.

73 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 1. С. XV: "Сию шутку многие приняли за истину и начали с важностию говорить о Летописце Иоакиме".

74 *Шлёцер А.-Л.* Указ. соч. С. 381.

75 *Жизневский А.К.* Родословие в лицах императрицы Елизаветы Петровны. Тверь, 1892. С. 24.

76 *Мальгин Т.С.* Зерцало российских государей... СПб., 1791. С. IV–V.

77 *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. I. Т. 1. С. 161, 166 и сл.

78 *Мельникова Е.А.* Происхождение правящей династии... С. 43–44. Правда, почему-то исследовательница называет Эфанду дочерью Гостомысла.

79 *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 674.

80 Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 201.

81 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 116.

82 *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1980. С. 40–41 (Сага о Хальвдане Чёрном. Ч. VI), 66 (Сага о Харальде Прекрасноволосом).

83 *Гуревич А.Я.* История и сага. М., 1972. С. 42, 46.

84 *Срезневский И.И.* Чтения о древних русских летописях. СПб., 1862. С. 46; *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2. М., 1879. С. 865. Из дореволюционных авторов наиболее полные работы по истории балтийских славян см.: *Гильфердинг А.* История балтийских славян // Собр. соч. Т. 4. СПб., 1874 (С. 298 о Гостомысле); *Успенский Ф.И.* Первые славянские монархии на Северо-Западе. СПб., 1872.

85 Annales Fuldenses // Monumenta Germaniae Historica (далее – MGH) Scriptores. T. 1. Hannoverae. 1826. S. 364; Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 146.

86 Славяне и скандинавы. С. 39–40, 344–345.

87 *Толочко П.П.* Указ. соч. С. 20–21; *Вилинбахов В.Б.* Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена // Скандинавский сбор-

ник. Вып. 6. Таллин, 1963. С. 323–336; Ср. также "кельтскую" гипотезу А.Г. Кузьмина (*Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 54–83).

88 *Новосельцев А.П.* "Мир истории" или миф истории? // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 27. См. также: *Шаскольский И.П.* Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма: Историографический обзор // Отечественная история. 1994. № 2. С. 157–158).

89 *Гр. Толстой И.И.* Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882. С. 165–183; *Орешников А.В.* Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Ист. записки. Ч. 10. М., 1894. С. 301–311; *Рапов О.М.* "Знаки Рюриковичей" и символ сокола // Сов. археология. 1968. № 3. С. 62–69; *Молчанов А.А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспом. ист. дисциплины Т. 7. Л., 1976. С. 69–91 (особого внимания заслуживает таблица "Типологическая взаимозависимость древнерусских сфрагистических и нумизматических памятников X – начала XI в.". С. 86–87); *Он же.* Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976; *Он же.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // Вспом. ист. дисциплины. Т. 16. Л., 1985. См. также: *Иоаннисян О.М.* Родовые знаки древнерусских князей X–XIII вв.: Литература и источники // Геральдика: Материалы и исследования. Л., 1983. С. 109–112.

90 *Хорошкевич А.Л.* Символы русской государственности. М., 1993. С. 10–13 (гипотеза Д. Олянчина впервые была высказана в 1956 г.); *Она же.* Поставление князей и символы государственности X – нач. XIII в. // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992; Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 29–52.

91 *Мельникова Е.А.* "Знаки Рюриковичей" на восточных монетах // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура древнерусского государства. М., 1996. С. 45–51; *Она же.* The Eastern World of the vikings. P. 87–89: "знаки" известны на Руси с конца IX в., имеют южное, возможно, боспорское происхождение и возникли на Руси вместе с появлением титула "каган" для русских князей. См. также: *Белецкий С.В.* К вопросу о принадлежности новгородской подвески № 22–27–1181 // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1996. С. 1–7. Боспорское происхождение знаков обосновывал В.С. Драчук (*Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975. С. 90–93 (однако совершенно непонятным остается вопрос, каким образом из Причерноморья знаки попали на Русь)); *Сотникова М.П.* Древнейшие русские монеты X–XI веков. М., 1995. С. 239–245; *Шаповалов Г.И.* О символе "якорь-крест" и значении знака Рюриковичей // Византийский временник. Т. 57 (82). М., 1997. С. 204–210. Обобщающим трудом по знакам X–XI вв. является замечательная работа С.В. Белецкого (*Белецкий С.В.* Нача-

ло русской геральдики: Знаки Рюриковичей X–XI вв. // У источника. Вып. 1. М., 1997. С. 93–171).

92 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. Ч. 2. СПб., 1876. С. XXXIV.

93 *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 66–69.

94 См., например: *Голлманн Г.Ф.* Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его: Ист. опыт. М., 1819. С. 57; *Mannier X.* Lettres sur le Nord. P., 1857. P. 25–26.

95 *Лесной С.* Русь, откуда ты? Виннипег, 1964; *Он же.* Откуда ты, Русь? Ростов н/Д, 1995; *Он же.* Влесова книга. Виннипег, 1966; *Лященский С.* Доисторическая Русь. 1977. С. 158. Как писал о трудах С. Лесного И.П. Шаскольский, "эти книжки написаны дилетантски и стоят вне науки" (*Шаскольский И.П.* Норманнская теория... С. 12). О фальшивой "Влесовой книге" см.: *Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А.* Мнимая "Древнейшая летопись" // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 202–205; *Творогов О.В.* Влесова книга // Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Т. 43. Л., 1990; *Уханова Е.В.* У истоков славянской письменности. М., 1998. С. 198–233; *Даниленский И.Н.* Указ. соч. С. 314–326; *Козлов В.П.* Российское архивное дело: Архивно-источниковедческие исследования. М., 1999. С. 88–99; *Он же.* Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001. С. 87–105. В последнее время появилось несколько изданий "памятника" (см.: Велесова книга. М., 1995).

96 *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 171–213; Ее же статья помещена в "Словаре книжников и книжности Древней Руси" (Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 370–371).

97 Воскресенская летопись. С. 231, 267–268.

98 *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 60.

99 *Жданов И.* Повесть о Вавилоне и "Сказание о князьях Владимирских" // *Жданов И.* Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 111–112.

100 *Зимин А.А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 128–138.

101 *Гольдберг А.Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 211.

102 *Шлёцер А.-Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 287.

103 *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996. С. 213–216.

104 *Шлёцер А.-Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 364–365.

105 Там же. С. 378.

106 *Мальгин Т.С.* Зерцало Российских государей... СПб., 1790. С. 7–8.

107 См., например, издание 1791 г.

108 *Hollmann H. Fr.* Rustringen, die ursprüngliche Heimat des ersten russischen Großfürsten Ruriks und seiner Brüder. Ein historischer Versuch. Bremen, 1816. Русское издание, увидевшее свет в результате стараний членов Румянцевского кружка: *Голлманн Г.Ф.* Рустрингия, первоначальное отечество... Автор особо подчеркнул, что впервые

основная идея книги была как бы вскользь высказана гр. Н.П. Румянцевым.

109 *Крузе Ф.* О происхождении Рюрика // Журн. Мин-ва народного просвещения. 1836. № 1. Янв. С. 43–73; Июнь. С. 513–517.

110 *Беляев Н.Т.* Указ. соч. С. 237; *Ловмяньский Х.* Рюрик Фрисландский... С. 223.

111 *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 386.

112 *Беляев Н.Т.* Указ. соч. С. 237–238.

113 *Vernadsky G.* The origins... P. 207–208; *Он же.* Древняя Русь. С. 341–344.

114 *Pritsak O.* Op. cit. P. 155.

115 *Линьи-Тандефельт Н.* Рюрик: От Рюрика Голштинского, основателя Государства Российского, до Петра III Голштинского, Императора Всероссийского // Новик. Нью-Йорк, 1948–1949. Отд. 1. С. 1–24. В.К. Зиборов считает, опираясь на Илариона, Иакова Мниха и перечень русских князей под 852 г. в ПВЛ, что легенда о Рюрике была создана искусственно, имя "Рюрик" возникло в династии у потомков Ингигерд, так как ее дедом был Эрик Победоносный ("Рюрик Синеус" при неверном переводе), а Г. Холлманн придумал гипотезу о Рюрике для обоснования законности Голштинской династии на российском престоле. Однако необходимо помнить, что Эрик и Рюрик – совершенно разные имена, Фризия и Голштиния – не одно и то же, а Романовы в начале XIX в. уже и не вспоминали о своем голштинском происхождении, отказавшись от наследственных прав на эти земли еще при Екатерине II и считая себя чисто российской династией. Неужели для обоснования прав Александра I на русский трон нужно было придумывать так и не ставшую официальной версию о якобы "голштинском" происхождении Рюриковичей?! (*Зиборов В.К.* Романовы и Рюриковичи: О родословной легенде Рюриковичей // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 47–54).

116 *Рыдзевская Е.А.* Указ. соч. С. 132.

117 *Ловмяньский Х.* Рюрик Фрисландский... Вслед за ним выступил И.П. Шаскольский (*Шаскольский И.П.* Норманнская теория... С. 211) и другие.

118 *Гумилёв Л.Н.* Указ. соч. С. 160.

119 *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 299.

120 *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 214.

121 *Азбелев С.Н.* Обзор источников о происхождении Рюрика и версия о его славянских предках // Изв. Русского генеалогического о-ва. Вып. 1. СПб., 1994. С. 45–46; *Он же.* О происхождении династии Рюриковичей // Россия и зарубежье: генеалогические связи: I Международный генеалогический коллоквиум. М., 1999. С. 7. Исследователь считает, что по отцу Рюрик был потомком династии Скьёльдунгов, а по матери – славянской династии Гостомысла.

122 *Свердлов М.Б.* Rörik (Hrørikr) i Gordum // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1994. С. 36–37; *Молчанов А.А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей: О роли отдельных компонентов

в полиэтнической основе формирования Древнерусского государства // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992. С. 44–47; *Кирпичников А.Н.* Указ. соч. С. 40–50.

123 История Дании. Т. 1. М., 1996. С. 62.

124 Einhardi Annales // MGH SS. T. 1. Hannoverae, 1826. S. 135–218.

125 Annales Fuldenses // Ibid. S. 337–415.

126 Annales Bertiniani // Ibid. S. 419–515.

127 Chronicon de Normannorum gestis in Francia // Ibid. S. 532–536.

128 Annales Xantensium // Ibid. T. 2. Hannoverae, 1829; Leipzig, 1925. S. 217–235; Историки эпохи Каролингов. С. 143–158.

129 Vita Hludowici imperatoris // Ibid. S. 683–725; Историки эпохи Каролингов. С. 37–95.

130 Vita Sancti Anskarii a Rimberto // MGHSS. T. 2. S. 683–725.

131 *Adam of Bremen.* History of the archibishops of Hamburg. Bremen; N.Y., 1959 (на англ. яз.).

132 MGN SS. T. 1. S. 366; T. 2. S. 229; Историки эпохи Каролингов. С. 148.

133 MGH SS. T. 1. S. 445.

134 *Крузе Ф.* Указ. соч. С. 56; *Беляев Н.Т.* Указ. соч. С. 219; *Ловмяньский Х.* Рюрик Фрисландский... С. 230.

135 *Koch C.* Tables généalogiques des maisons souveraines du nord et de l'est de l'Europe. P. 1818. Tabl. XVII; *Langebek J.* Scriptores rerum Danicarum. Hafniae. T. 1. 1772. S. 496.

136 История Дании. Т. 1. С. 42.

137 *Ловмяньский Х.* Рюрик Фрисландский... С. 224–226, 228–229.

138 Там же. С. 230–231.

139 В ладье викингов помещалось примерно 30–40 человек (см.: *фон Фиркс И.* Суда викингов. Л., 1982. С. 26; *Коган М.А.* Смелые мореходы средневековья – норманны. Л., 1967. С. 11; ПВЛ. Ч. 1. С. 224. *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 308).

140 MGH SS. T. 1. S. 214–215; T. 2. S. 225, 694–695; Историки эпохи Каролингов. С. 67–68.

141 *Беляев Н.Т.* Указ. соч. С. 227–228.

142 *Крузе Ф.* Указ. соч. С. 71.

143 MGH SS. T. 2. S. 226, 642 (Vita Hludowici imperatoris: "Hemminch... dux christianissimus").

144 MGH SS. T. 2. S. 228, 533; T. 1. S. 441; Историки эпохи Каролингов. С. 146–147.

145 MGH SS. T. 1. S. 366, 445; Историки эпохи Каролингов. С. 148.

146 MGH SS. T. 1. S. 448–449.

147 Ibid. S. 370.

148 Ibid. S. 459.

149 Ibid. S. 474–476. А. Гильфердинг отмечал связь действий Рорика против империи с активностью балтийских славян (см.: *Гильфердинг А.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 304).

150 MGH SS. T. 1. S. 382–383.

151 *Ловмяньский Х.* Рюрик Фрисландский... С. 237.

152 Там же. С. 238.

153 MGH SS. T. 1. S. 396; Ведастинские анналы // Историки эпохи Каролингов. С. 167.

154 История Дании. Т. 1. С. 61.
155 См., к примеру: *Джаксон Т.Н.* "Восточный путь" исландских королевских саг // История СССР. 1976. № 5. С. 164–170.
156 *Koch C.* Op. cit. Tabl. II (2), XVII, XVIII. См. также: *Молчанов А.А.* Древнескандинавский антропонимический элемент... С. 44–47; *Он же.* Древнерусский антропонимический элемент в династических традициях стран Балтии XII–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1994. С. 24–26.
157 *Гуревич А.Я.* История и сага. С. 175.
158 *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 91–95.
159 Там же. С. 91, 95.
160 Их мнение поддержал и Н.Т. Беляев (см.: *Беляев Н.Т.* Указ. соч. С. 219).
161 Сага о Ньяле // Библиотека всемирной литературы (далее – БВЛ). Т. 8. М., 1973. С. 200; 28-строфа "Песни о Хюндле" // БВЛ. Т. 9. М., 1975. С. 344. *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн.1: Т. 1: Гл. 2, примеч. 96. Стб. 40–42.
162 См.: История Дании. Т. 1. С. 62.
163 *Молчанов А.А.* Древнескандинавский антропонимический элемент... С. 45–47.
164 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 223–224; *Schier K.* Sagaliteratur. Stuttgart, 1970. S. 29–30. Текст саги в пересказе Аригрима Йонссона см.: Skjoldungasaga i Arngrim Jonssons udtog // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie. Række II. Bd. 9. Kjøbenhavn, 1894. S. 83–164.
165 Беовульф // БВЛ. Т. 9. С. 30, 32; 635, 642, 660.
166 *Мельникова Е.А.* Образование датского государства... С. 37.
167 Текст: Hervarar saga ok Heidreks konungs // Fornaldar sogur Nordrlanda. C.C. Rafn. T. 1. København, 1829. S. 409–512; *Шаровольский И.В.* Указ. соч. Ч. 1, 3. См. также: *Pritsak O.* Op. cit. P. 188–226. Отрывки из саги переведены и опубликованы Г.В. Глазыриной (см.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 159–165). См. также: *Глазырина Г.В.* Перечень правителей Швеции в древнеисландской "Саге о Хервер и конунге Хейдреке": К проблеме конструирования генеалогий // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 66–71.
168 *Шаровольский И.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. IX и сл.; Ч. 3. С. 244.
169 *Тиандер К.Ф.* Указ. соч. С. 162.
170 *Шаровольский И.В.* Указ. соч. Ч. 3. С. 231.
171 Там же. С. 30–40.
172 История Дании. Т. 1. С. 41.
173 *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1980. С. 14–16.
174 См.: *Снорри Стурлусон.* Младшая Эдда. С. 12, 93; *Рыдзевская Е.А.* Указ. соч. С. 69, 88.
175 *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. С. 16.
176 См.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 224–225.
177 Сага об Инглингах // *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. С. 11–37.
178 *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. С. 597.

179 Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М., 1991. С. 512.
180 *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 91.
181 *Тиандер К.Ф.* Указ. соч. С. 163–164.
182 Беовульф. С. 661.
183 *Снорри Стурлусон.* Младшая Эдда. С. 126.
184 *Константин Багрянородный.* Об управлении Империей. С. 312: Комментарий.
185 *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 95.
186 См., например: *Гуревич А.Я.* Походы викингов. М., 1966 и другие его работы.
187 *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. С. 686.
188 *Koch C.* Op. cit. Tabl. IV.
189 БВЛ. Т. 9. С. 344; См. также: Skjoldungasaga... S. 121.
190 БВЛ. Т. 8. С. 334–335, 163 (Сага о Ньяле).
191 *Koch C.* Op. cit. Tabl. IV (Два поколения – ссылки на работы Олафа Далина, Юхана Перингшёльда; три поколения – на работы Андреса Ботина и Якоба де Вильде); *Isenburg W.K. von* Stammtafeln zur Geschichte der Europäischen Staaten (Europäische Stammtafeln). Bd. 2. Marburg, 1956. Taf. 77.
192 *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 93, 94.
193 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 232–233, 236–237.
194 *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 94. Исландские саги. М., 1956. С. 40 (Сага о Гуннлауге Змеином языке); *Isenburg W.K.* Op. cit. T. 77.
195 *Рыдзевская Е.А.* Указ. соч. С. 84; *Шаскольский И.П.* Сведения об истории Руси X–XIV вв. в исландских анналах // Вспом. ист. дисциплины. Т. 25. СПб., 1994. С. 233.
196 Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 241; *Тацит.* О происхождении германцев и местоположении Германии // *Тацит.* Сочинения. Т. 1. М., 1993. С. 357.
197 Мифы народов мира. Т. 2. С. 242.
198 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 52–53, 224; *Снорри Стурлусон.* Младшая Эдда. С. 13–15, 39.
199 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 64–65.
200 *Снорри Стурлусон.* Младшая Эдда. С. 13.
201 *Salin B.* Die altgermanische Thierornamentik. Berlin, 1904.
202 *Heusler A.* Die gelehrte Urgeschichte im altislandischen Schrifttum. Berlin, 1908; *Dumezil G.* De nordiska gudarna. Stockholm, 1962. S. 26–27.
203 Античную прародину придумывали себе многие народы: например, Видукинд Корвейский писал, что по одной из версий саксы произошли от греков, а по другой – от македонцев, они якобы представляли собой остаток войска Александра Великого, рассеянного по миру (см.: Деяния саксов. М., 1975. С. 126). При этом Видукинд ссылался на Иосифа Флавия и Лукана. Гальфрид Монмутский произвел древних правителей Британии от мифического сына Аскания-Юла Брута (*Гальфрид Монмутский.* История бриттов. М., 1984. С. 6–19). Потомками троянцев считал бриттов и Ненний (там же. С. 173 и сл.).

204 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 62, 66. Первым конунгом был Дюггви (konungr – "король"), а все его предшественники назывались дроттинами.
205 *Снорри Стурлусон.* Младшая Эдда. С. 19; Мифы народов мира. Т. 2. С. 231, 441, 571–573.
206 *Снорри Стурлусон.* Младшая Эдда. С. 17.
207 Там же. С. 13–15, 121.
208 Согласно "Теогонии" Гесиода (см.: Мифы народов мира. Т. 2. С. 137).
209 Мифы народов мира. Т. 2. С. 431, 519–520; *Снорри Стурлусон.* Младшая Эдда. С. 121; Старшая Эдда // БВЛ. Т. 9. С. 209, 233, 235, 673, 681.
210 Беовульф // БВЛ. Т. 9 С. 642–643.
211 *Снорри Стурлусон.* Младшая Эдда. С. 224.
212 Приведена в кн.: *Brooke C.* The Saxon and Norman kings. London; Glasgow, 1967. P. 75.
213 Бытие. Гл. 5, 5–32.
214 Подобное упоминание есть и у Ненния: здесь приводится родословная братьев саксов Хорса и Хенгиста, прибывших в Британию. Генеалогия по восходящей линии такова: Хорс и Хенгист – Гвиктилс – Гвикта – Гвехта – Воден – Фрелавор – Фрейдульф – Финн – Фодеиальд – Гета. То есть и здесь прямая аналогия: Гета – Геат – Ят, Финн и т. д. (см.: *Гальфрид Монмутский.* Указ. соч. С. 179).
215 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 227–229; *Она же.* "Финны" в "Саге об Инглингах" // Древнейшие государства на территории СССР за 1982 г. М., 1984. С. 57, 60.
216 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 227.
217 *Finnbogi Gudmundsson.* Orkneyinga saga // Kulturhistorisk leksikon for nordick middelalder fra vikingetid til reformationstid. Kopenhavn, 1967. B. 12. Sp. 699–702.
218 Текст см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 228–229.
219 Перевод имен см.: *Джаксон Т.Н.* "Финны"... С. 58, 60.
220 Там же. С. 57.
221 Там же. С. 61.
222 Там же. С. 56–61.
223 *Снорри Стурлусон.* Младшая Эдда. С. 11.
224 *Джаксон Т.Н.* "Финны"... С. 58. Имена Снэ ("сньяр" – "снег"), Фрости ("фрост" – "мороз") и Мьёлль ("свежевыпавший пушистый снег") носят герои, связанные с Финнландом, и в "Саге о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне" (см.: *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 159–161, 189–190).
225 *Koch C.* Op. cit. Tabl. 1.
226 *Isenburg W.K.* Op. cit. T. 36, 58; *Brooke C.* Op. cit. P. 210–211. Генеалогию правителей Мерсии, Беорники, Восточной Англии и прочих областей Древней Британии приводит и Ненний. Общим предком является Воден, а от его сыновей (Бельдега, Кассера и др.)

идут отдельные ветви и роды (см.: *Гальфрид Монмутский*. Указ. соч. С. 187–189).

К главе 2

1 Повесть временных лет (далее – ПВЛ). Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 18–19.

2 *Эверс И.-Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. Т. 1. М., 1826. С. 287.

3 *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891. С. 65; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 168; *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 166–168; *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1994. С. 23; По мнению Г. Шрамма, заимствования Синеус и Трувор от скандинавских имен произошли примерно во второй половине IX в. (*Schramm G.* Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumenten für die Historrizitut von Rjurik und seine Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1980. Bd. 28. S. 321–333).

4 *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. СПб., 1876. С. 202–205.

5 *Шлёцер А.-Л.* Нестор. Т. 1. СПб., 1809. С. 365. В дальнейшем мнение о том, что родство Рюрика с Синеусом и Трувором было плодом творчества летописца, стало доминирующим в историографии (*Тиандер К.Ф.* Датско-русские исследования. Вып. 3. Пг., 1915. С. 177).

6 *Крузе Ф.* О происхождении Рюрика // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1836. № 1. Январь. С. 68.

7 *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 1. М., 1829. С. 54.

8 См.: *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., 1995. С. 125.

9 См.: *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 203. Правильнее – "страж Тора".

10 *Беляев Н.Т.* Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Сб. статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929. С. 244–245. Правильнее – "победу использующий".

11 *Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven, 1943. P. 337–338; см. на русском языке: *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 342.

12 *Pritsak O.* The origin of Rus'. Vol. 1. Camdridge, 1981. P. 156.

13 *Рыбаков Б.А.* Мир истории. М., 1987. С. 49–50.

14 *Толочко П.П.* Древняя Русь. Киев, 1987. С. 20.

15 *Гринев Н.Н.* Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 31–43.

16 *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. С. 275; см. также: *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о "призвании варягов" и становление древнерусской историографии // Вопр. истории. 1995. № 2. С. 54; *Мельникова Е.А.* Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 157.

17 *Шахматов А.А.* Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 53 и сл.
18 ПВЛ. Ч. 2. С. 236–237: коммент. Д.С. Лихачёва.
19 *Браун Ф.А.* Варяги на Руси // Беседа. Кн. 6–7. Берлин, 1925. С. 332.
20 ПВЛ. Ч. 2. С. 237.
21 *Ловмяньский Х.* Рюрик Фрисландский и Рюрик "Новгородский" // Скандинавский сборник. Т. 7. Таллин, 1963. С. 246.
22 *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси... С. 52–61.
23 Там же. С. 59.
24 *Melnikova E.A.* The Eastern World of the vikings. Gothenburg, 1966. P. 124–125; см. также: *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о "призвании варягов"... С. 54.
25 *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. T. 1. Warszawa, 1846. S. 113–114. См. также: *Белецкий С.В.* Несколько замечаний о генеалогии первых поколений рода Рюриковичей // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 26–27.
26 *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 1. М., 1994. С. 110, 372; отсюда: *Мальгин Т.* Зерцало Российских государей... СПб., 1791. С. 1; *Хавский П.В.* Предки и потомки рода Романовых. М., 1865. С. 8; *Дурасов В.* Родословная книга российского дворянства. СПб., 1906. Ч. 2. С. 3; *Дмитриев-Мамонов А.И., Дмитриев-Мамонов В.А.* Дмитриевы-Мамоновы. СПб., 1911. С. 3.
27 *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 108, 115.
28 *Беляев Н.Т.* Указ. соч. С. 256; Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 201 и сл.
29 По справедливому замечанию С.А. Гедеонова, имя жены Рюрика Татищев создал из имени "Ефандр, жены Улебовы" в одном из летописных вариантов русско-византийского договора 944 г. (*Гедеонов С.А.* Указ. соч. Ч. 2. СПб., 1876. С. XXXIX).
30 ПСРЛ. Т. 9. М., 1965. С. 9; Т. 21: Ч. 1. СПб., 1908. С. 61.
31 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. М., 1995. С. 33–34, 208.
32 Там же. Ч. 1. С. 116.
33 *Малыин Т.* Указ. соч. М., 1790. С. 7–8. Образ Вадима был весьма известен во второй половине XVIII в. во многом благодаря знаменитой трагедии Я.Б. Княжнина (*Княжнин Я.Б.* Избранное. М., 1991. С. 97–152).
34 *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 214–215.
35 *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 1966. С. 66; *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. 1: Ч. 1. СПб., 1893 – М., 1989. Стб. 223–224.
36 См.: *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 11–12.
37 ПВЛ. Ч. 1. С. 18–20.
38 ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 268 (Воскресенская летопись); ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 338 (Московский летописный свод); *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. Т. 1. М., 1838. С. 17.
39 ПВЛ. Ч. 1. С. 54–56. Возможную интерпретацию имен см.: *Томсен В.* Указ. соч. С. 67–68.

40 ПСРЛ. Т. 9. С. 9.

41 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 110.

42 *Бутков П.Г.* Оборона летописи русской, Несторовой от навета скептиков. СПб., 1840. С. 69–71. *Погодин М.П.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1. М., 1871. С. 5; *Полевой Н.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 84; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 1. СПб., 1842; М., 1988. Стб. 67–74; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. 1: Т. 1. М., 1988. С. 128–132.

43 *Арцыбашев Н.С.* Указ. соч. С. 17.

44 *Бестужев-Рюмин К.Н.* Древняя русская история. СПб., 1879. С. 356.

45 *Томсен В.* Указ. соч. С. 65; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 77, 174; *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. С. 143–144, 271; *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси. С. 23; *Melnikova E.A.* Op. cit. P. 56. О. Прицак объяснил имя "Аскольд" как "серая (волчье-подобная) голова", а "Дир" – как "зверь (дикий зверь или олень)" (*Pritsak O.* Op. cit. P. 175–176).

46 См.: *Шлецер А.-Л.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1816. С. 15–16.

47 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 117.

48 *Шлецер А.-Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 21.

49 Летописные известия такой вывод сделать не позволяют. Во всех летописях князья идут в паре, за исключением одного предложения в Никоновской летописи. Здесь рассказ об Аскольде и Дире имеет подзаголовок: "О князи Рустем Осколде" (ПСРЛ. Т. 9. С. 13), однако далее в самом тексте упомянуты оба князя. Тем не менее версия о том, что Аскольд и Дир не были современниками, стала в историографии почти аксиомой (например, *Тиандер К.Ф.* Датско-русские исследования. Вып. 3. С. 180; см. также примеч. 55).

50 ПВЛ. Ч. 2. С. 251: коммент. Д.С. Лихачёва.

51 *Щепкин Е.Н.* Порядок престолонаследия у древних норвежских конунгов // Сб. статей, посвященных В.О. Ключевскому. Ч. 1. М., 1909. С. 164.

52 *Пархоменко В.А.* К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега // Изв. Отделения русского языка и словесности АН (далее – ИОРЯС). Т. 19: Кн. 1. 1914. С. 228.

53 *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с начала VII в. до конца X в.). СПб., 1870. С. 137.

54 *Новосельцев А.П.* Образование древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 12 и сл.

55 *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 477 и др.; *Пархоменко В.А.* К вопросу о хронологии... С. 228; Д.С. Лихачёв приводит в качестве дополнительного аргумента к разделению Аскольда и Дира тот факт, что в ряде произведений древнерусской литературы князья, жившие в разное время, оказываются современниками (например, в "Повести о разорении Рязани Батыем"). Но ПВЛ и "Повесть..." сопоставить сложно, так как эти источники не только принадлежат разным

эпохам, но и отличаются по своему характеру. См. также: *Брайчевский М.Ю.* Когда и как возник Киев. Киев, 1964. С. 160–161 (Сначала княжил Дир, а затем Аскольд, убитый Олегом в 882 г.); *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 53–54; *Melnikova E.A.* Op. cit. P. 56, 106.

56 *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 368–369; *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 196.

57 *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в.: принятие христианства. М., 1988. С. 120.

58 *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С. 142.

59 *Новосельцев А.П.* Образование древнерусского государства... С. 13–14.

60 Перевод по цитате из латинского текста Длугоша, приведенной у А.А. Шахматова (*Шахматов А.А.* Разыскания... С. 348); не совсем точный перевод той же фразы дал Б.А. Рыбаков (*Рыбаков Б.А.* Мир истории. С. 59; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XI–XIII вв. М., 1993. С. 307). Полный перевод всего отрывка см.: *Брайчевский М.Ю.* Указ. соч. С. 158.

61 *Шлёцер А.-Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 25, 29.

62 *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 477.

63 *Грушевский М.С.* История Украины-Руси. Т. 1. Киев, 1912. С. 408–410.

64 *Рыбаков Б.А.* Мир истории. С. 33, 59–60; *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 51–53; ср., впрочем, *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 44–45.

65 *Брайчевский М.Ю.* Указ. соч. С. 80–82 (деятельность Кия приходится на время между 560-ми и 630-ми гг.); *Толочко П.П.* Указ. соч. С. 22; *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 17–25 (здесь рассмотрена трансформация легенды о Кие в поздних источниках).

66 *Сахаров А.Н.* Кий: легенда и реальность // Вопросы истории. 1975. № 10. С. 138–141.

67 *Długosz J.* Roczniki czyli Kroniki slawnego Krolestwa Polskiego. Ks. 1–2. Warszawa, 1962. S. 136–137, 172, 183–184.

68 См., к примеру: *Пчелов Е.В.* Легенда о славянских предках у Длугоша // Славяне и их соседи. М., 1996. С. 41–43. Впоследствии версия Длугоша нашла отражение и у М. Стрыйковского, и в "Синопсисе" И. Гизеля (?), где Аскольд и Дир уже однозначно представлены потомками Кия.

69 Широкие сопоставления киевской легенды с преданиями других народов и фольклорными мотивами проведены М.Ю. Брайчевским (*Брайчевский М.Ю.* Указ. соч. С. 66–110). См. также: *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. С. 71–75.

70 *Vernadsky G.* Ancient Russia. P. 33. *Он же.* Древняя Русь. С. 337. К.Ф. Тиандер не только объяснял появление имен братьев от топонимов, но и связал фигуру Лыбеди со скандинавскими эпическими сказаниями и на этом основании предположил скандинавские корни киевской легенды (*Тиандер К.Ф.* Датско-русские исследования. Вып. 3. С. 178–180). Но эта проблема требует специального исследования, выходящего за рамки настоящей работы.

[71] Сообщение из "Истории Тарона" (8 в. ?). См.: *Марр Н.Я.* Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении // Изв. Российской академии истории материальной культуры. Т. 3. Л., 1924. С. 257–287 (та же статья опубликована в 5-м томе "Избранных работ" Н.Я. Марра (М.; Л., 1935)); *Брайчевский М.Ю.* Указ. соч. С. 95–99 (армянская легенда заимствована из Руси); *Боровський Я.Е.* Вірменьский варіант давньоруського пересказу про заснування Києва // Український Історичний журнал. 1981. № 9. С. 82–87.

[72] *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 109–128.

[73] *Melnikova E.A.* Op. cit. P. 101–103. *Она же.* Устная традиция в Повести временных лет // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 156–158.

[74] *Эверс Г.* Указ. соч. С. 213–216.

[75] *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 225, 234; *Пархоменко В.А.* К вопросу о хронологии... С. 228–232.

[76] *Флэтчер Дж.* О государстве русском... СПб., 1906. С. 19.

[77] *Vernadsky G.* Ancient Russia. P. 332. *Он же.* Древняя Русь. С. 337, 345. Впервые эта гипотеза высказана Д. Эвропеусом. Подробная история этой идеи и ее опровержение современной венгерской историографией показаны М.К. Юрасовым (*Юрасов М.К.* "Олмин двор" и "гора угорьская" в зарубежной историографии // Образование древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992. С. 77–79).

[78] *Константин Багрянородный.* Об управлении Империей. М., 1989. С. 392–393 (комментарий).

[79] *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 80–87, 100–101. Не вдаваясь в историографию русского похода (походов?) 860-х гг., отмечу сравнительно недавние работы: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. Гл. 2. М., 1980. С. 47–82; *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 43–50; *Творогов О.В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59.

[80] ПВЛ. Ч. 1. С. 20.

[81] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 117; *Мальгин Т.* Указ. соч. М., 1790. С. 2. *Митрополит Макарий* (*Булгаков*). История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. СПб., 1857. С. 284; *Пархоменко В.А.* Начало христианства Руси: Очерк по истории Руси IX–X вв. Полтава, 1913. С. 72.

[82] *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 118–119.

[83] ПСРЛ. Т. 9. С. 9.

[84] *Халанский М.Г.* К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. 1902. № 8. С. 287. См. также: *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 55–81.

[85] ПВЛ. Ч. 1. С. 19–31.

[86] *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 487.

87 Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 110–112.
88 ПВЛ. Ч. 2. С. 262: коммент. Д.С. Лихачёва.
89 *Пархоменко В.А.* К вопросу о хронологии... // ИОРЯС. Т. 19; Кн. 1. 1914. С. 220–236. *Vernadsky G.* The origins of Russia. P. 248, 263, 321.
90 ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 16.
91 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 110, 117.
92 *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. С. 290.
93 *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 211.
94 *Куник А.А., бар. Розен В.Р.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Т. 2. С. 110; *Томсен В.* Указ. соч. С. 65; *Браун Ф.А.* Указ. соч. С. 337; *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси. С. 23.
95 *Молчанов А.А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование Древнерусского государства. М., 1992. С. 46.
96 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 205 и сл.; *Иловайский Д.И.* Вероятное происхождение св. кн. Ольги и новый источник о князе Олеге. М., 1914. С. 9–12.
97 *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С. 356.
98 Публикация текста саги: Orvar-Odds Saga // Rsg. von R.C. Boer. Leiden, 1888; пересказ саги: *Петерсон О., Балобанова Е.* Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов. Т. 2. СПб., 1898. С. 117–159; Сокровище Нифлунгов. М., 1996. С. 147–193; см. также: *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 106–277 (рецензию на эту работу опубликовал Ф.А. Браун в "Записках историко-филологического факультета Имп. Санкт-Петербургского университета", ч. 79); перевод отдельных фрагментов, выполненный Г.В. Глазыриной, см.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 176–179.
99 Сага о Гисли // Библиотека всемирной литературы (далее – БВЛ). Т. 8. М., 1973. С. 28; Сага об Эгиле // Исландские саги. М., 1956. С. 63.
100 Вариант – 100 лет (*Ляшенко А.И.* Летописное сказание о смерти Олега // ИОРЯС. Т. 29. 1924. С. 263).
101 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 185–186.
102 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР за 1988–1989 гг. М., 1991. С. 135.
103 *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. 1. М., 1982. С. 170–171.
104 *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. С. 227.
105 Е.А. Рыдзевская писала, что Хуналанд, вероятно, территория, близкая к Руси (*Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 189).
106 *Ляшенко А.И.* Летописное сказание... С. 266.
107 Сага о Гисли // БВЛ. Т. 8. С. 28.
108 Сага об Эгиле. С. 63.
109 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 71; Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 182.

110 *Петерсон О., Балобанова Е.* Указ. соч. С. 159.

111 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 204; *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 211; *Она же.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси. С. 23.

112 *Лященко А.И.* Летописное сказание... С. 257. Такими же словами начинается в ПВЛ рассказ о гибели Игоря, но в этом случае они более реальны, так как полюдье проводилось действительно осенью.

113 ПВЛ. Ч. 1. С. 30–31. С 990-х гг. и по крайней мере до 1070–1080-х гг. в Древней Руси употреблялся сентябрьский календарный стиль.

114 НПЛ. М.; Л., 1950. С. 109; ПВЛ. Ч. 2. С. 280; Лященко А.И. Летописное сказание... С. 259.

115 *Лебединцев П.Г.* Какая местность в древности называлась Олеговой могилой? // Киевские университетские известия. 1876. № 12. С. 29–34.

116 *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 334, 478.

117 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1902 – М., 1989; Стб. 161–162.

118 *Лященко А.И.* Летописное сказание... С. 261.

119 *Кирпичников А.Н.* Ладога и ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 104.

120 *Пархоменко В.А.* К вопросу о хронологии... С. 225–226.

121 *Шлёцер А.-Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 760; *Тиандер К.Ф.* Датско-русские исследования. Вып. 3. С. 117.

122 *Лященко А.И.* Летописное сказание... С. 268–271; возможную идентичность Олега и Одда отмечал и Г.В. Вернадский (*Vernadsky G.* Ancient Russia. P. 366–367; *Он же.* Древняя Русь. С. 368); *Беляев Н.Т.* Указ. соч. С. 256–260, 264; *Stender-Petersen A.* Varangica. Aarhus, 1953. P. 184 etc; см. также: *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 77–81 (сюжет саги перенесен в летопись).

123 Е.А. Рыдзевская писала: «прилагательное helgi никогда не имело значения "мудрый", "вещий"» (*Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 187).

124 *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. С. 243 и сл.; Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 489–492 (легендарный сюжет возник на Руси, но в варяжской среде).

125 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 188 и сл.; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси... С. 143.

126 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 174–179; *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 58–63.

127 ПСРЛ. Т. 9. С. 15.

128 *Орлов А.С.* Сказочные повести об Азоне. "История" 7135 г. Варшава, 1906. С. 158 и далее.

129 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 177.

130 *Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. СПб., 1906.

131 *Халанский М.Г.* Указ. соч. С. 290–356.

132 Кудруна. М., 1984. С. 47, 53 и сл.

133 Обзор литературы вопроса см.: *Перхавко В.Б.* Летописное предание о захвате князем Олегом Киева в 882 г. // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992. С. 52–60.

134 Там же. С. 56–60.
135 *Петрухин В.Я.* Норманны и хазары на юге Руси // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы. М., 1992. С. 60–62.
136 *Карташов А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. Париж, 1959. С. 92.
137 *Ламанский В.И.* Славянское Житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник // ЖМНП. 1904. Ч. 353. № 5. С. 133; *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959. С. 27–28; *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 117–126.
138 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 118.
139 *Лященко А.И.* Летописное сказание... С. 286; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 179; *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 71.
140 *Милютенко Н.И.* Титулатура "князь–каган–царь" в Древней Руси // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992. С. 41–43.
141 *Бейлис В.М.* Ибн-Фадлан о "двоевластии" у русов в 20-е гг. X в. // Там же. С. 3–5.
142 *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 215–246.
143 *Виролайнен М.Н.* Загадки княгини Ольги: Исторические предания об Олеге и Ольге в мифологическом контексте // Русское подвижничество. М., 1996. С. 66–70.
144 *Schecter S.* An unknown Khazar Document // Jewish Quarterly Review. 1912/1913. Vol. 3. P. 182–219.
145 *Коковцов П.К.* Новый документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // ЖМНП. 1913, ноябрь. С. 171 и сл.; *Он же.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. XXVII и сл.
146 *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Centure. Ithaca; London, 1982. На рус. яз.: *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 128–149.
147 Там же. С. 117–119.
148 *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка... С. XXX–XXXVI; *Gregoire H.* Le "Glozel" khazare // Byzantion. 1937. Vol. 12. P. 242–248.
149 *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 377–379; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 216–218.
150 *Цукерман К.* Русь, Византия и Хазария в середине X в.: Проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6. М., 1996. С. 70.
151 *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка... С. XXX–XXXVI.
152 *Пархоменко В.А.* К вопросу о хронологии... С. 224–226.
153 *Погодин А.Л.* Варяги и Русь // Записки русского научного института в Белграде. Вып. 7. Белград, 1932. С. 94–95.
154 *Мавродин В.В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Факультет исторических наук. Т. 11. Л., 1938. С. 246–247.
155 См.: *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 377.
156 *Бруцкус Ю.Д.* Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924. С. 30–31.

157 *Новосельцев А.П.* Русь и государства Кавказа и Азии // *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 99–101.
158 *Moštin V.* Les Khazars et les Byzantins d'apres l'Anonim de Cambridge // Byzantion. 1931. Vol. VI. P. 309–325. См. также: *Горянов Б.Г.* Византия и хазары (обзор иностранной литературы) // Ист. записки. Вып. 15. 1945. С. 263–268.
159 *Vernadsky G.* Kievan Russia. New Haven, 1948. P. 32. На рус. яз.: Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996. С. 41.
160 *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 377–379.
161 *Коновалова И.Г.* Русы в северо-восточном Причерноморье и Приазовье (по данным арабских источников) // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 34–36.
162 *Новосельцев А.П.* Внешняя политика Древней Руси во времена Олега // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1997. С. 55–57.
163 *Цукерман К.* Указ. соч. С. 68–80.
164 *Петрухин В.Я.* Походы Руси на Царьград: К проблеме достоверности летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1997. С. 65–69. См. также: *Петрухин В.Я.* Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 222–229.
165 ПВЛ. Ч. 1. С. 39–40.
166 *Томсен В.* Указ. соч. С. 65, 123; *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси. С. 23. По мнению Г.В. Глазыриной, образ древнерусского князя отразился в "Саге о Стурлауте Трудолюбивом Ингольвссоне" (*Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 159, 188–189; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 485–488).
167 *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 44–45; *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 57.
168 Liudprandi Antapodosis. V. 15 (Liudprandi episcopi Cremonensis Opera omnia. Hannoveraе; Lipsiae, 1915).
169 *Молчанов А.А.* Древнескандинавский антропонимический элемент... С. 46.
170 Из последних работ, например: *Melnikova E.A.* Op. cit. P. 110–111.
171 *Рыбаков Б.А.* Мир истории. С. 65.
172 *Думин С.В., Турилов А.А.* "Откуда есть пошла русская земля?" // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX– начала XX в. М., 1991. С. 25.
173 ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 231.
174 ПСРЛ. Т. 9. С. 9; *Шлёцер А.-Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 122.
175 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 34, 208.
176 ПВЛ. Ч. 2. С. 295. *Литаврин Г.Г.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. // IX Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983. С. 68. Следует отметить, что с 990-х гг. и по крайней мере до середины XI в. в Древней Руси употреблялся преимущественно сентябрьский календарный стиль.
177 *Новосельцев А.П.* Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 62–64.

178 *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 57.
179 Словарь Античности. М., 1992. С. 525.
180 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 194; *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 88.
181 ПВЛ. Ч. 1. С. 39. В историографии неоднократно предпринимались попытки построить единую генеалогию для всех упомянутых в договоре 944 г. лиц — последнюю по времени версию см.: *Беленкий С.В.* Несколько замечаний о генеалогии первых поколений рода Рюриковичей. С. 25–29.
182 *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси. С. 23.
183 *Томсен В.* Указ. соч. С. 65; *Браун Ф.А.* Указ. соч. С. 337; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 195.
184 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 211–213; *Иловайский Д.И.* Вероятное происхождение св. кн. Ольги... С. 10–12.
185 См.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. М., 1993. С. 186–187.
186 ПВЛ. Ч. 1. С. 23.
187 *Беляев Н.Т.* Указ. соч. С. 264.
188 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 194–196.
189 *Пушкарёва Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 214; *Иловайский Д.И.* Вероятное происхождение св. кн. Ольги... С. 9.
190 ПСРЛ. Т. 9. С. 35.
191 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 111, 116.
192 *Жизневский А.К.* Родословие в лицах императрицы Елизаветы Петровны. Тверь, 1892. С. 24.
193 *Архимандрит Леонид.* Откуда родом была св. великая княгиня русская Ольга? // Русская старина. 1888. № 7. С. 215–224.
194 *Иловайский Д.И.* Вероятное происхождение св. кн. Ольги... С. 3–12.
195 *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991. С. 135, 162–163, 168 и сл.
196 См.: *Литаврин Г.Г.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5. С. 176.
197 Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 23. Десятилетний возраст вполне возможен. О.М. Рапов приводит случай замужества дочери Всеволода III Верхуславы в восьмилетнем возрасте (*Рапов О.М.* Когда родился Великий Киевский князь Святослав Игоревич // Вестник МГУ. 1993. № 4. С. 93. Сер. 8. История).
198 *Шлёцер А.-Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 592.
199 См.: *Литаврин Г.Г.* О датировке посольства... С. 177.
200 ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 40.
201 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 47, 306.
202 *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси... С. 262, 276, 285.
203 *Литаврин Г.Г.* О датировке посольства... С. 177.
204 *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XI–XIII вв. М., 1993. С. 369.
205 *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1939. С. 77–78; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 194; *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 159.

206 ПВЛ. Ч. 2. С. 303–304; *Пушкарёва Н.Л.* Указ. соч. С. 13–14, 214.
207 Повесть временных лет. Петрозаводск, 1991. С. 178; Коммент. *О.В. Творогова; Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 92–94; *Виролайнен М.Н.* Указ. соч. С. 64–71.
208 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 196–198.
209 *Ляшенко А.И.* Сага про Олафа Тріггвасона и літописне оповідання про Ольгу // Україна. Кн. 4. Київ. 1926. С. 21.
210 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. С. 211.
211 Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 161.
212 *Топоров В.Н.* К семантике троичности (слав. *trizna и др.) // Этимология. 1977. М., 1979; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. С. 166–167; *Гиндин Л.А.* Обряд погребения Аттилы и "тризна" Ольги по Игорю // Сов. славяноведение. 1990. № 2. С. 65–67.
213 Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 346 и сл.; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 200–201.
214 *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 98.
215 ПВЛ. Ч. 1. С. 44–46; *Литаврин Г.Г.* О датировке посольства... С. 176; *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 115.
216 Constantini imperatoris de ceremoniis aulae Byzantinae libri duo. Bonnae, 1829. Lib. 2: Cap. 15. S. 594–598. (Перевод текста см.: *Литаврин Г.Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: проблема источников // Византийский временник. Т. 42. М., 1981. С. 42–44.)
217 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 107.
218 Ioannis Scylitzae Sinopsis Historiarum. Berolini, 1973. S. 240; см. также: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 114; Перевод сообщения.
219 *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. 1: Т. 1. М., 1988. С. 149; *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 217, 228 и сл.; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси... С. 268, 275 и сл. (здесь прекрасный обзор всей историографии).
220 *Приселков М.Д.* Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 10–13; *Он же.* Русско-византийские отношения IX–XII вв. // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 101–102.
221 *Пароменко В.А.* О крещении св. княгини Ольги // Вера и разум. Харьков, 1911. № 10. С. 430–443.
222 *Кузьмин А.Г.* Принятие христианства на Руси // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. М., 1980. С. 13.
223 *Архиепископ Макарий.* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. СПб., 1857. С. 252, 260–267; *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 1: Ч. 1. М., 1901. С. 74–81; *Boak A.E.* The Earliest Russian Moves against Constantinople // Queen's Quarterly. Vol. LV. № 3. Kingston, Ontario. 1948. P. 315; *Vernadsky G.* Kievan Russia. P. 48; *Он же.* Киевская Русь. С. 49; *Рамм Б.Я.* Папство и

Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959. С. 28–33; *Острогорский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга // To Honor Roman Jacobson. Vol. 2. The Hague, 1967. P. 1458–1473; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 66–68; *Vlasto A.P.* The Entry of the Slavs into Christendom. Camdridge (Mass., USA), 1970. P. 250–251; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 26.

224 *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси... С. 277.

225 *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 253–256.

226 *Ариньон Ж.П.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // Византийский временник. Т. 41. М., 1980. С. 123–124.

227 *Литаврин Г.Г.* О датировке посольства... С. 173–182. Эта гипотеза была высказана И.М. Геснером и И. Тунманном (см. историографический обзор: *Назаренко А.В.* Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: Источниковедческие заметки // Древнейшие государства Восточной Европы за 1992–1993 гг. М., 1995. С. 154–155; здесь же представлен обзор иностранной литературы за последние годы).

228 Этой же теме посвящены работы Г.Г. Литаврина: *Литаврин Г.Г.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения Ольги // Древнейшие государства на территории СССР за 1985. М., 1986. С. 49–57; *Он же.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь Т. 42; *Он же.* Русско-византийские связи в середине X в. // Вопросы истории. 1986. № 6. Мнение Литаврина поддержал и кн. Д.Д. Оболенский, хотя ранее он придерживался гипотезы о 957 г. (*Оболенский Д.Д.* К вопросу о путешествии русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 36–47).

229 См., например, комментарий О.В. Творогова к ПВЛ (ПВЛ. Петрозаводск, 1991. С. 179); *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 104.

230 *Pritsak O.* When and Where Was Ol'ga Baptized? // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 9. 1985. P. 5–24.

231 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 161–172.

232 См., например, критику выводов О.М. Рапова: *Мезин С.А.* Рецензия // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 166. Ответ О.М. Рапова на рецензию был опубликован в "Вопросах истории" № 10 за 1990 г., после чего последовала еще одна реплика Мезина (*Мезин С.А.* Возвращаясь к напечатанному // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 211–212).

233 *Назаренко А.В.* Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь // Образование древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992. С. 47–49; *Он же.* Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // Византийский временник. Т. 50. М., 1989. С. 66–83; *Он же.* Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: Источниковедческие заметки // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1995. С. 154–168. См., впрочем, ответ Г.Г. Литаврина: *Литаврин Г.Г.* Реплика на статью А.В. Назаренко // Византийский временник. Т. 50. М., 1989. С. 83–84. В пользу 957 г. высказался также и С.А. Высоцкий (*Высоцкий С.А.*

О дате поездки посольства Ольги в Константинополь // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 154–161). Подробное обоснование А.В. Назаренко своей гипотезы см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 219–310.

234 *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 229; *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 111.

235 *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси... С. 279.

236 *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и Киев... С. 369.

237 ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 34 (6450 г.); Т. 7. СПб., 1856. С. 278 (6451 г.).

238 *Толстов С.П.* Древнейшая история СССР в освещении Вернадского // Вопросы истории. Вып. 4. 1946. С. 121–122.

239 *Гумилёв Л.Н.* Сказание о хазарской дани // Русская литература. 1974. № 3. С. 170.

240 *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XI–XIII вв. С. 369.

241 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 157.

242 ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 44. Довод О.М. Рапова был оспорен А.Ю. Карповым (*Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 1997. С. 369–370), сославшимся на то, что смерть Владимира датирована в Летописце Переяславля-Суздальского 6543 (1035) г. (следовательно, Владимир родился, по расчетам летописца, в 962/963 г.). Но на самом деле в данном источнике 6543 г. датировано вокняжение в Киеве Ярослава (ПСРЛ. Т. 41. С. 53), а смерть Владимира – все же 6523 (1015) г. (С. 44).

243 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 141, 173–174.

244 *Толочко П.П.* Указ. соч. С. 43–44. Возражения А.Ю. Карпова (*Карпов А.Ю.* Указ. соч. С. 370) малоубедительны, так как из контекста статьи ПВЛ под 968 г. вовсе не следует, что Святославичи были малолетними детьми, а ссылки на то, что в ПВЛ и Игорь, и Олег "садятся на княжение младенцами", неправомерны, поскольку Игорь не стал князем в 879 г. (он был лишь только княжичем, князем же являлся Олег), а младенчество Святослава в 945/46 г., исходя из последующего изложения, сомнительно.

245 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 40, 217. Далее Татищев отмечает еще 940 г., ссылаясь на Нижегородский летописец (Там же. С. 225; кстати, вопреки утверждению О.М. Рапова внутреннего противоречия здесь нет, так как в случае 920 г. Татищев сослался на Новгородский, а в случае 940 г. на Нижегородский летописец, что, очевидно, не одно и то же). С этой датой согласился Н.П. Брусилов (*Брусилов Н.П.* Историческое исследование о времени рождения В. кн. Святослава // Вестник Европы. Ч. 52. СПб., 1810. № 15. Август.).

246 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. 1. СПб., 1842; М., 1988. Т. 1. Стб. 103–104.

247 *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 44/45. В комментарии дается обзор историографии об интерпретации ойконима "Немогард". С. 310–311.

248 *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. С. 154.
249 *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 311: Комментарий.
250 *Карпов А.Ю.* Указ. соч. С. 368.
251 *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 311. Недавно С.В. Белецкий выдвинул еще один, нумизматический, аргумент, блестяще подтверждающий рождение Святослава в 920-х годах (*Белецкий С.В.* Несколько замечаний о генеалогии первых поколений рода Рюриковичей. С. 27).
252 *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 304.
253 ПВЛ. Ч. 1. С. 56; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 56.
254 *Рапов О.М.* Когда родился Великий Киевский князь Святослав Игоревич. С. 95.
255 Там же. С. 94.
256 ПВЛ. СПб., 1996. С. 159.
257 Там же. С. 430.
258 *Карпов А.Ю.* Указ. соч. С. 368–369.
259 *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 211.
260 *Литаврин Г.Г.* Состав посольства Ольги в Константинополе и "дары" императора // Византийские очерки: Тр. сов. ученых к XVI Междунар. конгрессу византинистов. М., 1982. С. 86.
261 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 159.
262 ПВЛ. Ч. 1. С. 46–47.
263 *Рамм Б.Я.* Папство и Русь... С. 36.
264 *Присёлков М.Д.* Очерки церковно-политической истории Киевской Руси. С. 10–13.
265 ПВЛ. Ч. 1. С. 47–48.
266 *Пушкарёва Н.Л.* Указ. соч. С. 19–20.
267 ПВЛ. Ч. 1. С. 48–49.
268 Там же. С. 46. Причем непослушание Святослава автором ПВЛ непосредственно связывается с его ранней гибелью: «аще кто матере не послушат, в беду впадает, яко же рече: "Аще кто отца ли матере не послушать, то смерть приимет"». Последующий рассказ ПВЛ о гибели князя-язычника как бы подтверждает это утверждение, т. е. выполняет еще и назидательную функцию.
269 *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 311: Коммент. Ср. также гипотезу А.М. Членова о том, что это имя оказалось удачным композитом из славянских соответствий имен Олег ("святой") и Рюрик ("славный") (*Членов А.М.* К вопросу об именн Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: Проблемы антропонимики. М., 1970. С. 327).
270 Там же. С. 44–45.
271 ПВЛ. Ч. 1. С. 42–43; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 203–205, 207–209.
272 О внешнеполитической деятельности Святослава см.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991.
273 ПВЛ. Ч. 1. С. 53 (датировка 6480 г. в ПВЛ мартовская); см. также: *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев... С. 131.
274 ПВЛ. Ч. 1. С. 34.
275 *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 299.
276 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 111, 118.

277 *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси. С. 23–24.
278 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 190–192.
279 *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна: становление христианства на Руси. М., 1988 (Родословная таблица).
280 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 111, 118.
281 *Мальгин Т.С.* Указ. соч. М., 1791. С. 6; *Хавский П.В.* Указ. соч. С. 9; *Дурасов В.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1906. С. 3.
282 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 117.
283 *Полевой Н.А.* Указ. соч. Т. 1. М., 1829. С. 135.
284 *Пушкарёва Н.Л.* Указ. соч. С. 13.
285 *Войтович Л.В.* Генеалогія династії Рюриковичів. Київ, 1990. С. 9.
286 *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 10. Н.М. Карамзин писал: "Мнимый Иоаким говорит, что Святослав был женат на дочери венгерского Короля, Предславе; но в сие время никакой Венгерской Принцессы не бывало за Российским Князем" (примеч. к гл. 7 т. I – *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. 1. Стб. 110).
287 ПВЛ. Ч. 1. С. 49–50; ПСРЛ. Т. 9. С. 35.
288 *Прозоровский Д.И.* О родстве святого Владимира по матери // Записки Имп. Академии наук. Т. 5. М., 1864.
289 *Шахматов А.А.* Разыскания... Гл. 14. С. 340–378. Он же. Мстислав Лютый в русской поэзии // Сб. Харьковского историко-филологического общества. Т. 18. Харьков, 1909. С. 82–91.
290 *Лихачёв Д.С.* "Устные летописи" в составе "Повести временных лет" // Исторические записки. 1945. № 17; *Он же.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 113 и др.; *Пархоменко В.А.* К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега. С. 236; *Беляев Н.Т.* Указ. соч. С. 264; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 203–204; *Melnikova E.A.* Op. cit. P. 103; *Она же.* Устная традиция в Повести временных лет. С. 159. Особенно популярной стала эта теория в околонаучной литературе: *Горюнков С.В.* О происхождении св. кн. Владимира по материнской линии // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1995. С. 93–95 (фантазия автора поистине безгранична!).
291 *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. С. 225.
292 *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 69–70. Впервые работа из этого сборника была опубликована в 1956 г.
293 *Соловьёв А.В.* Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 16–17. Белград, 1941. С. 37–64; *Поппэ А.В.* Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники за 1973 г. М., 1974. С. 64–91. По мнению Поппэ, Мстиша никогда не существовал, это имя возникло в результате неверного понимания текста летописи. Имя сына Свенельда Люта Поппэ возводит к скандинавскому Ljotr, что кажется неубедительным (с. 71; см. также: *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси. С. 23).
294 *Томсен В.* Указ. соч. С. 65.
295 *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси. С. 23.

296 *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси. С. 70.
297 *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 37.
298 *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси. С. 70.
299 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. С. 124, 132, 142, 146, 165, 174.
300 Там же. С. 185.
301 *Braun F.* Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X–XIV Jahrhunderts // Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. Halle, 1924. S. 177–178.
302 *Рыдзевская Е.А.* Легенда о князе Владимире в саге об Олаве Трюггвасоне // ТОДРЛ. Т. II. М.; Л., 1935. С. 13, примеч. 2; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. С. 187.
303 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. С. 216–217.

К главе 3

1 Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 9. М., 1965. С. 39.
2 ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 292.
3 *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в.: принятие христианства. М., 1988. С. 194–196.
4 *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 1. М., 1994. С. 111.
5 *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1901. С. 92–93; *Ляскоронский В.Г.* Киевский Вышгород в удельно-вечевое время // Журн. Мин-ва народного просвещения (далее – ЖМНП). Ч. 45. 1913. С. 346.
6 *Митрополит Макарий.* История христианства в России до равноапостольного кн. Владимира. СПб., 1857. С. 328–329; *Карташов А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. Париж, 1959. С. 105.
7 *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959. С. 39. *Свідерський Ю.Ю.* Боротьба південно-західної Русі проти католицької експансії в X–XIII ст. Київ, 1983. С. 42–43.
8 *Пархоменко В.А.* Начало христианства на Руси. Полтава, 1913. С. 163–164; *Т.Б.* (*Зайкин В.*) Князь Ярополк Святославич, католический государь Руси // Китеж. Варшава, 1928. № 5–6. С. 75–90.
9 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 202.
10 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 63, 66; Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 43.
11 Повесть временных лет (далее – ПВЛ). Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 104; *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 202.
12 ПВЛ. Ч. 1. С. 53.
13 *Мезенцева Г.Г.* Древньоруске місто Родень (Княжа гора). Київ, 1963. С. 10–11.
14 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 204–205.
15 ПВЛ. Ч. 1. С. 55.
16 См.: *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 208; *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 245; *Кузьмин А.Г.* Русские летописи как источ-

ник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 231; *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы за 1991. М., 1994. С. 100.

17 ПВЛ. СПб., 1996. С. 148.

18 *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 100.

19 *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 100; *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1: Ч. 1. С. 106.

20 *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 101.

21 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 198–200.

22 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1: Ч. 2. М., 1989. Стб. 988.

23 *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 104–113 (даны переводы соответствующих фрагментов и подробный обзор всей литературы вопроса).

24 Там же. С. 130.

25 Там же. С. 106.

26 *Baumgarten N.* Le dernier mariage de saint Vladimir // Orientalia Christina. Vol. 2. № 61. Roma, 1930. P. 165–168; *Баумгартен Н.А.* Добронега Владимировна, королева Польская, дочь св. Владимира // Благовест. Париж, 1930. № 2–3. С. 102–109. Соответствующее известие Титмара см.: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1994. С. 142.

27 *Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–IX вв. М., 1964. С. 227; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 122, 419; *Свердлов М.Б.* Политические отношения Руси и Германии X – первой половины XI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 290–291. С последним браком Владимира и переориентацией его внешней политики связывают изменения в монетных изображениях князя М.П. Сотникова и И.Г. Спасский (*Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–IX вв. Л., 1983. С. 81; см. также: *Свердлов М.Б.* Владимир Святославич Святой – князь и человек // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 86).

28 *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 120; *Он же.* Древняя Русь и Запад: Русско-немецкие связи IX–XII веков: Дис. в виде научн. докл. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. М., 1996. С. 23 и сл., Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 308–311; *Он же.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С критикой предположений А.В. Назаренко выступил А.Ю. Карпов (*Карпов А.Ю.* Рецензия // Архив русской истории. Вып. 6. М., 1995. С. 276–279; *Он же.* Владимир Святой. М., 1997. С. 377–378), который, отмечая искусственность построений историка, счел сообщение "Генеалогии Вельфов" недостоверным.

29 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 228. Это отмечает и А.Ю. Карпов (*Карпов А.Ю.* Владимир Святой. С. 119).

30 *Флоровский А.В.* Русское летописание и Я.И. Коменский // Летописи и хроники за 1973 г. М., 1974. С. 312–316; *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 131. *Он же.* Древняя Русь на международных путях. С. 368–369.

31 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 75–76.
32 Там же. С. 225–227.
33 ПСРЛ. Т. 9. С. 68.
34 ПВЛ. Ч. 2. М.; Л., 1950. С. 354. *Лихачёв Д.С.* Летописные известия об Алёше Поповиче // Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы РАН (далее – ТОДРЛ).Т. 7. М.; Л., 1949.
35 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР за 1988–1989 гг. М., 1991. С. 163.
36 *Baumgarten N.* Genealogies et mariages occidentaux Rurikides russes du X au XIII siècle // Orientalia Christiana. Vol. 9. № 35. Roma, 1927.
37 *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 35–39.
38 *Войтович Л.В.* Генеалогія династії Рюриковичів. Київ, 1990. С. 12–16.
39 *Донской Д.В.* Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ч. 1. Репн, 1991. С. 18–23.
40 ПВЛ. Ч. 1. С. 83. Впрочем, в известии о 12 сыновьях Владимира можно увидеть и библейские параллели (*Данилевский И.Н.* "Добру и злу внимая равнодушно..."? (Нравственные императивы древнерусского летописца) // Альфа и Омега. М., 1995. № 3 (6). С. 156–157).
41 *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси... С. 34–35; *Лысенко П.Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 23; см. также: *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 84–89.
42 ПВЛ. Ч. 1. С. 83.
43 Там же. С. 82–83.
44 Там же. С. 83–84.
45 Впрочем, С.В. Юшков полагал, что раздача городов и волостей сыновьям Владимира ознаменовала начало феодальной раздробленности Руси (*Юшков С.В.* Курс истории государства и права СССР. М., 1949. С. 75). Ср. мнение Н.Ф. Котляра (*Котляр Н.Ф.* Указ. соч. С. 84–89).
46 ПВЛ. Ч. 1. С. 56, 83.
47 Там же. С. 56, 83, 100.
48 Там же. С. 83.
49 Там же. С. 56.
50 *Яценко Б.И.* Кто такой Борис Вячеславич "Слова о полку Игореве"? // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 300–301.
51 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 113.
52 *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. 1. М., 1988. С. 194.
53 *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 121; *Он же.* Древняя Русь на международных путях. С. 365–367; *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. С. 379.
54 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 70. По свидетельству "Степенной книги" (XVI в.), Вышеслав скончался еще до смерти Рогнеды (ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 128).

55 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. М., 1993. С. 133, 135, 147, 161, 174, 176–177, 179–182.
56 Там же. С. 186.
57 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 212.
58 *Baumgarten N.* Saint Vladimir et la conversion de la Russie // Orientalia Christiana. Vol. 27–1. Roma, 1932. № 79. P. 38–39; *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 43.
59 *Глазырина Г.В.* О русско-шведском брачном союзе конца X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1998. С. 16–21.
60 *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 12–13.
61 См. "Прядь об Эймунде" в разделе о Святополке Владимировиче.
62 ПВЛ. Ч. 1. С. 54.
63 *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля в IX–XIII вв. М., 1966. С. 136; *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1968. С. 22–23 и сл.
64 *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891. С. 68; *Рыдзевская Е.А.* К варяжскому вопросу // Известия АН СССР. 1934. № 7. Сер. 7; *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1994. С. 23.
65 *Беляев Н.Т.* Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929. С. 264.
66 *Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 146.
67 *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 238.
68 *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 173–175.
69 ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. С. 300–301.
70 *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 239. *Толочко П.П.* Древняя Русь. Киев, 1987. С. 49.
71 ПВЛ. Ч. 1. С. 108.
72 *Соколов Б.М.* Эпические сказания о женитьбе князя Владимира // Ученые записки Саратовского государственного ун-та. Вып. 3. Саратов, 1923. Т. 1. С. 69–102; *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 239; *Мельницева А.А.* Илья Муромец или Добрыня Никитич? // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1999. С. 150.
73 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 209–217.
74 ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 107; Т. 9. М., 1965. С. 155–156.
75 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 113, 373.
76 ПВЛ. Ч. 1. С. 56.
77 ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. С. 300–301.
78 Там же. Т. 15. М., 1965. Стб. 113.
79 *Штыхов Г.В.* Города Полоцкой земли. Минск, 1978. С. 87–90; О возможном пребывании Рогнеды с сыном в Изяславле писал ранее и Л.В. Алексеев (*Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 178). Теперь это Заславль.
80 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 377.
81 ПВЛ. Ч. 1. С. 88; ПСРЛ. Т. 9. С. 68; см. также: *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 61.

82 ПВЛ. Ч. 1. С. 56.
83 ПВЛ. Ч. 1. С. 88; ПСРЛ. Т. 9. С. 68.
84 ПСРЛ. Т. 9. С. 68.
85 *Данилевич В.Е.* Указ. соч. С. 61.
86 ПВЛ. Ч. 1. С. 88; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 69.
87 ПВЛ.Ч.1. С. 56. Аналогичное известие имеется в Супрасльской летописи, вероятно, зависимое от ПВЛ (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 40).
88 *Яценко Б.И.* Указ. соч. С. 299–301.
89 ПВЛ. Ч. 1. С. 108.
90 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 321–322.
91 ПВЛ. Ч. 1. С. 162; ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. С. 129; Т. 9. С. 75.
92 *Рохлин Д.Г.* Итоги анатомического и рентгеновского изучения скелета Ярослава Мудрого // Краткие сообщ. Ин-та истории материальной культуры (далее – КСИИМК). М.; Л., 1940. Вып. 7. С. 56; *Гинзбург В.В.* Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд // Там же. С. 57; *Герасимов М.М.* Опыт реконструкции физического облика Ярослава Мудрого // Там же. С. 72 и сл.
93 ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. С. 112–113.
94 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 2. М., 1994. С. 111, 168; см. также: *Рыдзевская Е.А.* Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. 7. С. 67–72.
95 *Рохлин Д.Г.* Указ. соч. С. 49–56.
96 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 323.
97 Там же. С. 323–324.
98 *Рохлин Д.Г.* Указ. соч. С. 48–49; *Гинзбург В.В.* Указ. соч. С. 61.
99 *Рыдзевская Е.А.* Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе. С. 70–72. У Галла Анонима, кстати, Ярослав показан вялым и малодушным человеком (*Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. С. 146; *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 50–52).
100 ПВЛ. Ч. 1. С. 83.
101 Там же. С. 88–89.
102 Все отрывки из источников, в том числе и граффито Киевского собора, опубликованы в кн: *Рыбаков Б.А.* Запись о смерти Ярослава Мудрого // *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984. С. 59–61.; *Зиборов В.К.* Киевские граффити и дата смерти Ярослава Мудрого: Источниковедческий анализ // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. С. 80–94.
103 *Шляков Н.П.* Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // ЖМНП. 1907. Июнь. С. 362–400.
104 *Рыбаков Б.А.* Запись о смерти... С. 61–64; *Зиборов В.К.* Указ. соч. С. 90–93. Впрочем, выводы обоих исследователей о сентябрьском стиле даты граффити совпали. Об изначально ошибочной посылке В.К. Зиборова см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 368.

105 ПВЛ. Ч. 1. С. 102–103; *Молдован А.М.* "Слово о законе и благодати" Илариона. Киев, 1984. С. 98.
106 ПВЛ. Ч. 1. С. 104.
107 *Гинзбург В.В.* Указ. соч. С. 62–64.
108 *Шаскольский И.П.* Сведения об истории Руси X–XIV вв. в исландских анналах // Вспом. ист. дисциплины. Т. 25. СПб., 1994. С. 233: перевод текста Т.Н. Джаксон.
109 См.: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 194; *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1995. С. 235.
110 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 67, 84.
111 *Ляпиенко А.И.* "Eymundar Saga" и русские летописи // Известия АН СССР. Т. 20. Л., 1926. № 12. С. 1069–1070. Сер. 6; *Свердлов М.Б.* Дания и Русь в XI в. // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970. С. 84; *Головко А.Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 22; *Толочко П.П.* Указ. соч. С. 55; *Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 150.
112 *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе в первой четверти XI в. // Древнейшие государства на территории СССР (далее – ДГ) за 1990 г. М., 1991. С. 185–186. *Он же.* Немецкие латиноязычные источники... С. 194–195.
113 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о русско-скандинавских матримониальных связях // Скандинавский сборник. Вып. 27. Таллин, 1982. С. 109.
114 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 2. С. 156, 161.
115 *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе в первой четверти XI в. С. 117–180.
116 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 142, 193–196.
117 *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 314; *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1905. С. 32.
118 *Гинзбург В.В.* Указ. соч. 64.
119 *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе в первой четверти XI в. С. 185.
120 *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 134.
121 Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950. С. 420.
122 *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. С. 138; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 271–272.
123 *Тихомиров М.Н.* Новгородский хронограф XVII в. // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 293.
124 *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. С. 135.
125 Там же. С. 136.
126 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 1. М., 1988. Примеч. 34 (стб. 16 примечаний к т. 2).
127 *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе в первой четверти XI в. С. 182.
128 *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 14.
129 *Янин В.Л.* Указ. соч. С. 139.

130 *Глазырина Г.В.* Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд // ДГ за 1991 г. М., 1994. С. 240–244.

131 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 2. С. 119, 174.

132 *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 99–100. Об образе Ингигерд в скандинавской традиции см. также: *Мельникова Е.А.* Брак Ярослава и Ингигерд в древнескандинавской традиции: беллетризация исторического факта // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.; Петрозаводск, 1997. С. 151–153; здесь отмечается, что брак Ярослава дал толчок к героизации образа Ингигерд, вобравшего в себя характеристики героических женщин скандинавского эпоса и саг и стереотипного образа скандинава на Руси, что повлекло распространение романтической истории о любви принцессы и Олава. См. также: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 508–515.

133 ПВЛ. Ч. 1. С. 83; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 64.

134 *Андриашев А.М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 102–103; *Зубрицкий Д.И.* История древнего галичско-русского княжества. Ч. 2. Львов, 1854. С. 5–6; *Шараневич И.* История Галицко-Владимирской Руси от наидавнейших времен. Львов, 1863. С. 18.

135 *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 14.

136 *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 6.

137 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. С. 141, 164, 234, 236.

138 Там же. с. 210.

139 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. С. 211; *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 31; ПВЛ. Ч. 2. С. 343; *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957. С. 104–105; *Рыбаков Б.А.* Мир истории. М., 1987. С. 158; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1984. С. 43; *Он же.* Древнерусская государственность. С. 112–113; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси... С. 37.

140 См. обзор литературы: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. С. 211; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 198–199.

141 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. С. 211; см. также: *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе в первой четверти XI в. С. 169. Мотив сватовства и гибели Виссавальда обнаруживает внешнее сходство с рассказом ПВЛ о сватовстве Мала и сожжении древлянских послов.

142 В. Дурасов, вероятно по ошибке, называет ее Гремиславой (*Дурасов В.* Родословная книга Российского дворянства. Ч. 2. СПб., 1906. С. 5).

143 ПВЛ. Ч. 1. С. 56, 92.

144 ПСРЛ. Т. 15. Стб. 137–138; Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 39.

145 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 142.
146 *Галл Аноним.* Указ. соч. С. 35; *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 50, 61.
147 *Dlugosz J.* Roczniki czyli kroniki slawnego krolestwa Polskiego. T. 1. Warszawa, 1962. S. 357.
148 *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 243.
149 *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 36, 309; *Zakrzewski S.* Boleslaw Chrobry Wielki. Lwow; Krakow, 1925. S. 299–300; *Головко А.Б.* Указ. соч. С. 24–25.
150 *Назаренко А.В.* О датировке Любечской битвы // Летописи и хроники. М., 1984. С. 17; *Он же.* Немецкие латиноязычные источники... С. 197.
151 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 70.
152 *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 14.
153 ПВЛ. Ч. 1. С. 56.
154 Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // Scriptores Rerum Hungaricarum. T. 1. Budapestini, 1937. P. 344; Ioannis Pistorii Nuddani. Genealogia regum Hungariae // Scriptores Rerum Hungaricarum. T. 1. Windobonensis, 1746. S. 761; Ioannis de Thwrocz Chronika Hungarorum // Scriptores Rerum Hungaricarum. T. 1. Windobonensis. P. 132.
155 *Baumgarten N.* Genealogies et mariages... P. 7. *Пашуто В.Т.* Внешняя политика... С. 419; *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 15; *Донской Д.В.* Указ. соч. С. 23. См. исследование М.К. Юрасова по поводу русского брака Ласло (*Юрасов М.К.* Отражение перемен в политической ситуации Венгрии эпохи Арпадов в генеалогии Ласло Сара // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 204–210). Историк справедливо полагает, что гипотезу о Премиславе как жене Ласло можно принять лишь в форме "очень осторожной" версии.
156 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 142.
157 Там же. С. 203.
158 *Dlugosz J.* Op. cit. S. 336.
159 *Semkowich A.* Krytyczny rozbior dziejow Polskich Jana Dlugosza. Krakow, 1887. S. 99.
160 Соответствующий отрывок из памятника на языке оригинала и с переводом см.: *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 137.
161 Там же. С. 137–138.
162 *Baumgarten N.* Genealogies et mariages... P. 7.
163 *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 419; *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 15; *Донской Д.В.* Указ. соч. С. 23.
164 *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 134.
165 Там же. С. 134–135.
166 ПВЛ. Ч. 1. С. 56, 83.
167 *Там же.* С. 55. В связи с этим многие историки считали и считают Святополка сыном не Владимира, а Ярополка (см., например: *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 202).
168 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 113; *Хавский П.В.* Предки и потомки рода Романовых. М., 1865. С. 10.
169 См.: *Сотникова М.П.* Древнейшие русские монеты X–XI вв. М., 1995. С. 193; *Хорошев А.С.* Политическая история русской кано-

низация (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 31; *Белецкий С.В.* К вопросу о правовом статусе Святополка Ярополчича в годы великого княжения Владимира Святого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1998. С. 7–10.

170 См.: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 203.

171 ПВЛ. Ч. 1. С. 83.

172 ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 44; *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 366.

173 *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 97.

174 *Лысенко П.Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 23.

175 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 367.

176 *Снорри Стурлусон.* Указ. соч. С. 115.

177 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 139–143.

178 Там же. С. 169.

179 *Галл Аноним.* Указ. соч. С. 36; *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 51, 62–63.

180 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 141.

181 Там же. С. 139.

182 *Roeppell R.* Geschichte Polens. Hamburg, 1840. Bd. 1. S. 145; *Zakrzewski S.* Op. cit. S. 260, 293; *Rhode G.* Die Ostgrenze Polens. Bd. 1. Köln; Graz, 1955. S. 59; *Grabski A.F.* Studia nad stosunkami polsko-ruskimi w poczatkach XI wieku // Slavia Orientalis. T. 6. Warszawa, 1957. S. 173–178; *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957. С. 82; *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 217–220; *Vlasto A.* The Entry of the Slavs into Christendom. Cambridge, 1970. P. 275; *Лысенко П.Ф.* Указ. соч. С. 23–24; *Щавелева Н.И.* Польки – жены русских князей // ДГ за 1987 г. М., 1989. С. 51; *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 13.

183 *Голубовский П.В.* Хроника Дитмара как источник для русской истории // Киевские университетские известия. 1878. № 9. С. 30–32; *Линниченко И.А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. 1. Киев, 1884. С. 45–47; *Свердлов М.Б.* Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X – начала XI в. // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 150–151; *Он же.* Известия о Руси в хронике Титмара Мерзебургского // ДГ за 1975 г. М., 1976. С. 110; *Он же.* Владимир Святославич... С. 85; *Шекера І.М.* Кіевська Русь XI ст. у міжнародних відносинах. Київ, 1967. С. 88–89; *Голонко А.Б.* Указ. соч. С. 20–23.

184 *Рапов О.М., Ткаченко Н.Г.* Русские известия Титмара Мерзебургского // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1980. № 3. С. 59–60.

185 *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 136.

186 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 70.

187 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 152–153, 168–169.

188 *Balzer O.* Genealogia Piastow. Krakow, 1895. S. 4; *Dworzaczek W.* Genealogia. T. 1. Warszawa, 1959; см. также: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 168.

189 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 170.

190 Там же. С. 168, 170.

191 Тем не менее ряд исследователей склонны видеть в этом сыне Владимира Святополка: *Ильин Н.Н.* Указ. соч. С. 81; *Плетнёва С.А.*

Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. М., 1968. С. 218; *Головко А.Б.* Указ. соч. С. 19; *Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия: IX – первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 56 (перевод известия Брунона о княжиче-заложнике см. там же, с. 51). Основанием для этого является связь Святополка с печенегами в период усобицы Владимировичей.

192 *Головко А.Б.* Указ. соч. С. 22.

193 ПВЛ. Ч. 1. С. 89.

194 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 141.

195 ПВЛ. Ч. 1. С. 89–90.

196 *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 236; *Головко А.Б.* Указ. соч. С. 24.

197 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 175.

198 Там же. С. 143.

199 ПВЛ. Ч. 1. С. 89–98.

200 Новгородская первая летопись. С. 69, 180.

201 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 159, 186, 188–189. *Он же.* События 1017 г. в немецкой хронике XI в. и русской летописи // ДГ за 1980 г. М., 1981. С. 175–185.

202 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 140–143. См. также: *Он же.* Древняя Русь на международных путях. С. 452–475.

203 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 166–167; *Головко А.Б.* Указ. соч. С. 23–25.

204 *Лященко А.И.* "Eymundar saga" и русские летописи // Известия АН СССР. Т. 20. 1926. № 12. С. 1086.

205 *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М., 1995. С. 52 и сл.

206 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 161–162.

207 *Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 75.

208 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 74: печенеги здесь пришли на Киев "нечаянно"; см. также: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 184–186.

209 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 2. С. 87.

210 *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 89–104; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 2. С. 104–119.

211 *Cook R.* Russian History, Icelandic Story and Byzantine Strategy in Eymundar Pattr Hringssonar // Viator. Medieval and Renaissance Studies. Vol. 17. 1986. P. 69–71 (см. также рецензию на эту работу: *Джаксон Т.Н.* Византийско-русско-скандинавские литературные связи XI в. // Культура и общество Древней Руси. Ч. 2. М., 1988. С. 231–245); *Рыдзевская Е.А.* Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе. С. 69; *Мельникова Е.А.* "Сага об Эймунде" о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 291; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 2. С. 161.

212 *Лященко А.И.* "Eymundar saga" и русские летописи. С. 1067.

213 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 195.
214 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 2. С. 161.
215 Анализ совпадений см.: *Ляшенко А.И.* "Eymundar saga" и русские летописи. С. 1067 и сл.
216 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 2. С. 168.
217 *Снорри Стурлусон.* Хеймскрингла. С. 111, 112, 115, 154, 644.
218 ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. Стб. 108; ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 132; ср. также: *Ляшенко А.И.* "Eymundar saga" и русские летописи. С. 1072.
219 *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 1966. С. 65.
220 *Ильин Н.Н.* Указ. соч. С. 157–161.
221 *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 238–239; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси... С. 35–36, 38; *Назаренко А.В.* О датировке Любечской битвы. С. 13–19; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 2. С. 170; *Милютенко Н.И.* Эймундова сага и русские источники о смерти Святополка Окаянного // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 276–279; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 515–522.
222 *Ильин Н.Н.*Указ. соч. С. 93–98, 121–123, 134–135, 144, 156–169 и др.
223 *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 239–241.
224 *Головко А.Б.* Указ. соч. С. 23–30.
225 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 186.
226 *Ильин Н.Н.* Указ. соч. С. 141.
227 *Филист Г.М.* История "преступлений" Святополка Окаянного. Минск, 1988.
228 *Янин В.Л.* Таинственный XI век // Знание – сила. 1969. № 3; *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 129–131; *Хорошев А.С.* Указ. соч. С. 25–31.
229 *Ляшенко А.И.* "Eymundar saga" и русские летописи. С. 1081, 1086.
230 Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 170–171.
231 ПВЛ. Ч. 1. С. 98. Впрочем, ПВЛ отмечает могилы многих князей-язычников существующими "до сего дня" (*Данилевский И.Н.* "Добру и злу внимая равнодушно..."? С. 153). Это один из способов подтверждения реальности исторических событий (ср. другие "памятные" места: церкви и т. д.), который вообще характерен для древней историографии.
232 См.: *Ильин Н.Н.* Указ. соч. С. 156.
233 Там же. С. 156–157.
234 В.Н. Татищев датировал гибель Святополка 1020 г. (*Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 373), вероятно, в результате простого логического рассуждения.
235 *Данилевский И.Н.* Святополк Окаянный // Знание – сила. 1992. № 8. С. 71–73; *Он же.* "Добру и злу внимая равнодушно..."? С. 152–156.

236 См.: *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. 2: Ч. 1. М., 1989. Стб. 640.
237 ПВЛ. Ч. 1. С. 56–57.
238 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 113. Имя Адель существовало уже в то время в Европе и употреблялось в германских домах (см., к примеру: *Каштанов С.М.* Царский синодик 50-х гг. XVI в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1993. № 2. С. 61).
239 ПВЛ. Ч. 1. С. 88.
240 ПСРЛ. Т. 9. С. 68.
241 ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 73, 113.
242 См.: *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история... // Избранные произведения. Т. 2. М., 1986. С. 111.
243 *Мальгин Т.С.* Зерцало Российских государей... СПб., 1790. С. 9.
244 *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 12, 14–15.
245 Там же. С. 13.
246 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 371.
247 ПВЛ. Ч. 1. С. 94.
248 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 373.
249 *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 51.
250 *Андриашев А.М.* Указ. соч. С. 103; *Шараневич И.* Указ. соч. С. 17–18.
251 *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 13.
252 ПВЛ. Ч. 1. С. 88; ПСРЛ. Т. 9. С. 68; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 69.
253 *Мальгин Т.С.* Указ. соч. С. 97. В издании 1791 г. таких сведений не содержится.
254 ПВЛ. Ч. 1. С. 83.
255 Там же. С. 99.
256 Слово о полку Игореве. М., 1981. С. 28.
257 *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедёй, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988. С. 95–96.
258 *Дзибель Г.В.* Редедя-Уорэддэд-Уредев // Жизнь. Смерть. Бессмертие: Материалы научн. конф. СПб., 1993. С. 32–34; *Шортанов А.Т.* Редада и Мстислав // Филологические труды. Нальчик, 1977. С. 3–42.
259 ПВЛ. Ч. 1. С. 99–101.
260 ПВЛ. Ч. 1. С. 100–101; ПСРЛ. Т. 5. Л., 1925. С. 126–127.
261 ПВЛ. Ч. 1. С. 101.
262 *Новосельцев А.П.* Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 72–73.
263 Ioannis Scylitzae synopsis historiarum // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 5. 1973. P. 399; то же сообщение у Кедрина: Georgii Cedreni synopsis historiarum // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae. XXXIII. Pt. I–II. 1839. P. 514–515. См. также: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 167.
264 *Cook R.* Op. cit. P. 69; *Джаксон Т.Н.* Косвенные сведения о Мстиславе Тмутараканском в памятниках древнескандинавской письменности // Из истории русско-северокавказских связей: Тез. докл. конф. к 1000-летию первого упоминания в летописи Тмутаракани. Краснодар, 1988. С. 11.

265 *Ляшенко А.И.* "Eymundar saga" и русские летописи. С. 1085.
266 *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 177.
267 ПВЛ. Ч. 1. С. 101.
268 *Белецкий С.В.* К вопросу о принадлежности новгородской подвески № 22–27–1181 // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 1–7.
269 См., к примеру: *кн. Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. 2. СПб., 1856. С. 55.
270 *Милютенко Н.И.* Титулатура "князь"–"каган"–"царь" в Древней Руси // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992. С. 43.
271 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 56, 228, 240.
272 Там же. С. 240.
273 *Мальгин Т.* Указ. соч. С. 86, 103 (изд. 1791 г. – с. 10). *Екатерина II.* Родословие князей великих и удельных. СПб., 1801. С. 13.
274 *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 473.
275 *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 29–31. Однако далее (с. 32) историк писал: «Образование княжения в Чернигове или Переяславле неминуемо грозило бы разделу "Русской земли"».
276 *Яценко Б.И.* Указ. соч. С. 296–305.
277 ПВЛ. Ч. 1. С. 83.
278 Летописец, содержащий в себе российскую историю от 852–1598 г. М., 1819. С. 40.
279 ПСРЛ. Т. 5: Вып. 1. Л., 1925. С. 71–72; Т. 7. СПб., 1856. С. 313; Т. 9. М., 1965. С. 57; Т. 16. СПб., 1889. Стб. 260; Т. 17. СПб., 1907. Стб. 14; Т. 26. М., 1959. С. 30 и др.
280 П.В. Голубовский (*Голубовский П.В.* История Смоленской земли до конца XV столетия. Киев, 1895) не упоминает Станислава вовсе. См. также: *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси... С. 38. *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 194–195 (неверно датировал смерть Станислава).
281 ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 73, 113.
282 Там же. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 12.
283 Там же. Стб. 12–13.
284 ПВЛ. Ч. 1. С. 57.
285 Там же. С. 83.
286 См. комментарии Д.С. Лихачёва и О.В. Творогова к ПВЛ (ПВЛ. СПб., 1996. С. 453; Петрозаводск, 1991. С. 179–180); *Плетнёва С.А.* Хазары. М., 1976. С. 70, 80.
287 ПСРЛ. Т. 15. Стб. 250.
288 Обзор гипотез, построенных на анализе имен, см.: *Ильин Н.Н.* Указ. соч. С. 114.
289 *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси. С. 23.
290 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 57–58.
291 *Добродомов И.Г.* К вопросу о "серебряных булгарах" // Древнейшие государства Восточной Европы за 1992–1993 гг. М., 1995. С. 149–154. Здесь же приведена литература по данному вопросу.

292 *Мальгин Т.* Указ. соч. М., 1791. С. 9; *Хавский П.В.* Указ. соч. С. 10.
293 ПСРЛ. Т. 15. Стб. 73; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 113.
294 *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 195.
295 *Ильин Н.Н.* Указ. соч. С. 101, 114.
296 *Милютенко Н.И.* Титулатура "князь" – "каган" – "царь" в Древней Руси. С. 43–44.
297 *Абрамович Д.И.* Указ. соч. С. 6.
298 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 70.
299 ПВЛ. Ч. 1. С. 83.
300 Житийная датировка отразилась в летописях: ПСРЛ. Т. 9. С. 71, 72; Т. 16. СПб., 1889. Стб. 40; Т. 15: Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 17 и др.
301 *Ильин Н.Н.* Указ. соч. С. 152–156.
302 *Абрамович Д.И.* Указ. соч. С. 6.
303 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 70.
304 ПВЛ. Ч. 1. С. 83.
305 *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 330–331.
306 ПВЛ. Ч. 1. С. 83, 92–93.
307 ПВЛ. Ч. 1. С. 83; ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 294; Т. 16. СПб., 1889. Стб. 39 и др.
308 *Ломоносов М.В.* Указ. соч. С. 106.
309 Летописец, содержащий в себе российскую историю. С. 40.
310 *Ломоносов М.В.* Указ. соч. С. 111.
311 ПСРЛ. Т. 15. Пг., 1922. Стб. 16. На это известие обратил внимание А.Ю. Карпов (*Карпов А.Ю.* Владимир Святой. С. 120), но никаких выводов из него не сделал.
312 ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 259.
313 *Ломоносов М.В.* Указ. соч. С. 122.
314 *Куза А.В.* Указ. соч. С. 68, 154.
315 Синодальный список Родословной книги // Временник Московского Императорского общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851. С. 6.
316 См.: *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 15. Исследователь согласен с Н.А. Баумгартеном.
317 ПВЛ. Ч. 1. С. 83.
318 *Ломоносов М.В.* Указ. соч. С. 111.
319 ПСРЛ. Т. 9. С. 57.
320 ПВЛ. Ч. 1. С. 102.
321 Там же. С. 109.
322 Там же. С. 109–110.
323 *Татищев В.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 372–373.
324 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 141.
325 *Бибиков М.В.* Русь и Византия: встреча культур (Обзор новейшей отечественной историографии) // Русь между Востоком и Западом: культура и общество: X–XIII вв.: Реф. сб. Т. 3. М., 1991. С. 212–263. См. также: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 30–31.
326 Работы автора на эту тему начали появляться с 1984 г. в "Вопросах истории", "Историко-астрономических исследованиях", однако наиболее полно результаты исследования изложены в кн.: *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 241–242.

327 *Богданова Н.М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // Византийский временник. Т. 47. М., 1986. С. 39–46; *Она же.* О значении точного прочтения источника // Там же. Т. 49. М., 1988. С. 195–201. В 49-м томе опубликована и ответная статья Ранова на первую работу Богдановой (*Ранов О.М.* Еще раз о датировке взятия Корсуня князем Владимиром. С. 190–194).

328 *Кн. Оболенский Д.Д.* Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // Византийский временник. Т. 55. М., 1994. С. 53–61.

329 *Пономарёв А.Л., Сериков Н.И.* 989 (6496) год – год крещения Руси: Филологический анализ текстов, астрология и астрономия // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 156–185.

330 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 141, 178–179. А. Поппэ недавно выдвинул интересную гипотезу о том, что жена новгородского посадника Остромира Феофана могла быть дочерью Владимира от брака с Анной (*Поппэ А.* Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). 1997. С. 102–120).

331 ПВЛ. Ч. 1. С. 104.

332 *Баумгартен Н.А.* Добронега Владимировна... С. 103–105.

333 ПСРЛ. Т. 7. С. 331; Т. 9. С. 82; Т. 5. СПб., 1851. С. 137–138.

334 ПВЛ. Ч. 1. С. 103–104; ПСРЛ. Т. 5. С. 137–138; Новгородская первая старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 181; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Вып. 1. Пг., 1915. С. 116.

335 ПСРЛ. Т. 4: Ч. 1. Вып. 1. С. 116.

336 *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 319; *Щавелева Н.И.* Польки – жены русских князей... С. 52. См. также: *Янин В.Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Вып. 4.

337 Annalista Saxo // MGH SS. V. VI. Hannoverae, 1849. S. 683; *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 53, 65–67.

338 *Dlugosz J.* Op.cit. Ks. 3–4. S. 34–35.

339 Rocznik Krasinskich // Monumenta Poloniae Historica (MPH). V. 3. 1878. S. 130; *Balzer O.* Genealogia Piastow. S. 89, 92.

340 *Dlugosz J.* Op. cit. Ks. 3–4. S. 40.

341 *Линниченко И.А.* Указ. соч. С. 48–52.

342 *Баумгартен Н.А.* Добронега Владимировна.. С. 102–109.

343 *Ильин Н.Н.* Указ. соч. С. 115; *Королюк В.Д.* Указ. соч. 305–319; *Головко А.Б.* Указ. соч. С. 43–45; *Щавелева Н.И.* Русские княгини в Польше // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 117–118.

344 *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 15–16.

345 *Назаренко А.В.* Житие Антония Печерского и датировка русско-польского союза при Казимире I и Ярославе Мудром // Славяне и их соседи: международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 19–21.

346 *Галл Аноним.* Указ. соч. С. 51, 148; *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 53; *Dlugosz J.* Op. cit. S. 35.

347 *Dlugosz J.* Op. cit. S. 34–35; ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 267.

348 *Баумгартен Н.А.* Добронега Владимировна... С. 107–109; *Ильин Н.Н.* Указ. соч. С. 114–115; *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 305–319.
349 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 142.
350 "Великая хроника" о Польше, Руси и их соседях. С. 70, 211.
351 "Великая хроника" о Польше, Руси и их соседях. С. 211–212; ПСРЛ. Т. 2. С. 250, 267; *Линниченко И.А.* Указ. соч. С. 48; *Dlugosz J.* Op. cit. S. 34–35; *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148, 150–151.
352 *Dlugosz J.* Op. cit. S. 34–40.
353 В качестве "славянского редкого" имени оно отмечено даже в словаре Н.А. Петровского (*Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 1966. С. 97).
354 *Линниченко И.А.* Указ. соч. С. 48–49; *Semkowicz W.* Krytyczny rozbior... S. 115; *Щавелева Н.И.* Русские княгини в Польше. С. 118.
355 *Щавелева Н.И.* Русские княгини в Польше. С. 118.
356 *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148.
357 Georgii Cedreni... S. 478–479.
358 Доклад Г.Г. Литаврина на X Юбилейных чтениях к 80-летию В.Т. Пашуто "Восточная Европа в древности и средневековье". 1998. Апрель.
359 *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI и XII вв. // Васильевский В.Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 206–207.
360 См.: *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 15.
361 *Васильевский В.Г.* Указ. соч. С. 206–207.
362 Georgii Cedreni... S. 464.
363 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 2: Гл. 2. Стб. 11.
364 *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 1. М., 1829. С. 258–259, 366; *Soloviev A.V.* Domination byzantine ou russe au nord de la Mer Noire à l'époque des Comnenes? // Akten des XI Internationalen byzantinischen Kongresses 1958. Munchen, 1960. P. 575.
365 Цит. по: *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе в первой четверти XI в. С. 168. Текст сообщения приведен также в кн.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. IX – первая половина XII в. М., Л., 1989. С. 138: перевод М.Б. Свердлова.
366 *Сухотин Л.М.* Брачные союзы ближайших потомков св. князя Владимира // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938. С. 180.
367 *Свердлов М.Б.* Дания и Русь в XI вв. // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970. С. 83–85.
368 *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе в первой четверти XI в. С. 167–190; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 335–338. См. также: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 476–488.
369 *Isenburg W. K.* Stammtafeln zur Geschichte der Europaischen Staaten. Bd. 2. Marburg, 1956. T. 70, 77.
370 *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе в первой четверти XI в. С. 171.

Пчелов Е.В.

П 92 Генеалогия древнерусских князей IX — начала XI в. / Отв. ред. О.М. Медушевская. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. 262 с.

ISBN 5—7281—0314—6

Монография посвящена древнейшему периоду истории русского государства. Внимание автора сосредоточено на проблемах генеалогии и биографиях древнерусских князей, представителей первых пяти поколений династии Рюриковичей.

В сравнительном аспекте изучаются свидетельства разнообразных по времени создания, жанру и происхождению исторических источников, анализируется отечественная и зарубежная историография.

Реконструируются реальная генеалогия Рюриковичей IX — начала XI в. и генеалогические представления эпохи Средневековья в их развитии.

Монография подготовлена на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Предназначена для историков-медиевистов, генеалогов, специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин и всех интересующихся русской историей.

ББК 63.2

PLLY